

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ

10

1938

А. ВЫШИНСКИЙ

Сталинская Конституция и социалистическая законность¹

Мой доклад посвящен вопросу о нашей великой Сталинской Конституции, вопросу о роли и значении в деле социалистического строительства социалистической законности, наших советских законов.

Сталинская Конституция является основным законом нашего советского государства.

Основной закон — это закон, который определяет собою не только государственное устройство, не только общественное устройство данного государства. Основной закон, или Конституция, как определил это товарищ Сталин, является юридической базой для всей работы законодательных органов страны.

Сталинская Конституция является актом величайшего, в буквальном смысле этого слова всемирно-исторического значения.

Она, великая Конституция, вдохновлена великим Сталиным, написана под непосредственным руководством товарища Сталина, пропущена идеями великого учения Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина.

Конституция Союза Советских Социалистических республик 1936 года это Конституция итогов социалистических побед, одержанных рабочим классом в союзе с трудящимися крестьянскими массами, при непосредственном участии стоящей на стороне социализма передовой советской интеллигенции, под руководством нашей непобедимой коммунистической партии большевиков, во главе с ее Центральным Комитетом, во главе с товарищем Сталиным.

В Сталинской Конституции выражен итог пройденного победоносным пролетариатом, во главе всего советского народа, исторического пути в борьбе за социализм. Вот почему наша Конституция называется по справедливости Конститу-

цией победившего социализма, Конституцией социализма, который вошел в быт, стал фактом исторической жизни, отрицать который уже не может ни один самый злостный враг советской земли, самый злостный враг советской власти.

Историческое значение нашей Конституции прекрасно выражено товарищем Сталиным, сказавшим о том, что она подвела итоги борьбы за социализм в нашей стране, что эта Конституция одновременно служит и обвинительным актом против фашизма, вселяет трудящимся и угнетенным народам всего мира уверенность в том, что и трудящиеся других стран, всего мира придут к таким же блестящим победам, к каким пришел трудящийся народ Советского Союза под непобедимым знаменем Ленина — Сталина.

Товарищ Сталин на Чрезвычайном VIII съезде советов в своем историческом докладе о проекте новой Конституции, подвел итог всего 20-летнего развития СССР. Товарищ Сталин дал в этом докладе гениальнейший анализ развития общественных отношений в СССР. Выражение этого общественного развития дано в Конституции — основном законе советского государства.

Товарищ Сталин в этом докладе дал анализ всех особенностей нашей Конституции и ее отличия от конституций любой капиталистической страны, даже самой «передовой» и самой «демократической» капиталистической страны, хотя мы, говоря «передовой», «демократической», употребляем эти слова в кавычках. Товарищ Сталин дал анализ в своем докладе особенностей социалистического строя, особенностей и свойств нашей советской, единственно подлинной демократии, демократии социалистического общества.

Товарищ Сталин вместе с тем показал тождество и единство пролетарской демократии и пролетарской диктатуры.

Разбирая критические замечания, раздавшиеся со стороны наших противников и классовых врагов, в частности, те критические замечания, которые были направлены против нашей Конститу-

¹ Обработанная автором стенограмма доклада на партийно-советско-комсомольском активе в г. Саратове 4 сентября 1938 г.

тудии, товарищ Сталин в ответ на эти замечания сказал: «Я должен признать, что проект новой Конституции действительно оставляет в силе режим диктатуры рабочего класса, равно как сохраняет без изменения нынешнее руководящее положение Коммунистической партии СССР».

И далее товарищ Сталин отметил: «Если уважаемые критики считают это недостатком проекта Конституции, то можно только пожалеть об этом. Мы же, большевики, считаем это достоинством проекта Конституции»².

Этим самым товарищ Сталин раз и навсегда указал этим так называемым «уважаемым» критикам, что Сталинская Конституция, которую справедливо товарищ Сталин охарактеризовал как самую демократическую Конституцию в мире, есть в то же самое время Конституция, рожденная пролетарской диктатурой, победившей в Октябрьской революции, в огне гражданской войны, в борьбе с предателями, победившей и побеждающей всегда и везде, где рабочий класс встречается лицом к лицу со своими врагами.

Вопрос о том, что товарищ Сталин назвал «режимом диктатуры рабочего класса» — это есть вопрос о диктатуре рабочего класса как основе нашего советского социалистического демократизма, как основе нашей новой Сталинской Конституции. Вопрос о диктатуре пролетариата является одним из важнейших вопросов нашего общественного развития. Вопрос о диктатуре пролетариата неотделим от вопроса о пролетарской революции в целом, от вопроса, связанного с самим существом и, я бы даже сказал, с самим существованием советского государства, ибо само советское государство есть особая форма диктатуры рабочего класса. В «Критике Готской программы» Маркс писал, что между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. «Этому периоду, — читаем мы в «Критике Готской программы», — соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть не чем иным, как революционной диктатурой пролетариата». Ясно, просто, отчетливо, чеканно, как и все, выходящее из-под пера великого основоположника нашего революционного учения — марксизма, Маркс дал ответ на вопрос о том, чем является, чем должно являться и чем будет оставаться общество переходного периода в течение всего времени превращения капиталистического общества в общество коммунистическое.

Мы сейчас переживаем эпоху, которую товарищ Сталин назвал первой, или нижней стадией коммунизма, т. е. социализмом. Ясно, что нам нужно еще сделать немало усилий для того, чтобы подвинуть развитие нашего общества на высшую ступень, на ту ступень, где мы вступим уже непосредственно в высшую фазу коммунизма. Следовательно, до этого момента, т. е. до того, как наше развитие завершится переходом на высшую ступень коммунистического общества в нашей стране, — будет продолжаться период, который охарактеризован Марксом, Энгельсом, Лениным, Сталиным как период господства революционной диктатуры пролетариата или, как

сказал товарищ Сталин, — режима диктатуры рабочего класса. Таким образом государство социализма, каким является наше советское государство, есть государство революционной пролетарской диктатуры, и, как государство пролетарской диктатуры, есть особая форма выражения господства рабочего класса, выражения его побед, которые не могут в этот период времени, в этот период истории выражаться в иных формах, чем те, в которых они выражаются, т. е. в форме государства пролетарской революции.

Пролетарская революция, ее движение, ее размах, ее достижения облекаются в плоть и кровь лишь через диктатуру пролетариата. Не путь мирного развития капитализма, не мирное вращение капитализма в социализм, как пытались проповедывать некоторое время тому назад презренные изменники, предатели, не путь завоевания парламентского большинства, но путь вооруженного востания пролетариата, насильственного устранения пролетариатом эксплуататоров, уничтожения буржуазного государства, — этой машины угнетения трудящихся, — путь организации вместо государственной машины эксплуататорских классов нового, пролетарского государства, для подавления сопротивления эксплуататоров и для руководства всем народом в борьбе против буржуазии — таков путь завоевания пролетариатом власти и построения бесклассового социалистического общества. Этот путь под руководством нашей великой партии, под личным руководством Ленина и Сталина, наш рабочий класс в союзе с трудящимися крестьянскими массами начал в памятные незабываемые дни побед 1917 года и под великим ленинско-сталинским знаменем прошел весь путь организации и утверждения советского государства, увенчавшегося великой Сталинской Конституцией.

Буржуазия и ее презренная агентура, вроде Бухарина, Рыкова и других агентов фашистских разведок, не раз пыталась противопоставить диктатуру пролетариата пролетарской демократии.

Волтуны и просто предатели утверждали, что диктатура пролетариата и пролетарская демократия, т. е. демократия, единственно способная и достойная называться этим великим именем, не совместимы между собой. Между тем, пролетарская диктатура и пролетарская демократия являются двумя сторонами одного и того же общественного явления.

Разоблаченный враг народа Пятаков, еще в дореволюционные годы переметывавшийся не раз на сторону буржуазии, к которой он впоследствии окончательно прикипел, изменив делу социализма, за что и был приговорен нашего советского суда расстрелян, как собака, этот самый Пятаков, ударившись в так называемый «экономический империализм», еще в 1915 г. пытался противопоставить пролетарскую диктатуру пролетарской демократии.

Разоблачая Пятакова, выступавшего тогда в печати под именем Ю. Клевского, Ленин писал, что «социализм не осуществим иначе как через диктатуру пролетариата, которая соединяет насилие против буржуазии, т. е. меньшинства населения, с полным развитием демократии, т. е. действительно равноправного и действительно всеобщего участия во всей мас-

² Сталин, О проекте Конституции Союза ССР, Партиздат, 1936 г., стр. 30.

сы населения во всех государственных делах и во всех сложных вопросах ликвидации капитализма»³.

В этих замечательных словах товарища Ленина содержалось утверждение полного тождества и совпадения пролетарской демократии и пролетарской диктатуры, указание на то, что пролетарская диктатура является основой пролетарской демократии, что пролетарский демократизм является продолжением пролетарской диктатуры, в условиях которой пролетариат получает возможность своего дальнейшего блестящего развития.

Только в СССР, где крепка и могуча диктатура рабочего класса, пролетарская демократия превращается в подлинную демократию, превращается в демократию всех людей, за исключением ничтожной кучки, лишенной прав, совершающей против государства тяжкие преступления. Только в СССР, где крепка пролетарская диктатура, возможен подлинный расцвет пролетарской демократии, демократии единственной достойной этого великого имени. Так и случилось в нашей стране. Когда государство советов укрепились и благодаря блестящим победам социализма под руководством нашей партии и великого Сталина поднялось до высшей ступени своего государственного могущества, когда было ликвидировано вселюд за фабрикантами и помещиками кулачество как класс, когда крестьянство, освобожденное от гнета и насилия помещиков и кулаков, объединилось в мощное колхозное движение и окончательно примкнуло к социализму, закрепив нерушимую дружбу с рабочим классом, тогда воссияло в нашей социалистической стране во всей силе и блестящей красоте солнце социалистической демократии.

Говоря об империалистической войне, Ленин писал:

«Империалистическая война есть тройное, можно сказать, отрицание демократии (а — всякая война заменяет «права» насилием; б — империализм вообще есть отрицание демократии; в — империалистическая война вполне приравнивает республику к монархии), но пробуждение и рост социалистического восстания против империализма неразрывно связаны с ростом демократического отпора и возмущения»⁴.

Ленин писал: «Целью гражданской войны является завоевание банков, фабрик, заводов и пр., уничтожение всякой возможности сопротивления буржуазии, истребление ее войска. Но эта цель недостижима ни с чисто военной, ни с экономической, ни с политической стороны без одновременного, развивающегося в ходе такой войны, введения и распространения демократии среди нашего войска и нашего «тыла». Мы говорим массам теперь (и массы инстинктивно чувствуют нашу правоту, когда мы говорим им это): «Вас обманывают, ведя на войну ради империалистского капитализма и прикрывая ее великими лозунгами демократии». «Вы должны вести и вы поведете войну про-

тив буржуазии действительно демократически и в целях действительного осуществления демократии и социализма». Теперешняя война соединяет и «сливает» народы в коалиции посредством насилия и финансовой зависимости. Мы в своей гражданской войне против буржуазии будем соединять и сливать народы не силой рубля, не силой дубья, не насилием, а добровольным согласием, солидарностью трудящихся против эксплуататоров. Провозглашение равных прав всех наций для буржуазии стало обманом, для нас оно будет правдой, которая облегчит и ускорит привлечение на нашу сторону всех наций. Без демократической организации отношения между нациями на деле, — а, следовательно, и без свободы государственного отделения — гражданская война рабочих и трудящихся масс всех наций против буржуазии невозможна»⁵.

Нельзя более отчетливо показать всю органическую связь между пролетарской демократией и пролетарской диктатурой. Нельзя более отчетливо, с другой стороны, показать, что наша демократия опирается на пролетарскую диктатуру, что в нашей демократии различного рода общественные формы являются не чем иным, как своеобразным выражением режима диктатуры рабочего класса, и это относится, в первую очередь, к нашему советскому закону, к нашему советскому праву. Советский закон и все советское право в целом являются, с одной стороны, выражением диктатуры рабочего класса, а с другой стороны — важнейшим демократическим способом выражения воли широчайших народных масс, организованных под руководством нашего государства в социалистическое общество.

Сталинская Конституция является результатом, итогом блестящих побед пролетарской диктатуры. В то же время Сталинская Конституция является основой для такого развития, для такого широкого, гигантского, невиданного и невозможного ни в какой, самой демократической и передовой капиталистической стране, — демократизма, каким является наш советский демократизм. Это в свою очередь стоит, несомненно, в зависимости от того, насколько могуча диктатура рабочего класса. Наша Конституция воплощает это могущество не только в своих отдельных статьях, но воплощает это в самой жизни, в действительно демократических формах нашего общественного устройства, в торжестве таких принципов демократизма, как принцип всеобщего, равного и прямого избирательного права, при тайном голосовании, принцип, окончательно ликвидированный в фашистских странах.

Всеобщее избирательное право буржуазия записала в конституциях ряда стран, но ни в одной стране этот принцип не был осуществлен. Ведь даже в таких странах, как Англия, всего только десяток лет тому назад было предоставлено избирательное право женщинам, а во Франции избирательное право женщины не имеют и по сегодняшнего дня. Профессор Парижского юридического факультета А. Эмен утверждает, что

³ Ленин, т. XXX, с. 260.

⁴ Ленин, т. XXX, с. 259.

⁵ Ленин, т. XXX, с. 261.

«общее и инстинктивное чувство цивилизованного мира противится этому нововведению». Проф. Эсмен утверждает, что «с самого происхождения человечества между двумя полами установилось естественное разделение труда и функций, постоянно закреплявшееся и усиливавшееся. Мужчине выпала на долю общественная жизнь и связанные с нею функции; женщине — домашние заботы и важная задача первоначального воспитания детей. С течением времени воспитание и влияние наследственности развили и укрепили у мужчины и у женщины способности, соответствующие их различной общественной роли. Вовлечь в настоящее время женщин в общественную жизнь, не сообразаясь с этим многовековым раздвоением, значило бы внести без всякой надобности начала смуты в политическую организацию новейших обществ, уже осложненную множеством других проблем»⁶.

Таким образом, даже в такой передовой стране буржуазной демократии, как Франция, профессора открыто отрицают равноправие женщины в политической, государственной жизни страны.

Ни в одной капиталистической стране, как я сказал, принцип всеобщего избирательного права последовательно не проведен по такого рода «идеологическим» соображениям, о которых я сейчас сказал, и по другим аналогичным соображениям — просто бояться женщины, а вдруг она в политической борьбе, говоря фигурально, выдарапает разным католическим партиям и всяким мракобесам глаза...

Не иначе обстоит дело в капиталистических странах с другими политическими принципами и правами. Я уже не говорю о фашистских странах, о них вообще нечего говорить, потому что там вообще нет никакого выборного начала и никаких политических прав. Там действуют по команде: «Ейи, цвей, дрей». Чтобы не затруднять население выборами, в фашистских странах новые депутаты «избираются» по команде: «Ейи, цвей, дрей».

Поэтому о фашистских странах, когда мы говорим о таких тонких вещах, как избирательное право, говорить не приходится.

Но если взять другие буржуазные страны, которые еще числятся в разряде демократических государств, взять к примеру США, то и здесь выборы происходят в такой атмосфере, что даже известный буржуазный ученый Брайс, большой знаток различных стран, их государственной деятельности, устройства и жизни, в своем 3-томнике «Американская республика» говорит, что он никак не представлял, чтобы во время выборов можно было так мошенничать, как мошенничают различные буржуазные партии во время выборов в США. Я целиком полагаюсь на авторитет Джемса Брайса. Если он говорит о чудовищных избирательных мошенничествах в США то, видимо, он имеет на то основания. Там избирательные мошенничества доходят до того, что приходится принимать самые неожиданные мероприятия в целях пресечения и предупреждения этих преступлений. Известно, что

при выборах обычно пользуются обычными деревянными ящиками, куда опускаются избирательные бюллетени. В некоторых штатах США с некоторого времени, однако, стали пользоваться вместо деревянных ящиков стеклянными. Это вызвало удивление. Почему решили прибегнуть вместо деревянных ящиков к стеклянным? Брайс объясняет это тем, что стеклянные ящики явились единственным средством против избирательного жульничества. Когда пользовались деревянными ящиками, то в тот момент, когда приступали к опусканию бюллетеней, ящики уже оказывались до отказа заполненными фальшивыми бюллетенями. Американцы решили, что единственным средством против такого преступного нарушения прав избирателей могут явиться стеклянные ящики, через которые все «насквозь», как говорится, видно.

Дело, однако, не в форме ящиков и не в материале, из которого сделаны избирательные ящики. Дело в том, из какого материала сделана конституция той или иной страны, что представляет собой общественное и государственное устройство той или иной страны, какой класс стоит у власти, какие общественные идеалы он осуществляет своей деятельностью.

История со стеклянными ящиками была бы, конечно, очень смешной, если бы она не была такой грустной для демократии Североамериканских соединенных штатов, которые, как вы знаете, считаются самой передовой буржуазной страной. Ясное дело, что в таких странах понятия о том, что передовое и что непередовое, давно спутались.

Я мог бы вам рассказать немало и других очень интересных фактов из области того, как в капиталистических странах, я подчеркиваю, даже самых передовых, самых демократических странах, осуществляется всеобщее, равное и пр. избирательное право, но я ограничусь пока этим только примером, чтобы было ясно, что в капиталистических странах никогда не было и нет до сих пор несмотря на все громкие заверения, ни всеобщего, ни прямого, ни равного, ни тайного голосования. Этот пример достаточно убедительно говорит о том, что буржуазная демократия имеет своей единственной целью — обман народа. Буржуазные конституции стараются скрыть от глаз народа подлинный механизм государственного управления в капиталистических странах, механизм, вся сила которого направлена исключительно только на то, чтобы ускорить угнетение и эксплуатацию, господство эксплуататоров, в полном смысле этого слова — правящую уголовщину, господство кучки богатых над миллионными массами рабочих и крестьян. В этих странах давно исчезли понятия о законе и законности в их подлинном смысле и значении. И только в нашей стране действительно закон действует, как это ему подобает, как закон — непреложный и строгий в своих требованиях, справедливый и недвусмысленный. Только в СССР Конституция обеспечила действительно осуществление всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права. Только в нашей стране то, что Конституция записала, то, что записано в нашем законе, является действительно фактом, действительно было, как это и полагается в нашем государстве, где закон выражает волю рабочего класса, волю со-

⁶ А. Эсмен, Основные начала государственного права, М., 1893 г., с. 187—188.

ветского народа, руководимого партией Ленина — Сталина.

Наша Конституция, как я сказал, является основным законом советского государства. В нашей Конституции закон поднят на такую высоту, на такую не может быть поднят ни в одной капиталистической стране, потому что ни в одной капиталистической стране сама Конституция не играет той роли, какую играет она в нашей стране, именно как основной закон государства.

Записанные в нашей Конституции принципы обеспечены воплощением в жизнь в полном объеме. Возьмем 10 главу Сталинской Конституции; то, что в ней записано — это то, за что лучшие люди человечества, за что рабочий класс всего мира боролся в течение столетий — это право на труд, это право на образование, это право на обеспечение в старости и по случаю болезни, это равноправие женщин, это равенство наций независимо от того, сильна эта нация или слаба, велика и многочисленна или немногочисленна, — вот эти величайшие принципы человека и гражданина, о которых не раз говорили громко вещатели всевозможных буржуазных конституций, эти величайшие принципы подлинного человеческого равноправия и гражданства государственного выражены в Сталинской Конституции и полностью воплощены в жизнь во всех своих частях, и в области труда, и в области народного образования, и в области здравоохранения и в области социального обеспечения. 10 глава нашей Конституции — величайшая из глав конституций, какие когда либо были известны человечеству — не простая формула конституционных принципов, это есть живая, подлинная жизнь, опирающаяся на всю мощь и силу советского социалистического государства, защищаемого великой Конституцией, под охраной диктатуры рабочего класса.

В нашей Конституции не случайно закону отводится такое почетное место. Целый ряд очень важных государственных и общественных институтов, провозглашенных Сталинской Конституцией, прямо и непосредственно опираются на охрану и защиту закона. Например, статья 9 Сталинской Конституции, говорящая о том, что в системе социалистического хозяйства может существовать мелкое частное хозяйство, основанное на единоличном труде, исключаящее эксплуатацию чужого труда, прямо говорит о законе. Наряду с системой социалистического хозяйства, говорит ст. 9, законом допускается существование мелкого частного хозяйства. Прямая ссылка на закон имеет гигантское значение, ибо она, с одной стороны, дает юридическое основание для этого института, а, с другой стороны, указывает на то, что на закон возлагается и обязанность предотвращать превращение этого мелкого частного хозяйства, исключаящего эксплуатацию чужого труда, в такое хозяйство, которое допускает эксплуатацию чужого труда.

В соответствии с принципом, провозглашенным ст. 9 Конституции, стоит новый закон, принятый 2 сессией Верховного Совета СССР, именно закон о налоге на лошадей единоличных крестьянских хозяйств. Именно потому, что некоторые единоличные крестьянские хозяйства имеют тенденцию перерастания в противоречие советским законам в частное хозяйство эксплуататорского типа, Верховный Совет СССР установил налог, который будет иметь определенное организующее обще-

ственное значение, который направлен против спекулятивных тенденций единоличных хозяйств.

О роли, силе и значении советского закона говорится в целом ряде очень важных статей нашей Конституции. Например, в статьях, посвященных праву личной собственности граждан, праву наследования, провозглашенному статьей 10 нашей Конституции и говорящей о том, что право личной собственности и право наследования личной собственности охраняется законом.

Статья 20 нашей Сталинской Конституции регулирует случаи расхождения закона общесоюзного с законом союзной республики.

Статья 20 Конституции разрешает этот вопрос в пользу закона общесоюзного, говоря, что если с ним вступает в противоречие закон какой-либо республики, то действует общесоюзный закон. Это находится в полном соответствии с основными принципами советской законности, которые нашли в Сталинской Конституции высшее развитие. Это находится в соответствии с принципами, провозглашенными в самом начале организации советской власти и, в частности, в историческом письме товарища Ленина к товарищу Сталину для Политбюро «О «двойном» подчинении и законности» (1922 г.), посвященном очень важному вопросу об организации советской прокуратуры. В этом письме товарищ Ленин показал, в чем заключается основная задача советской социалистической законности, показал все отличие советской законности от законности других стран. Ленин писал, что мы должны преодолеть один из основных недостатков нашей жизни, который является результатом все еще не изжитого бескультурия, когда имеется законность казусная наряду с законностью казанской. Законность, писал Ленин, должна быть единой, она должна быть общедолевой. Ленин писал, что должна быть единая всероссийская законность (тогда еще не было Союза ССР, была Российская Федерация) и что не может быть законности казусной в отличие от законности казанской, как не может быть, добавлю от себя, и законности саратовской в отличие от законности всеобщей.

В порядке критики и самокритики я мог бы сказать, что в Саратовской области у некоторых прокуроров имеются рецидивы местной «законности». Особенность советской законности заключается в том, что она является единой. Вот почему совершенно нелепо такое положение, когда между законом, какой-либо республики и между законом общесоюзным было бы расхождение. В нашей Конституции, в статье 20 говорится, что в случае расхождения закона какой-либо республики с законом общесоюзным, действует общесоюзный закон.

Это очень важно, потому что в принципе единства законности находит свою точку опоры другой принцип, который провозглашен был в докладе о проекте новой Конституции на Чрезвычайном VIII съезде советов товарищем Сталиным, указавшим на то, что нам теперь нужна стабильность законов больше, чем когда бы то ни было. Стабильность законов — это значит устойчивость закона, это значит непреклонность закона, это значит — твердое, безоговорочное соблюдение законов всеми органами и должност-

ними лицами, как бы, может быть, им не казаться, что этот закон нужно в ту или другую сторону «подправить». У нас не мало есть таких «поправляльщиков» законов, думающих, что когда они расходятся с законом, не им надо под закон подравниваться, а нужно как-то закон подравнять под них или «поправить» закон или, как говорят такие любители исправления законов, — «привести закон в соответствие с целесообразностью». Вообще ссылками на целесообразность нередко пытаются прикрыть любое нарушение закона.

Есть такие коротышки, — они еще не перевелись у нас, — которые, наткавшись в своей бюрократической деятельности на преграду закона, стараются обойти это препятствие, устранить возникшее для них неудобство от наличия того или иного «мешающего» им закона, различными исправлениями этого закона, толкованием закона с точки зрения «революционной» целесообразности, с точки зрения своей «революционной совести». Как будто бы советский закон находится в противоречии с пролетарской совестью или с революционной целесообразностью и как будто данный человек, данный, будем его именовать, скажем, Имя Рек, что как будто бы этот Имя Рек Имя Рекович Имя Реков — уполномочен всей революцией выражать ее совесть. И обыкновенно такие господа действуют самым бесовским образом. Можно назвать многочисленные случаи, это теперь уже ясно доказано и установлено благодаря блестящей работе нашей славной сталинской разведки под руководством замечательного наркома внутренних дел Николая Ивановича Ежова, — что одним из методов вредительской работы врагов народа, «вредителей», шпионов, диверсантов, были грубые, преступные извращения в деле применения наших законов. Стараюсь всячески поколебать авторитет советского закона, всячески повредить тому, что товарищ Сталин называл стабильностью наших законов, расшатать наш советский правопорядок, эти наемники не раз прикрывали свою подрывную работу ссылками на «устарелость» законов, на необходимость «подправить» эти законы во имя «целесообразности» и пр. и т. п. Конечно, не надо себе представлять, что эти предатели действительно открыто: дескать, нарушаю закон и все, делаю так, как моя левая нога хочет. Ясное дело, что они не имели возможности, даже если бы хотели, так нагло и цинично издеваться над нашими советскими законами; они должны были и здесь, как и во всей своей вредительской работе, уметь и тщательно маскироваться, прикидываясь, что они только «поправляют» некоторые недостатки в наших законах, что действуют по «революционному правосознанию» и «революционной целесообразности» и т. д. и т. п. Доходило ведь дело до того, что под флагом этой «целесообразности» очень часто предъявлялись к населению самые несуразные требования. Например, один горсовет еще недавно издал обязательное постановление, которое угрожало штрафом за оставление в бане, в шайке грязной воды.

Это конечно, вражеская работа, потому что только враги могут действовать таким образом. Борьба с такого рода вредительством составляет одну из задач укрепления социалистической законности.

Законность должна быть одна, единая, всеобщая.

Наша Сталинская Конституция требует точного, четкого и строгого соблюдения советских законов.

Сталинская Конституция впервые проводит резкое разграничение самого понятия закона, отделяя от понятия закона понятие указа, постановления и распоряжения других органов государственной власти.

По Сталинской Конституции законы издаются только законодательным органом — Верховным Советом Союза ССР, Верховными Советами союзных и автономных республик. Ни какой другой орган не может придавать своим решениям и постановлениям силу закона, ибо закон могут издавать только Верховный Совет Союза ССР и Верховные Советы союзных и автономных республик.

Президиумы Верховных Советов Союза ССР, союзных и автономных республик — это тоже высший орган государственной власти в нашей стране.

Но Президиум Верховного Совета СССР и Президиумы Верховных Советов союзных и автономных республик законов издавать не могут. Они могут только разъяснять законы, издавать указы в развитие законов, на основании принятых Верховным Советом законов.

На второй сессии Верховного Совета был принят ряд важнейших законов, в частности, закон о судостроительстве СССР, союзных и автономных республик. Закон о судостроительстве коренным образом реорганизует всю нашу судебную систему и судебную работу. Этот закон вносит чрезвычайно важные новшества в работу наших судов. Если до сих пор народные суды и народные судьи избирались райисполкомами, то теперь, на основании Сталинской Конституции и нового закона о судостроительстве, выборы народных судей будут производиться на основе всеобщего, равного, прямого избирательного права при тайном голосовании. Это поднимает советский суд на невиданную высоту, поднимает авторитет и народных судей и судебных приговоров и решений на недостижимую для капиталистических стран высоту. Это дает право утверждать, что наши народные судьи — это те же народные избранники, как и депутаты Верховных Советов нашей страны. Это говорит о том, какое громадное общественно-политическое значение имеет закон о судостроительстве. Но принятием одного закона о судостроительстве вовсе не исчерпывается вся та работа, которую нужно проделать для организации новой судебной системы, на новых началах, с новыми принципами, возведенными великой Сталинской Конституцией. Нужно изменить порядок рассмотрения судебных дел, нужно пересмотреть наше законодательство и в области уголовного и гражданского процессов.

Президиуму Верховного Совета СССР на основе принятого второй сессией Верховного Совета СССР закона о судостроительстве предстоит издать ряд указов, разъясняющих порядок и пределы действия законов, действие которых затрагивается новым законом о судостроительстве.

Принцип стабильности законов обусловливает изменения в объеме полномочий и других высших органов государственной власти.

Совет народных комиссаров СССР является высшим исполнительным и распорядительным органом государственной власти в СССР. По Конституции 1924 г. Совет народных комиссаров Союза принимал постановления и решения, которые так же, как и постановления съездов советов, сессий ЦИК и президиума ЦИК СССР имели силу закона. По новой Конституции Совет народных комиссаров СССР издает постановления и распоряжения на основе, как сказано в ст. 66 Конституции, и во исполнение действующих законов. Наркомы СССР сейчас имеют право издавать только приказы и инструкции. Местные советы, которые в ближайшее время будут избраны, городские и районные советы депутатов трудящихся по нашей Конституции могут принимать только решения и давать распоряжения на основании действующих законов, принятых или утвержденных Верховным Советом Союза ССР или Верховными Советами союзных и автономных республик. О чем все это говорит? Это говорит о том, что в настоящее время, в нашу эпоху победившего социализма, эпоху блестящего действия Великой Сталинской Конституции, наш закон поднят на такую высоту, на какую он не был поднят никогда, ни в одной стране, на какую может быть поднят закон только в стране победившего социализма. Наша Конституция требует точного и строгого исполнения советских законов, строгого соблюдения общественной и государственной дисциплины, неуклонного уважения к правилам нового, социалистического общежития. К сожалению, не все и не всегда ясно представляют себе значение и важность соблюдения законов. Между тем, еще в эпоху гражданской войны, когда наша страна громила на всех фронтах интервентов, белогвардейских башибузуков, разных колчаков и юденичей и т. д. и т. п., Ленин писал о том, какое имеет у нас значение соблюдение закона, укрепление нашей революционной законности. В письме по поводу победы над Колчаком Ленин писал:

«Чтобы до конца уничтожить Колчака и Деникина, необходимо соблюдать строжайший революционный порядок, необходимо соблюдать свято законы и предписания Советской власти и следить за их исполнением всеми.

«На примере колчаковских побед в Сибири и на Урале мы все видели ясно, что малейший беспорядок, малейшее нарушение законов Советской власти, малейшая невнимательность или нерадение служат немедленно к усилению помещиков и капиталистов, к их победам. Ибо помещики и капиталисты не уничтожены и не считают себя побежденными: всякий разумный рабочий и крестьянин видит, знает и понимает, что они только разбиты и попрыгались, попрыгались, перерядились очень часто в «советский» «защитный» цвет. Многие помещики пролезли в советские хозяйства, капиталисты — в разные «главки» и «центры», в советские служения; на каждом шагу подкарауливают они ошибки Советской власти и слабости ее, чтобы сбросить ее, чтобы помочь сегодня чехо-словакам, завтра Деникину.

Надо всеми силами выслеживать и вылавливать этих разбойников, прятнувшихся помещиков и капиталистов, во всех их прикритиях разоблачать их и карать беспощадно, ибо это — злейшие враги трудящихся, искусные, зна-

щие, опытные, терпеливо выжидающие удобного момента для заговора; это — саботажники, не останавливающиеся ни перед каким преступлением, чтобы повредить Советской власти. С этими врагами трудящихся, с помещиками, капиталистами, саботажниками, белыми, надо быть беспощадным.

А чтобы уметь ловить их, надо быть искусным, осторожным, сознательным, надо внимательно следить за малейшим беспорядком, за малейшим отступлением от добросовестного исполнения законов Советской власти. Помещики и капиталисты сильны не только своими знаниями и своим опытом, не только помощью богатейших стран мира, но также и силой привычки и темноты широких масс, которые хотят жить «по старинке», и не понимают необходимости соблюдать строго и добросовестно законы Советской власти.

Малейшее беззаконие, малейшее нарушение советского порядка есть уже дыра, которую немедленно используют враги трудящихся, — есть зацепка для побед Колчака и Деникина. Преступно забывать, что колчаковщина начинается с малейшей неосторожности по отношению к чехо-словакам, с маленького неповиновения отдельных полков»⁷.

Эти замечательные отрывки из работ Ленина достаточно ярко показывают значение соблюдения, строгого соблюдения советских законов в борьбе за дальнейшие успехи социализма в нашей стране. Ни в одной стране роль закона не может быть такой полной, исчерпывающей, всеобъемлющей, как в нашей стране. В СССР закон, как и право, есть не только выражение воли господствующих в нашем обществе трудящихся классов — это есть выражение воли господствующих у нас классов в наиболее демократической форме. Советский закон — это обращенные государство к населению требования о соблюдении тех или других положений, форм, условий общежития: в труде, в быту, в отношениях государственных, и т. д. — требования, которые предъявляются ко всем и каждому, независимо от того, на каком он находится посту, какую он занимает в государстве должность или какую он ведет в государстве работу.

Вот почему наша партия требует, чтобы мы соблюдали закон не взирая на лица.

Вот почему товарищ Сталин в одном из своих исторических выступлений осмелел зазвонивших вельмож, которые не понимают того, что нельзя нарушать советские законы, не понимают того, как важно уметь и хотеть соблюдать советские законы, блюсти государственную и партийную дисциплину.

Значение закона особенно велико в условиях победившего социализма. Это, в частности, доказывается тем, что в наше время, когда социализм победил полностью и окончательно, когда социализм вошел, как сказал товарищ Сталин, в быт народа, именно теперь с особой силой сказывается роль, значение и влияние закона в деле организации наших новых, социалистических общественных и государственных отношений.

Вот почему и Сталинская Конституция и вся линия, вся политика нашей партии и прави-

⁷ Ленин, т. XXIV, с. 434.

тельства исходит из необходимости точного и строгого соблюдения советских законов, требования такого соблюдения советских законов, которое соответствовало бы самому духу нашей социалистической законности, единой и нерушимой во всем Советском Союзе социалистических республик.

Теперь в связи с этим требованием стоит, конечно, и требование повышения нашей, если так можно сказать, судебной культуры. Закон требует и соответствующего к себе отношения. Он требует и соответствующего правильного его понимания. Чтобы уважать закон, нужно его понимать, нужно его знать. Понимание, знание и уважение закона и есть основные условия для дальнейшего укрепления в нашей стране социалистической законности.

Наш закон является особой формой развития советского, социалистического демократизма.

Демократия — означает равенство людей и высшую культуру. Вот почему и законность должна служить этим двум великим принципам.

Вот почему Ленин и Сталин неуклонно связывают укрепление социалистической законности с делом дальнейшего подъема всей нашей социалистической культуры.

Закон в капиталистическом государстве представляет собой грубую силу, одно только насилие. У Энгельса в его замечательной статье об английской конституции или в его замечательной работе «Положение рабочего класса в Англии» можно найти целый ряд страниц, которые характеризуют так называемую «законность» капиталистического государства.

Энгельс говорит о том, что законы в капиталистическом обществе — это устрашающая сила. Он говорит о законе буржуазного общества как о кнуте, которым капитализм бичует трудящиеся народные массы.

Вот почему рабочие капиталистических стран ненавидят буржуазный закон и справедливо его ненавидят, поднимают бунт и возмущение против него. Буржуазный закон есть одно только насилие и ничего, кроме насилия. Даже хваленый английский закон, который приводит в восторг различных апологетов, трубадуров буржуазной демократии, этот закон всем своим острием направлен против интересов трудящихся. В буржуазных странах даже такой суд, как суд присяжных, послуживший образцом для всех судов буржуазно-демократических стран, который прозван «наладником гражданской свободы», в действительности является всего навсего судом 12 лавочников, решающих дела так, как подсказывает им их купеческая совесть. А совесть эта характеризуется известной поговоркой: «Не надешь — не продашь». Эта купеческая совесть управляет государством там, где у власти стоят купцы и капиталисты. Она и отправляет правосудие. От такой «совести» не поздоровится. Французский юрист Франквилл говорит, что английская судебная система хороша до тех пор, пока вопрос не касается денег, а как только вопрос коснется денег, то бедному человеку ничего не остается другого, как только прогнуть ноги. Этот же Франквилл сравнивает

английский процессуальный закон с рецептом врача, который прописывает бедняку, болящему туберкулезом, прекрасное питание, горный климат, независимо от того, есть у него средства или нет. Он прописывает ему в 10 час. утра молоко с шоколадом, в 12 час. дня жареную курицу с маслом, в то время, как у бедняка нет алтына для того, чтобы купить корочку хлеба. Франквилл говорит, что этот закон очень похож на врача, прописывающего хорошие рецепты беднякам, которые, однако, не в состоянии выполнить ни одного из этих замечательных врачебных предписаний.

Каждый закон содержит элементы принуждения. Элементы принуждения неизбежны и в наших законах.

Марксизм-ленинизм учит, что без принуждения пролетариат, взявший в свои руки власть, обойтись не может.

«Нельзя забывать, — писал Ленин в «Очередных задачах советской власти», — ни на минуту, что буржуазная и мелкобуржуазная стихия борется против Советской власти двояко: с одной стороны, действуя извне, приемами Савинковых, Гоцов, Гегечкори, Корниловых, заговорами и восстаниями, их грязным «идеологическим» отравлением, потоками лжи и клеветы в печати кадетов, правых эсеров и меньшевиков; — с другой стороны, эта стихия действует изнутри, используя всякий элемент разложения, всякую слабость для подкупа, для усиления недисциплинированности, распушенности, хаоса. Чем ближе мы подходим к полному военному поддавлению буржуазии, тем опаснее становится для нас стихия мелко-буржуазной анархичности. И борьбу с этой стихией нельзя вести только пропагандой и агитацией, только организацией соревнования, только отбором организаторов, — борьбу надо вести и принуждением»⁸.

Диктатура пролетариата тоже не может обойтись без насилия, ибо насилие — это также элемент закона, и пролетарская диктатура также не может обойтись без элементов насилия, принуждения. Но Ленин и Сталин нас учат, что в диктатуре пролетариата, в отличие от диктатуры других классов, в частности, эксплуататорских классов, у которых нет ничего кроме насилия — голого, циничного, наглого, разбойничьего насилия кучки эксплуататоров над миллионами угнетенных эксплуатируемых людей, — в диктатуре пролетариата насилие не есть, главное, хотя это и очень существенная часть диктатуры.

«Некоторые товарищи думают, — говорил товарищ Сталин в политическом отчете Центрального комитета ВКП(б) XVI съезду, — что главное в наступлении социализма составляет репрессии, а если репрессии не нарастают, то нет и наступления.

Верно ли это? Это, конечно, неверно.

Репрессии являются необходимым элементом наступления, но элементом вспомогательным, а не главным. Главное в наступлении социализма, при наших современных условиях, состоит в усилении темпа развития нашей промышленно-

⁸ Ленин, т. XXII, с. 459—460.

сти, в усилении темпа развития совхозов и колхозов, в усилении темпа экономического вытеснения капиталистических элементов города и деревни, в мобилизации масс вокруг социалистического строительства, в мобилизации масс против капитализма. Вы можете арестовать и выслать десятки и сотни тысячи кулаков, но если вы одновременно с этим не сделаете всего необходимого для того, чтобы ускорить строительство новых форм хозяйства, заменить новыми формами хозяйства старые, капиталистические, формы, подорвать и ликвидировать производственные источники экономического существования и развития капиталистических элементов деревни, — кулачество все равно возродится и будет расти»⁹.

Не только репрессии, и не главным образом репрессии, а строительство новых форм хозяйства, ликвидация источников существования и развития капиталистических элементов обеспечили блестящие победы социализма в СССР.

В пролетарской диктатуре насилие необходимо, ибо без насилия нельзя обойтись. Без насилия, которым мы отвечаем на насилие изменников, врагов, так, как мы ответили на днях ударом нашей Красной армии на насилие японских империалистов, пролетарское государство не может обойтись и не будет обходиться, пока существует капиталистическое окружение. Очень бы хотелось нашим врагам, чтобы мы «идеологически» так «перевоспитались», чтобы отказались от применения насилия. Они бы приветствовали такой «социализм», замечательно удобный для капиталистов, при котором социалистическое государство было бы не в состоянии громить своих врагов. Они бы сказали — вот это настоящий, интеллигентный, культурный социализм. Беда только в том, что ст такого социализма не осталось бы на следующий день камня на камне. Мы такого «социализма» не признаем.

А вот такой наш социализм — ленинско-сталинский социализм, вооруженный по последнему слову современной техники, способный и готовый давать беспощадный отпор нашим врагам — такой социализм им не нравится и они говорят: «Что это за социализм? Чуть их тронешь, они сейчас же дерутся». Разве это говорят идейные люди? Хвалятся они, говорят эти господа про нас, что у них культура, равенство, братство, а вот мы сунулись было к ним, а они говорят — куда с свиным рылом сунешься в советский огород, и не только говорят — если бы только говорили, было бы полбеды, — а то ведь и еще бьют нещадно.

Враги народа, троцкистско-бухаринские изменники пытались доказывать, что советское государство, по мере того, как мы будем больше и глубже входить в полосу социализма, должно отмирать.

По поводу одной такой философии я в своей речи на процессе сказал, что Бухарин действует своей «философией» так, как действует на большой дороге бандит, засыпающий своей жертве глаза толченым стеклом, прежде чем раскроить

ей череп кистенем. И должен и сейчас повторить это. В самом деле Бухарин утверждал в своей «схеме» отмирания государства, что сначала отомрут принудительные государственные органы, потом отомрет армия и флот, и, наконец, формы принудительного труда.

Нет сомнения, — это полностью доказал судебный процесс по делу антисоветского «право-троцкистского блока», — что в этой «схеме» уже тогда был замаскирован бухаринский план государственной измены, предвещавший предательской борьбой Бухарина и его сообщников, против советского государства, против партии Ленина — Сталина. Эта бухаринская «схема» отмирания советского государства была очень удобная «схема» для германских и других разведок.

Уже 16 лет тому назад товарищ Ленин разоблачил подлые изменнические замыслы Бухарина. На полях бухаринской княжки «Экономика переходного времени» товарищ Ленин написал: «А не наоборот ли? Сначала далее, затем — потом, и, наконец, сперва?».

Ленин, разоблачив лживость и антинаучность этой схемы, показал, что когда мы вступим в фазу социализма, будут идти изменения поному. Сначала изменит свою форму наш труд, превратившись из принудительного труда, являющегося тяжелым бременем, в дело славы, дело чести, дело доблести и героизма (Сталин), потом отомрут средства принуждения, так как само общество привыкнет без всякого принуждения защищаться от всяких посягательств на блага людей, общества и государства, защищаться не прибегая к помощи специальных органов принуждения. Но это будет только на высшей фазе развития коммунистического общества. То, о чем «мечтал» Бухарин, было, как это теперь совершенно ясно, беспримерной изменой. Утверждение, что теперь уже можно ориентироваться на «отмирание» государства, на свертывание таких средств защиты, как армия, суд, прокуратура, разведка, является не чем иным, как самой настоящей изменой.

Наш священный долг работать так, чтобы обеспечить нашему государству цветущий расцвет, рост его могущества и все возрастающей славы. Марксизм-ленинизм учит, что к отмиранию государства мы придем только на высшей фазе коммунистического общества. Перед нами стоит задача еще большего укрепления успехов нового, социалистического общества. Мы добьемся этих успехов, несмотря на все усиливающиеся сопротивление и коварство врагов.

Дело коммунизма — в крепких руках в нашей стране. Оно защищено могучим советским государством.

Наша задача — максимально усиливать мощь советского государства. Наша задача разоблачать до конца провокаторские «схемы» и «теории» отмирания нашего государства в условиях капиталистического окружения.

Наша задача — всемерно дальше работать, не покладая рук, не щадя своих сил, самой жизни своей, над дальнейшим укреплением нашего советского социалистического государства, его величайших исторических завоеваний, завоеваний рабочего класса и трудящихся масс не только нашей страны, но и трудящихся и угнетенных

⁹ Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 10, с. 390—391.

народов всего мира, смотрящих на нашу цветущую страну с надеждой и упованием, как на залог грядущей победы коммунизма во всем мире, под ленинско-сталинским знаменем.

Наша задача заключается в том, чтобы добиться дальнейшего максимального развития наших производительных сил. Марксизм-ленинизм учит, что социализм может окрепнуть, добиться дальнейших своих успехов только на основе дальнейшего развития производительных сил. Преобразование общества на социалистических началах может быть только на основе величайшего расцвета производительных сил и новой, социалистической культуры. В наших руках имеются все возможности для того, чтобы справиться с этой задачей, ибо наше

государство — велико, могуче, богато и сильно так, как ни одно государство мира; ибо наше государство управляется правительством, которое пользуется беспредельным доверием и любовью всего нашего народа; ибо во главе нашего государства, во главе борьбы за социализм, за нашу родину, за дальнейшие успехи материального и культурного развития всего народа идет наша великая, непобедимая партия большевиков. Мы побеждали до сих пор под знаменем Ленина — Сталина, мы побеждаем сейчас под этим великим знаменем.

Под великим знаменем Сталина, под его руководством мы пойдем еще решительнее и быстрее к великим победам коммунизма в нашей стране и во всем мире.

М. САВИЦКИЙ

с/з 10-38

Документ величайшего исторического значения

Событием крупнейшего политического значения для нашей партии и всей страны явилось опубликование Истории ВКП(б), одобренной Центральным комитетом партии. Вся партия, весь народ с неослабевающим вниманием и напряженным интересом следили за публикацией в «Правде» замечательного исторического документа, правдиво, сжато, и ярко рассказывающего героическую историю великой партии Ленина — Сталина, историю грандиозной борьбы и гигантских побед трудящегося народа великой социалистической державы.

История ВКП(б) — это ценнейший вклад в сокровищницу марксизма-ленинизма. Это подлинно научная история большевистской партии, ведущей твердой рукой в течение трех с половиной десятилетий пролетариат и все трудящиеся массы нашей великой родины от победы к победе.

«История ВКП(б), — говорится в введении, — есть история трех революций: буржуазно-демократической революции 1905 года, буржуазно-демократической революции в феврале 1917 года и социалистической революции в октябре 1917 года. История ВКП(б) есть история свержения царизма, свержения власти помещиков и капиталистов, история разгрома иностранной вооруженной интервенции во время гражданской войны, история построения советского государства и социалистического общества в нашей стране».

Теоретическое оружие колоссальной силы дано в руки партии ее Центральным комитетом, ее вождем и учителем товарищем Сталиным. Весь гигантский опыт революционной борьбы нашей партии, вся ее неисчерпаемая мудрость нашли свое обобщение и выражение в этом великом творении.

В строгой исторической последовательности раскрывается в Истории ВКП(б) роль нашей

партии как авангарда рабочего класса, как ведущей и направляющей силы революционного рабочего движения.

На высоком уровне излагает История ВКП(б) основы научного социализма, основы революционной теории Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина, идейные и организационные принципы большевизма и сущность большевистской стратегии и тактики. Весь долгий и славный путь нашей партии от первых социал-демократических кружков в России до величайшей массовой партии, руководящей огромным социалистическим государством рабочих и крестьян и мировым рабочим движением, показан ярко и убедительно на основе богатейшего исторического материала. Вся закономерность политического падения меньшевиков, троцкистов, бухаринцев и прочих врагов нашей партии и их превращения в оголтелую банду убийц, шпионов, диверсантов и вредителей, в наемников фашизма, вскрыта с предельной ясностью и глубиной.

Издание Истории ВКП(б) поднимает дело изучения истории партии на новую высоту и ставит его на прочные рельсы. В решении важнейшей задачи овладения большевизмом партия получила огромное подспорье.

Центральный комитет ВКП(б) и лично товарищ Сталин неоднократно указывали на огромное значение дела изучения истории ВКП(б). Введение к Истории ВКП(б) указывает, что изучение истории ВКП(б) «обогащает опытом борьбы рабочих и крестьян за социализм... помогает овладеть большевизмом, повышает политическую бдительность... вооружает знанием законов общественного развития и политической борьбы, знанием движущих сил революции... укрепляет уверенность в окончательной победе великого дела партии Ленина — Сталина, победе коммунизма во всем мире».

Каждый партийный и непартийный больше-

вик должен понимать, что борьба за выкорчевывание враждебных элементов в нашей стране еще не закончена. Изучение истории партии вооружает нас опытом борьбы партии со всеми и всяческими врагами.

В письме к организациям партии, изданном в связи с злодейским убийством С. М. Кирова, ЦК партии указывал: «Нужно поставить на должную высоту преподавание истории партии среди членов партии, изучение всех и всяких антипартийных группировок в истории нашей партии, их приемов борьбы с линией партии, их тактики, и — тем более — изучение тактики и приемов борьбы нашей партии с антипартийными группировками, тактики и приемов, давших нашей партии возможность преодолеть и разбить наголову эти группировки. Нужно, чтобы члены партии были знакомы не только с тем, как партия боролась и преодолевала кадетов, эсеров, меньшевиков, анархистов, но и с тем, как партия боролась и преодолевала троцкистов, «демократических централистов», «рабочую оппозицию», зиновьевцев, правых уклонистов, правоплевацких уродов и т. п. Нельзя забывать, что знание и понимание истории нашей партии является важнейшим средством, необходимым для того, чтобы обеспечить полностью революционную бдительность членов партии» (История ВКП(б), глава XI).

Одобренная Центральным комитетом партии История ВКП(б) является мощным средством вооружения всех честных советских людей революционной бдительностью и умением распознавать врага, какой бы маской он ни прикрывался.

Издание Истории ВКП(б) имеет крупнейшее международное значение.

Великая партия Ленина — Сталина впитала в себя весь опыт мирового рабочего движения. Но она еще больше обогатила его своим опытом революционной борьбы в условиях царского гонения, опытом трех революций и гражданской войны, опытом руководства победоносным строительством социализма. Большевистский опыт нашей партии — это лучшее оружие международного пролетариата в его собственной борьбе с буржуазией.

Изучение истории ВКП(б) показывает, какова роль партии до и после захвата власти пролетариатом. Оно показывает, что наличие большевистской партии, вооруженной передовой революционной теорией, свободной от оппортунизма, является непременным условием победы пролетариата над буржуазией. Собственный опыт западноевропейского пролетариата целиком подтверждает эту непреложную истину.

Партия — это та сила, которая вносит сознательность и организованность в рабочее движение. Партия разъясняет массам цели и задачи революционной борьбы, она воспитывает массы в революционном духе, мобилизует их своими лозунгами и ведет на штурм капитала.

Путь, проделанный нашей партией, в основной своей части еще только предстоит зарубежным коммунистическим партиям. Поэтому изучение истории ВКП(б) в братских компартиях имеет огромное значение для развертывания борьбы международного пролетариата против буржуазии, против фашизма.

Партия большевиков родилась на грани двух эпох. На смену старому капитализму свободной конкуренции пришел империализм как высшая и последняя стадия капитализма.

Для капитализма свободной конкуренции характерно было сравнительно мирное развитие. Империализм, или монополистический капитализм, это эпоха империалистических войн и пролетарских революций, «когда противоречия капитализма дошли до крайней точки, когда пролетарская революция стала вопросом не посредственной практики, когда старый период подготовки рабочего класса к революции уперся и перерос в новый период прямого штурма капитализма»¹.

Период сравнительно мирного развития сменился целой исторической полосой катастрофического, чрезвычайно противоречивого, судорожного развития капитализма.

Новая эпоха, эпоха империализма, которую Ленин называл «умирающим капитализмом», это та ступень общественного развития, когда созрели все условия для победоносной пролетарской, социалистической революции. «Империализм есть канун социалистической революции», — говорил Ленин².

В этот период, когда свержение буржуазии и захват власти пролетариатом стали вопросами непосредственной борьбы, перед рабочим классом возникли новые боевые задачи. Решение этих задач предполагает прежде всего существование партии нового типа, такой рабочей партии, которая, опираясь на научную теорию и весь опыт мирового рабочего движения, выработала бы программу, стратегию и тактику борьбы пролетариата в новых условиях и повела бы пролетариат во главе всех трудящихся на победоносный штурм капитализма.

Партии старого типа, социал-демократические партии второго интернационала, оказались непригодными для решения этих задач. Партии второго интернационала, вся их «теория» и практика были насквозь пронизаны оппортунизмом, приспособленчеством к интересам буржуазии, к условиям легальности и мирного существования. Марксистская фразеология прикрывала несколько обветшалых догм, лишенных революционного содержания и составлявших «теоретический» багаж этих партий.

Под их кровлей мирно уживались разношерстные политические элементы и разнообразные политические течения. Полный разрыв с марксизмом, измена марксизму, прислужничество буржуазии, пренебрежение революционной теорией, отрыв от широких рабочих масс, организационная распыленность и неформальность, отсутствие революционной дисциплины, — все эти качества характеризовали партии второго интернационала. Они даже отдаленно не напоминали той боевой, революционной организации пролетариата, способной повести его на смертельную схватку с капитализмом, создание которой стало необходимостью в начале нашего столетия. «Партии II Интернационала, — говорит товарищ Сталин, — обрасали жиром и не хотелось думать серьезно о революции, о диктатуре

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10, с. 3.

² Ленин, т. XIX, с. 71.

пролетариата, о революционном воспитании масс»³.

Нужна была новая партия, не терпящая оппортунизма в своих рядах, непримиримая к соглашениям и капитуляциям, революционная в отношении буржуазии и ее государственной власти.

«История партии учит, что такой партией не может быть обычная социал-демократическая партия западноевропейского типа, воспитанная в условиях гражданского мира, плетущаяся в хвосте за оппортунистами, мечтающая о «социальных реформах» и боящаяся социальной революции. История партии учит, что такой партией может быть лишь партия нового типа, марксистско-ленинская партия, партия социальной революции, способная подготовить пролетариат к решительным схваткам с буржуазией и организовать победу пролетарской революции. Такой партией в СССР является большевистская партия» (История ВКП(б), Заключение).

Подлинная пролетарская партия, партия нового типа, партия социалистической революции и диктатуры пролетариата впервые была создана в России в лице нашей большевистской партии.

Ленин строил нашу большевистскую партию, закладывая теоретические, политические и организационные основы ее могущества. Ленин и Сталин вынестовали нашу партию в гигантскую силу, продолжая опыт трех революций, обеспечившую победу пролетарской революции на одной шестой части земного шара, создание и укрепление диктатуры пролетариата, построение социализма и занявшую руководящее место в мировом рабочем движении.

От разрозненных социал-демократических кружков, через борьбу с народниками, «легалными марксистами», «экономистами», меньшевиками, эсерами, троцкистами, национал-уклонистами и прочими врагами всех мастей, шел победоносный путь большевистской партии.

Большевики не могли не видеть, что после смерти Энгельса западноевропейские социал-демократические партии стали перерождаться из партий социальной революции в партии «социальных реформ», а каждая из этих партий, как организация, уже превратилась из руководящей силы в придаток своей собственной парламентской группы.

Большевики не могли не знать, что от такой партии не поздоровится пролетариату, что такая партия не способна вести рабочий класс на революцию.

Большевики не могли не знать, что пролетариату нужна не такая партия, а другая, новая, настоящая марксистская партия, которая была бы непримиримой в отношении оппортунистов и революционной в отношении буржуазии, которая бы была крепко сплочена и монолитна, которая бы была партией социальной революции, партией диктатуры пролетариата.

Большевики хотели иметь у себя именно такую, новую партию. И большевики строили, готовили такую партию. Вся история борьбы с «экономистами», меньшевиками, троцкистами, отзовистами, идеалистами всех мастей вплоть до эмпириокритиков,— была историей подготов-

ки такой именно партии. Большевики хотели создать новую, большевистскую партию, способную быть образцом для всех, кто хотел иметь настоящую революционную марксистскую партию. Большевики готовили такую партию уже со времен старой «Искры». Они готовили ее упорно, настойчиво, несмотря ни на что» (История ВКП(б), гл. IV).

Так должна была выглядеть новая, большевистская партия. И такой именно, преданной до конца делу рабочего класса, вооруженной передовой революционной теорией марксизма, сплоченной и монолитной, непримиримой к врагам рабочего класса, выковали ее великие вожди пролетарской революции Ленин и Сталин.

В главе II Истории ВКП(б) дано развернутое изложение гениального ленинского плана построения подлинно марксистской партии.

В ней показана титаническая борьба, которую вел Ленин за осуществление этого плана, за построение партии на основе новых организационных принципов, ставших незыблемыми организационными принципами большевизма.

В противовес хвостизму «экономистов», отрицавших необходимость политической борьбы пролетариата, отрицавших руководящую роль партии, преклонявшихся перед стихийностью рабочего движения, Ленин требовал создания такой партии, которая была бы передовым отрядом рабочего класса, руководящей силой рабочего движения, объединяющей и направляющей классовую борьбу пролетариата. Беспощадно гоним оппортунистические взгляды «экономистов», Ленин «блестяще обосновал коренное марксистское положение, гласящее, что марксистская партия есть соединение рабочего движения с социализмом» (История ВКП(б), глава II).

Бессмертны ленинские идеи об организационных основах большевистской партии, развитые им в книге «Шаг вперед, два шага назад», вышедшей в свет в 1904 г.

Партия пронесла эти идеи в неприкосновенности сквозь все бури революционной борьбы. В ожесточенных битвах с мелкобуржуазными партиями внутри рабочего движения и с оппортунистическими течениями внутри партии большевики отстояли и укрепили ленинские принципы организации пролетарской партии. Большевики, троцкисты, зиновьевцы, бухаринцы, национал-уклонисты неоднократно в истории нашей партии совершали наскоки на организационные принципы большевизма. И это понятно. Организационные принципы большевизма являются той уздой, которая препятствует врагам партии развешивать их предательскую работу. Единство партии, недопущение фракций и группировок, соблюдение единой партийной дисциплины,— это те условия, без которых невозможно существование подлинной пролетарской партии.

Уже на втором съезде партии в споре о § 1 устава, в меньшевистской позиции Мартова, Троцкого и их сторонников сказался протест мелкобуржуазных элементов против установления пролетарского порядка в партии. В дальнейшем организационные принципы большевизма подвергались яростным атакам со стороны элементов, пытавшихся разложить партию, свернуть ее с правильного пути. Большевики, троцкисты, бухаринцы и прочие агенты буржуазии не останавливались перед самой гнусной клевет-

³ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10, с. 8.

той, чтобы опорочить партийные порядки. Они пускали в ход самую разнузданную демагогию, они лгали, обливали грязью партию и ее руководство, они из кожи лезли вон, чтобы распахнуть партийную дисциплину, чтобы легализовать свои фракции внутри партии. Но партия, воспитанная Лениным и Сталиным, всегда оставалась верной принципам ленинизма. Она вышвырнула из своих рядов гнусных троцкистско-бухаринских двурушников, которые то шли в открытую атаку на партию, то каялись в своих грехах и временно надевали личину смирения. Из каждой схватки с этими врагами рабочего класса партия выходила окрепшей политически и организационно.

Законом развития нашей партии является непримиримая борьба с оппортунистическими элементами в ее собственных рядах. Ленин и Сталин неоднократно указывали, что партия не изолирована от окружающей среды. В ее ряды проникают отдельные мелкобуржуазные элементы, не переварившиеся в пролетарском котле, являющиеся носителями отсталых настроений, отражающих идеологию враждебных классов.

Кроме того, в условиях капиталистического окружения иностранные разведки принимают все меры к тому, чтобы попытаться, используя отсутствие в отдельных партийных организациях должной большевистской бдительности, засылать в них своих агентов, которые, прикрываясь партийным билетом, могли бы с большим успехом вести свою шпионскую, диверсионную и вредительскую работу. Задача всей партии заключается в том, чтобы непрерывно повышать политическую бдительность большевиков и постоянно очищать свои ряды от всего чуждого, наносного и враждебного. «Нельзя терпеть в своей среде оппортунизм, как нельзя терпеть язву в здоровом организме» (История ВКП(б), Заключение).

История нашей партии — это история борьбы с мелкобуржуазными партиями в рядах рабочего класса и с оппортунизмом в рядах самой партии. Без этой борьбы партия не могла бы выполнять своей роли организатора и руководителя пролетарской революции, строителя нового социалистического общества.

«История развития внутренней жизни нашей партии есть история борьбы и разгрома оппортунистических групп внутри партии — «экономистов», меньшевиков, троцкистов, бухаринцев, национал-уклонистов. История партии учит, что все эти капитулантские группы являлись по сути дела агентами меньшевизма внутри нашей партии, его охвостом, его продолжением. Они, как и меньшевизм, выполняли роль проводников буржуазного влияния в рабочем классе и в партии. Поэтому борьба за ликвидацию этих групп в партии была продолжением борьбы за ликвидацию меньшевизма» (История ВКП(б), Заключение).

Троцкисты и бухаринцы проделали свой закономерный путь развития. На февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 г. товарищ Сталин дал блестящий анализ современного троцкизма. Товарищ Сталин показал, что троцкизм давно перестал быть политическим течением в рабочем классе, что троцкисты превратились в оголенную банду профессиональных убийц, шпионов, диверсантов и вредителей. Ряд судебных процессов выяснил, что троцкисты, ан-

новьевцы, бухаринцы, меньшевики, эсеры, буржуазные националисты, выполняя задания иностранных разведок, встали на путь белогвардейского террора, шпионажа, диверсий, вредительства. Чудовищные гнусные злодеяния этих отбросов человеческого рода. Нет такого преступления, нет такой черной измены, на которую не пошли бы эти враги народа в своей ненависти к страде социализма.

Призывы товарища Сталина о повышении революционной бдительности, об укреплении органов пролетарской диктатуры, обращенные к партии и всему советскому народу, помогли изобличить троцкистско-бухаринских предателей и изменников. Славная советская разведка под руководством сталинского наркома товарища Н. И. Ежова обезоружила их и поставила перед грозным лицом советского суда.

«Советский суд приговорил бухаринско-троцкистских извергов к расстрелу. НКВД привел приговор в исполнение. Советский народ одобрил разгром бухаринско-троцкистской банды и перешел к очередным делам» (История ВКП(б), глава XII).

История ВКП(б) показывает с огромной убедительностью, как неизбежно должна была замкнуться кривая развития троцкизма. На всех решающих этапах истории нашей партии троцкизм выступал как злейший враг рабочего класса.

Разгром троцкистско-бухаринской банды является поэтому величайшей победой партии большевиков.

В тяжелых условиях проделала свой исторический путь партия Ленина — Сталина. В самые тяжелые годы царского подполья, столыпинской реакции, мировой империалистической войны, как и в годы революционного подъема она неизменно вела борьбу за социалистическую революцию, руководя массами и во главе масс. Партия организовала победу Октябрьской социалистической революции в России. Она создала нерушимый союз рабочего класса с крестьянством и возглавила этот союз.

Под руководством партии и ее ленинско-сталинского Центрального комитета, советская страна вышла победительницей из гражданской войны, восстановила, а затем реконструировала народное хозяйство и победоносно завершила две сталинские пятилетки. Партия возглавила борьбу за индустриализацию нашей страны, за коллективизацию сельского хозяйства. Под руководством товарища Сталина она разрешила труднейшую, после завоевания власти, историческую задачу пролетарской революции — перевод миллионов мелких, раздробленных крестьянских хозяйств на путь колхозов, на путь социализма.

Партия организовала и осуществила ликвидацию кулачества как класса. «Это был глубочайший революционный переворот, скачок из старого качественного состояния общества в новое качественное состояние, равнозначный по своим последствиям революционному перевороту в октябре 1917 года» (История ВКП(б), глава XI).

Руководство партии, руководство товарища Сталина обеспечило ликвидацию эксплуататорских классов в нашей стране и построение социализма. Всемирно-исторические победы социализма создали условия для принятия новой Сталинской Конституции СССР, Конституции

победы социализма и рабоче-крестьянской демократии.

«Тем самым Конституция закрепила тот всемирно-исторический факт, что СССР вступил в новую полосу развития, в полосу завершения строительства социалистического общества и постепенного перехода к коммунистическому обществу, где руководящим началом общественной жизни должен быть коммунистический принцип: «От каждого по его способностям, каждому — по его потребностям» (История ВКП(б), глава XII).

На основе новой Конституции партия подготовила и провела 12 декабря 1937 г. выборы в Верховный Совет Союза ССР. Во главу угла своей избирательной политики партия положила идею избирательного блока коммунистов и беспартийных. Этот блок одержал на выборах величайшую победу, в которой нашло свое выражение огромное и нерушимое морально-политическое единство советского народа. 96,8% избирателей приняло участие в выборах. Из них 98,6% голосовало за блок коммунистов и беспартийных. «Таким образом, 90 миллионов человек подтвердили своим единодушным голосованием победу социализма в СССР. Это была замечательная победа блока коммунистов и беспартийных. Это был триумф партии большевиков. Морально-политическое единство советского народа, о котором говорил т. Молотов в своей исторической речи к 20-летию Октябрьской революции, получило здесь свое блестящее подтверждение» (История ВКП(б), глава XII).

Таков славный и богатый содержанием путь, пройденный большевистской партией и ярко описанный в Истории ВКП(б).

Каковы же уроки богатейшей истории ВКП(б)? Об этом говорит Заключение Истории ВКП(б), которое само по себе представляет целую сокровищницу марксистской мысли. Знаменательные уроки истории ВКП(б) таковы:

1) Пролетарская революция и диктатура пролетариата не могут победить без революционной партии пролетариата, которая должна быть партией нового типа.

2) Партия не может выполнять своей роли авангарда рабочего класса, не овладев передовой теорией марксизма-ленинизма.

История ВКП(б) поднимает на громадную высоту значение передовой революционной теории, уделяя огромное место изложению основ диалектического и исторического материализма, научного социализма и теории пролетарской революции. Заключение не ограничивается подведением итогов сказанному в курсе о значении теории. Оно утверждает необходимость революционного, а не рутинерского отношения передовой партии к вопросам теории.

Заключение решительно разделяется с антимарксистским, антиленинским представлением о том, что овладение марксистско-ленинской теорией сводится к заучиванию формул и выводов, к цеплянию за каждую букву этих формул и выводов.

«Овладеть марксистско-ленинской теорией — значит усвоить существо этой теории и научиться пользоваться этой теорией при решении практических вопросов революционного

движения в различных условиях классовой борьбы пролетариата.

Овладеть марксистско-ленинской теорией — значит уметь обогащать эту теорию новым опытом революционного движения, уметь обогащать ее новыми положениями и выводами, уметь развивать ее и двигать вперед, не останавливаясь перед тем, чтобы, исходя из существа теории, заменить некоторые ее положения и выводы, ставшие уже устаревшими, новыми положениями и выводами, соответствующими новой исторической обстановке. Марксистско-ленинская теория есть не догма, а руководство к действию» (История ВКП(б), Заключение).

Именно таково отношение к теории марксизма-ленинизма подлинной пролетарской партии. Именно такое творческое, революционное понимание теории марксизма Лениным и Сталиным позволило им двигать ее вперед и обогащать ее «новым опытом в новых условиях классовой борьбы пролетариата» (История ВКП(б), Заключение).

3) Условием победы пролетарской революции является разгром мелкобуржуазных партий в рядах рабочего класса, стремящихся вырваться отсталые слои рабочего класса из-под влияния пролетарской партии и разрушить таким образом единство рабочего класса.

4) Непримируемая борьба с оппортунистами и капитулянтами в собственных рядах является условием сохранения единства и дисциплины партии и выполнения ею своих исторических задач.

5) Признание ошибок, своевременное, открытое и честное их исправление является неотъемлемым принципом большевистской партии. «Партия непобедима, если она не боится критики и самокритики, если она не замазывает ошибок и недостатков своей работы, если она учит и воспитывает кадры на ошибках партийной работы, если она умеет во-время исправлять свои ошибки» (История ВКП(б), Заключение).

6) Передовая пролетарская партия есть массовая партия, теснейшим образом связанная с широчайшими массами, постоянно укрепляющая эти связи, чутко прислушивающаяся к голоду масс, способная не только учить массы, но и учиться у масс.

Таковы выводы, уроки истории нашей партии. Все богатство марксистско-ленинской мысли, весь опыт борьбы нашей партии сконцентрированы в этих кратких итогах.

Изучение Истории ВКП(б) будет способствовать дальнейшему росту и укреплению могущества нашей партии. Самые широкие массы и в первую очередь советская интеллигенция получили возможность ознакомления с историей большевизма из блестящего глубоко-научного и в то же время доступного источника.

Изучение истории большевистской партии на основе Истории ВКП(б) поднимет к активной политической жизни новые пласты народа, выдвинет новые кадры агитаторов и пропагандистов, умножит силы партии и советского государства, победоносно идущего к коммунизму под великим знаменем Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина.

За большевистский контроль исполнения

Проверке исполнения Ленин и Сталин всегда придавали исключительно большое значение.

24 января 1922 г. по поводу новой постановки работы СНК и СТО Ленин писал: «Надо выработать письменное положение о внесении и прохождении дел и проверять не менее раза в месяц... соблюдается ли оно, достигается ли цели, т. е. уменьшения бумажности, волокиты, большего обдумывания, большей ответственности наркомов, замены пассивной на активных декретов осторожной, длительной, деловой проверкой исполнения и проверкой опыта...»¹.

20 февраля 1922 года Ленин снова возвращается к этому вопросу. По поводу программы работы по-новому Ленин писал: «... часть членов Малого СНК и его аппарата, а равно аппарата управделами СНК взять... для проверки фактического исполнения...»².

В плане речи на 27 марта 1922 г. Ленин снова возвращается к вопросу о проверке исполнения. Он пишет: «не в учреждениях, не в перереорганизациях, не в новых декретах гвоздь, а в людях и в проверке исполнения»³.

Наконец, в постановлении о работе замов (заместителей председателей СНК и СТО) Ленин первым пунктом записывает: «Основная работа замов, за которую они специально отвечают и которой должно быть подчинено все остальное, состоит в проверке фактического исполнения декретов, законов и постановлений...»

Нетрудно понять, какое огромное решающее значение Ленин придавал проверке исполнения, если на таком коротком отрезке времени он столько раз и с такой настойчивостью подчеркивает роль и значение проверки исполнения в деле улучшения советского аппарата.

Сталин тоже много раз фиксировал внимание партийных и советских работников на вопросах проверки исполнения.

На XVII съезде партии Сталин с исключительной широтой и четкостью формулировал роль и значение контроля исполнения. «Правильная организация проверки исполнения, — говорил товарищ Сталин, — имеет решающее значение в деле борьбы с бюрократизмом и канцеляризмом. Проводятся ли решения руководящих организаций или кладутся под сукно бюрократами и канцеляристами? Проводятся ли они правильно или извращаются? Работает ли аппарат честно и по-большевистски или вертится на холостом ходу, — обо всем этом можно узнать во-время лишь в результате хорошо поставленной проверки исполнения. Хорошо поставленная проверка исполнения — это тот прожектор, который помогает освещать состояние работы аппарата в любое время и выводить на свет божий бюрократов и канцеляристов. Можно с уверенностью сказать, что девять десятых наших промах и прорывов объясняется отсутствием правильно

поставленной проверки исполнения. Не может быть сомнения, что при наличии такой проверки исполнения промахи и прорывы были бы наверняка предупреждены.

Наконец, в заключительном слове на пленуме ЦК ВКП(б) 3—5 марта 1937 г. товарищ Сталин, останавливаясь на большевистском стиле руководства, возвращается к вопросу о проверке исполнения: «Что значит правильно руководить? Это вовсе не значит сидеть в канцелярии и строчить директивы.

Правильно руководить — это значит: во-первых, найти правильное решение вопроса, а правильное решение невозможно найти без учета опыта масс, которые на своей собственной спине испытывают результаты нашего руководства;

во-вторых, организовать исполнение правильного решения, чего, однако, нельзя сделать без прямой помощи со стороны масс;

в-третьих, организовать проверку исполнения этого решения, чего, опять-таки невозможно сделать без прямой помощи масс»⁴.

Сталинскую мысль о контроле исполнения на этом же XVII съезде ВКП(б) развил тов. Каганович в докладе, посвященном организационным вопросам.

«Проверка исполнения, — говорил тов. Каганович, — должна проводиться не формально, а по существу работы. Она обязана доводить дело до конца, т. е. до полного выполнения директивы. Необходима проверка результатов работы, а не бумажное, не формальное принятие мер: протокол получил, резолюцию наложил, распоряжение сделал...»⁵.

И далее тов. Каганович говорил: «Из проверки исполнения вытекает ряд крупных организационных вопросов. В этом и особенности стиля работы Центрального комитета, стиля работы товарища Сталина, что все решения связывались непосредственно с повседневной оперативной жизнью и организационными вопросами. Весь стиль и метод работы Центрального комитета — это единство слова и дела, единство решения и исполнения»⁶.

На работе любого наркомата и учреждения, в том числе и на работе Прокуратуры СССР, можно с исключительной рельефностью показать, какие отрицательные последствия дает отсутствие подлинного большевистского контроля исполнения принятых решений, как много мы теряем от того, что ленинско-сталинская идея о контроле исполнения забыта, не вошла еще в плоть и кровь всех партийных и советских работников.

⁴ Сталин, О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников, Партиздат, 1937 г., с. 39.

⁵ Л. Каганович, Организационные вопросы, с. 44.

⁶ Л. Каганович, Организационные вопросы, с. 72.

¹ Ленин, т. XXVII, с. 160.

² Там же, с. 161.

³ Там же, с. 217.

В Прокуратуре СССР издано немало приказов и распоряжений, которые должны были привести к улучшению работы аппарата, к повышению качества прокурорской работы. Однако отсутствие контроля исполнения приводит к тому, что эти приказы и распоряжения остаются на бумаге, а работа идет по инерции, на недостаточно высоком уровне.

Пронюлюстрируем это хотя бы несколькими примерами.

Прокурор Союза ССР в ноябре 1937 г. приказал пересмотреть все дела осужденных колхозников.

Для характеристики важности, размаха и значения этой работы, свидетельствующей о внимании и заботе партии и правительства к колхозникам, даже осужденным в свое время за те или иные преступления, достаточно сказать, что в порядке выполнения этого приказа уже пересмотрено огромное количество дел.

Но и эта работа вследствие отсутствия надлежащего контроля исполнения протекает недостаточно удовлетворительно.

В самом деле, по этим делам принесено органами прокуратуры значительное количество протестов, возбуждено большое количество ходатайств о снятии судимости. Но попытка получить от отдельных прокуроров республик, краев и областей данные о результате рассмотрения протестов прокуратуры в судах, о ходе рассмотрения президиумами Верховных Советов представлений органов прокуратуры о снятии судимости с колхозников оказались тщетными. Многие прокурорские работники считали свою задачу законченной принесением протеста по делу или подписанием представления в Верховный Совет о снятии судимости с того или иного колхозника.

Фамусовская «философия» бюрократизма — «подписано — и с плеч долой», характеризующая бездушное, чиновничье отношение к делу, к живому человеку, оказалась достаточно живучей. Этой «философией», к сожалению, заражены многие прокурорские работники...

Лишь под названием Прокуратуры СССР органы прокуратуры стали проверять, как разрешены соответствующими органами их протесты и представления о снятии судимости.

Или другой пример.

Приказом от 10 января 1938 г. Прокурор Союза предложил прокурорам союзных и автономных республик, краев и областей в двухнедельный срок проверить все находящиеся в производстве следователей дела, по которым обвиняемые содержались под стражей, и к 20 февраля 1938 г. донести об исполнении.

Целый ряд прокуратур (Таджикская, Киргизская, Полесская, Читинская и др.) отнеслись к этому заданию формально-бюрократически, не поставили ее должным образом, а в результате не смогли отчитаться о проделанной работе перед Прокурором СССР. О важности этой работы можно судить хотя бы по тому, что там, где работники прокуратуры поняли значение этого приказа и организовали проверку следственных портфелей надлежащим образом, была прекращена, примерно, половина всех дел, находящихся в производстве следователей.

7 апреля 1938 г. Прокурор Союза, в соответствии с решением директивных органов, издал

приказ о проверке дел колхозников, привлеченных к уголовной ответственности или осужденных за мелкие хищения фуража. Эта работа должна была быть закончена 1 июня 1938 г.

Однако только небольшая группа прокуратур смогла представить материалы о проведенной работе, и то со значительным опозданием. Прокуратуры подавляющего большинства республик, краев и областей не смогли отчитаться в своей работе перед Прокуратурой СССР, ибо они не проконтролировали выполнения районными прокурорами этого приказа Прокурора Союза СССР, затрагивавшего интересы значительной группы колхозников.

При этом характерно, что уголовно-судебный отдел Прокуратуры СССР, обязанный возглавить работу по пересмотру этих дел, оказался в стороне от этой работы, как, впрочем, и от целого ряда других важнейших работ, не проконтролировал исполнение приказа Прокурора Союза, не подвел итогов этой работы и не дал в связи с этой работой ни одного полноценного руководящего указания прокурорской периферии.

17 апреля Прокурор Союза издал приказ, устанавливающий обязательность дачи письменных указаний прокурору или следователю по тем рассмотренным в Прокуратуре Союза делам, в которых обнаружены те или другие дефекты. Нетрудно себе представить, какое огромное значение может иметь исполнение этого приказа в деле улучшения работы прокуроров и следователей, если по каждому плохо проведенному делу прокурор или следователь получит от Прокуратуры Союза авторитетное, конкретное указание о недостатках его работы.

Однако ни один из оперативных отделов Прокуратуры СССР этого приказа по-настоящему не выполняет.

Наконец, еще более разительный пример.

1 июня этого года Прокурор СССР издал приказ о перестройке работы органов прокуратуры. Без преувеличения можно сказать, что этот приказ знаменует значительную веху, крупный этап в работе органов прокуратуры.

Этот приказ издан на основе всестороннего изучения работы органов прокуратуры, на основе глубокого, в духе подлинной большевистской самокритики, анализа недостатков в работе прокуратуры. И работа по кадрам, и следственная работа, и судебная работа, и работа по общему надзору, и работа по жалобам получили в этом приказе свою суровую, но справедливую оценку.

Наряду с этим приказ дал развернутую, конкретную положительную программу действий по коренной перестройке всей многообразной работы органов прокуратуры сверху до низу.

Проект этого приказа обсуждался на Всесоюзном совещании прокурорских работников, специально созванном для этой цели в Москве.

Участники этого совещания были приняты главой советского правительства товарищем Молотовым.

Казалось бы, что все это должно было встряхнуть всех прокуроров республик, краев и областей, подчеркнуть особое значение этого приказа, заставить изучить, продумать каждое слово в этом приказе, мобилизовать на его проведение всю армию прокурорских работников, чтобы этот приказ дал свои результаты в самый короткий срок.

И что же оказалось?

Оказалось, что вследствие отсутствия контроля исполнения этот приказ в течение трех месяцев полностью нигде не был реализован. Кое-где пытались заменить парадной шумихой конференций и собраний повседневную кропотливую, «мелочную» работу по действительной перестройке работы органов прокуратуры, в некоторых местах приказ был попросту «подшит к делу».

А сколько волокиты, ненужной писанины порождает отсутствие контроля исполнения!

Некоторые прокуроры вообще считают «хорошим тоном» не отвечать на первый запрос, ждать напоминаний, считая, что, если напоминания нет, то запрос, значит, потерял свою остроту.

Нужно объявить решительную борьбу подобной практике. Четко поставленный контроль исполнения, своевременная посылка напоминаний, решительные меры против волокитчиков приведут к тому, что напоминание из повседневного «бытового явления» работы прокуратуры станет редким исключением.

Сказанным, однако, не исчерпывается значение контроля исполнения.

И Ленин и Сталин все время связывают проверку исполнения с подбором людей. И это абсолютно правильно.

Хорошо поставленная проверка исполнения помогает выявлять как четких, энергичных, знающих работников, так и бюрократов, чиновников, верхоглядов и болтунов.

Основной порок нашей работы с кадрами заключается в том, что людей мы либо совершенно не изучаем, либо изучаем по анкетам, по автобиографиям, причем подчас получалось, что наиболее «яркие» автобиографии оказывались у наиболее сомнительных людей.

Проверка кадров должна производиться на работе, ибо на работе в первую очередь проявляется человек. Подлинно советский работник не может быть бюрократом, бездушным чиновником, менталем, постыдно равнодушным к тому делу, которое ему поручено.

Преданный партии и советской власти человек не может не болеть за дело, которое ему поручено, не может не стремиться улучшить, поднять на высшую ступень отведенный ему участок работы.

Можно без преувеличения сказать, что отсутствие контроля исполнения облегчало вредителям их предательскую преступную работу.

Совнарком СССР в своем постановлении от 1 августа 1938 г. отметил, что «систематическая проверка хода исполнения постановлений правительства, а также приказов и инструкций наркоматов отсутствует. В большинстве случаев наркомы и члены коллегий не понимают всего значения подбора кадров и проверки исполнения. Это является основной причиной неудовлетворительной работы большинства наркоматов, так как без проверенных кадров не может быть успеха в работе, а без систематической проверки исполнения — нельзя узнать свои кадры, нельзя организовать их правильный подбор».

Вот почему Совнарком предложил всем наркомам: «во главу угла работы наркоматов и их коллегий поставить проверку исполнения».

В связи с этим постановлением СНК СССР создана группа контроля исполнения с подчинением ее непосредственно Прокурору Союза СССР.

На контрольно-инспекторскую группу возложена систематическая конкретная проверка выполнения всеми звеньями прокурорского аппарата постановлений партии и правительства, приказов и инструкций Прокурора Союза, оперативных мероприятий, проводимых по указанию Прокурора Союза, постановлений оперативного совещания, проверка прохождения наиболее важных жалоб и заявлений.

Помимо этого на контрольно-инспекторскую группу возложена проверка постановки контроля исполнения, инструктажа в отделах и управлениях Прокуратуры СССР и производство контрольно-инспекторской проверки работы всех органов Прокуратуры.

Некоторые руководители отделов Прокуратуры при обсуждении положения о контрольно-инспекторской группе высказали мысль, что организация контрольно-инспекторской группы освобождает их от проверки исполнения.

Это тяжелое заблуждение, свидетельствующее о непонимании ими сущности контроля исполнения.

Контрольно-инспекторская группа не призвана подменять собой проверку исполнения, которая должна осуществляться повседневно в процессе текущей работы отделов.

Контрольно-инспекторская группа при Прокуроре СССР должна контролировать, как начальники отделов проверяют выполнение отдельными своими работниками и прокурорской периферией поручений и заданий, относящихся к компетенции того или иного отдела. Группа контроля исполнения должна помогать налаживать контроль как в отделах и управлениях Прокуратуры СССР, так и на периферии. Группа контроля исполнения, наконец, призвана непосредственно осуществлять проверку исполнения отдельных важнейших решений и поручений, предусмотренных положением о контрольно-инспекторской группе.

Но чтобы проверка исполнения оказалась действенной, чтобы она действительно достигла цели, нужно обеспечить проведение в жизнь двух условий, о которых товарищ Сталин говорил на XVII съезде партии: «во-первых, чтобы проверка исполнения была систематическая, а не эпизодическая, во-вторых, чтобы во главе дела проверки исполнения во всех звеньях партийно-советских и хозяйственных организаций стояли не второстепенные лица, а достаточно авторитетные люди — сами руководители организаций»⁷.

Можно не сомневаться, что контрольно-инспекторская группа при Прокуроре Союза ССР при активной поддержке партийных и непартийных большевиков прокуратуры сверху донизу действительно станет начинником борьбы с бюрократизмом, волокитой, недисциплинированностью и поможет поднять работу прокуратуры на более высокую ступень.

⁷ Сталин, Вопросы ленинизма, с. 594.

Методика подготовки обвинительной речи на суде¹

1. Значение обвинительной речи

Задачи судебного процесса заключаются, во-первых, в том, чтобы выяснить фактическую сторону дела, точно установить, какие факты имели место в действительности, а во-вторых, в том, чтобы на основании точно доказанных фактических данных решить дело, то есть квалифицировать обвинение по той или иной статье Уголовного кодекса и решить вопрос о том, нужно ли подвергать обвиняемого наказанию и какому именно.

Все процессуальные действия в стадии судебного рассмотрения дела, в том числе и речь обвинителя, должны быть приспособлены к наилучшему разрешению этих задач.

Обвинительная речь прокурора имеет громадное значение.

Суд получает в речи прокурора, прежде всего, итоговую оценку всех рассмотренных на суде и имеющих в деле доказательств с точки зрения обвинения, со всеми поправками, вытекающими из судебного следствия. Кроме того, прокурор в своей речи излагает перед судом те политические и юридические соображения, которыми, по его мнению, надо руководствоваться при оценке установленных на суде фактов. Наконец, прокурор в своей речи формулирует в окончательной форме свое обвинение и представляет суду свои соображения о мере наказания.

Речь прокурора имеет громадное общественное значение.

К обвинительной речи по делу антисоветского «право-троцкистского блока» внимательно прислушивался весь мир. Громадное общественно-политическое значение гласного судебного процесса заключается в том, что приговор суда в таком процессе не должен приниматься на веру. Каждый имеет возможность сам убедиться в доказанности тех фактов, на которых основывается приговор. По всякому уголовному делу граждане, следящие за ходом процесса, обсуждают материалы судебного следствия и сопоставляют с ними приговор суда.

В социалистическом государстве, где суд является в подлинном смысле слова народным судом, особенно важно, чтобы приговор суда был убедительным для масс. Необходимо, чтобы все граждане могли правильно разобраться в сложном и обычно противоречивом доказательственном материале, найти правильный путь для оценки установленных на суде фактов.

Речь прокурора подготавливает общественное мнение к правильному пониманию приговора.

Поэтому, произнося свою обвинительную речь, прокурор должен помнить, что он говорит не только для суда, но и для всех присутствующих в зале суда. Обстоятельства, которые ясны суду, могут быть неясны присутствующим в суде гражданам. Если эти обстоятельства важны для дела, они должны быть освещены в речи про-

курора так, чтобы была исключена всякая возможность неправильного понимания их кем бы то ни было.

Общее направление речи прокурора определяется его положением в процессе: прокурор на суде — обвинитель, поэтому и речь его не отвлеченный доклад по делу, а обвинительная речь.

В капиталистических государствах, где суд является «орудием угнетения, орудием буржуазной эксплуатации» (Ленин), указанное понимание понимается узко одностороннее.

Большинство буржуазных прокуроров видит свою задачу в том, чтобы добиться во что бы то ни стало обвинительного приговора. Поэтому в своих речах такие прокуроры сплошь и рядом не останавливаются ни перед какими трюками, чтобы добиться обвинительного приговора, хотя бы путем извращения фактических обстоятельств дела.

Такие приемы для советского прокурора абсолютно недопустимы: советский прокурор, поддерживая обвинение на суде, не перестает быть блюстителем социалистической законности и поэтому может настаивать на обвинении только действительно виновных.

Для советского прокурора недопустимо не только какое бы то ни было извращение фактов, но даже и простое замалчивание обстоятельств, говорящих в пользу обвиняемого. Если в деле есть такие обстоятельства, прокурор должен объяснить, почему он не придает им значения, почему он тем не менее поддерживает обвинение. Величайшая политическая заостренность, максимальная обвинительная энергия в речи прокурора должна комбинироваться с абсолютной точностью и полнотой в изложении фактических обстоятельств дела. Ленин писал, что «решительности у нас довольно. А нет умения поймать достаточно быстро достаточное количество спекулянтов, мародеров, капиталистов — нарушителей советских мероприятий»².

Основная задача прокурора состоит в том, чтобы доказать факт преступления и виновность обвиняемого, а не в том, чтобы голословно, хотя и очень решительно, требовать его осуждения.

Только при этом условии речь прокурора будет иметь то значение, которое она должна иметь как одна из важнейших стадий судебного процесса.

2. Основные элементы обвинительной речи

Содержание и форма всякой обвинительной речи на суде определяются конкретными особенностями того дела, по которому эта речь произносится. Никакого графарета, никакой раз навсегда намеченной схемы обвинительной речи нет и быть не может.

Поэтому нельзя дать готового образчика обвинительной речи, в который можно было бы втиснуть содержание любого дела. Но можно отметить те основные элементы, которые должны содержаться в каждой обвинительной речи. Элементы эти таковы:

¹ Методическое письмо Прокуратуры Союза ССР, составленное т. С. А. Голунским под редакцией А. Я. Вышинского.

² Ленин, т. XXII, стр. 520—521.

- а) оценка политического значения дела;
- б) оценка доказательств, собранных по делу;
- в) установление фактических обстоятельств дела;
- г) квалификация обвинения;
- д) индивидуализация обвинения (при наличии в деле нескольких обвиняемых) и характеристика личности каждого обвиняемого;
- е) выводы.

Это не значит, что каждая обвинительная речь должна состоять обязательно из всех этих пяти частей. В зависимости от особенности того или иного дела удельный вес отдельных элементов обвинительной речи может меняться, некоторые из перечисленных элементов могут вообще отсутствовать, могут появиться другие, вызванные специфическими особенностями данного дела. Но перечисленные выше элементы обвинительной речи являются наиболее обычными.

А. Оценка политического значения дела

Оценка политического и общественного значения тех фактов, которые являются предметом судебного разбирательства, составляет обязательный элемент всякой обвинительной речи, так как от такой оценки зависит, прежде всего, признание действий обвиняемых уголовно-наказуемыми. Действия, которые хотя формально и подходят под признаки той или иной статьи Уголовного кодекса, но не являются общественно-опасными, — не могут, в силу ст. 6 основ уголовного права Союза ССР, рассматриваться как преступления. Поэтому прокурор всегда должен доказать, что те действия, о которых идет речь в данном деле, являются общественно-опасными, определить степень этой опасности и показать, в чем именно она заключается.

Но не по каждому делу необходимо выделять такую оценку в особый раздел обвинительной речи. Очень часто бывает уместно объединить вопрос о характере и степени общественной опасности действий, вменяемых в вину обвиняемым, с вопросом о квалификации преступления. Квалификация преступления представляет собой не что иное, как оценку степени опасности преступления, переведенную на юридический язык и выраженную в статьях Уголовного кодекса.

Но квалифицировать обвинение можно только после того, как будет точно установлен фактический состав этого обвинения, после того, как будет произведена оценка доказательств.

Поэтому говорить о квалификации преступления прокурор, по общему правилу, может только во второй части своей речи, после того, как он уже подверг анализу собранные по делу доказательства и высказал свое мнение о том, что можно считать доказанным и что приходится признать недоказанным.

Между тем, по некоторым делам бывает необходимо с самого начала, с первых же слов прокурора привлечь внимание суда и всех присутствующих на судебном заседании именно к политической, общественной стороне дела, с самого начала показать, какое значение имеет данный процесс, с какой точки зрения надо будет рассматривать те факты, о которых прокурор будет говорить в своей обвинительной речи.

Необходимость начать речь именно с оценки значения данного процесса возникает не только по делам мирового значения, как например, антисоветского троцкистского центра, антисоветского «право-троцкистского блока» и т. п. Сплошь и рядом такая необходимость возникает и по обычным рядовым делам в зависимости не только от характера дела, но и от того, кто присутствует на суде.

Например, по таким делам, как дела о должностных преступлениях, выразившихся в административном произволе, в нарушении прав советских граждан, по делам о пережитках старого быта, например, по делам о хулиганстве, по делам о незаконных абортх и т. п., безусловно необходимо с самого начала показать, какое значение имеет охрана личных прав граждан в СССР, борьба с преступлениями в социалистическом обществе, направленными против прав и интересов советских людей, какова роль суда в этой борьбе, какое значение с этой точки зрения имеет данный процесс.

Эта вступительная часть прокурорской речи должна быть органически связана с обстоятельствами того конкретного дела, по которому эта речь произносится. Совершенно недопустимо, когда прокурор превращает свою речь, или хотя бы какую-либо часть ее в митинговое выступление, в повторение всем известных общеполитических лозунгов, никак не связанных с делом.

По одному делу о растрате 3 000 руб., произведенной впервые комсомольцем, выдвинутым на работу в магазине ОРС, прокурор перед рабочей аудиторией говорил в течение часа о значении общественной (социалистической) собственности как основы советского строя, о присклах классовых врагов, коснулся даже замыслов германского и японского фашизма, а в заключение сказал:

«Поэтому, товарищи судьи, этого пособника врагов народа вы должны приговорить к высшей мере наказания, предусмотренной I ч. ст. 116 Уголовного кодекса».

Вопроса о том, доказана растрата или не доказана, на что были использованы растроченные деньги, почему подсудимого надо считать «пособником врагов народа», прокурор даже не коснулся.

Осветить значение борьбы за охрану общественной (социалистической) собственности по такому делу было необходимо, но нельзя было сводить к этому всю обвинительную речь. Прокурор таким образом мог убедить всех слушавших его в том, что нужно бороться с расхищениями общественной собственности вообще, но не убедил их в том, что подсудимый по данному делу принадлежит к числу этих расхищателей. А в этом и состояла его главная задача.

По своему удельному весу указанный вступительная часть прокурорской речи не должна превышать максимум 10—15% всего времени, на которое рассчитана речь прокурора. По своему содержанию она должна быть так построена, чтобы всякому было ясно, что прокурор говорит именно о данном деле, что какое выдвигаемое им положение будет иметь непосредственное отношение к тем фактическим обстоятельствам дела, о которых прокурор будет говорить в дальнейшем.

Б. Оценка доказательств, собранных по делу, и установление фактических обстоятельств дела

Эта часть прокурорской речи всегда является основной, если не по объему, то по ее значению. Обвинение убедительно только тогда, когда оно основано на фактах. Никакими ораторскими приемами, никакими общими рассуждениями нельзя заменить отсутствия в речи прокурора твердого фактического обоснования.

Установить, что именно доказано по делу в отношении каждого обвиняемого — важнейшая задача прокурора; от того, как будет разрешена эта задача, зависит и качество всех последующих частей прокурорской речи.

В частности, совершенно недопустимо подменять тщательный разбор доказательств общими рассуждениями об опасности преступления.

Дать оценку общественной опасности преступления необходимо и обязательно, но лишь тогда, когда доказан факт преступления и доказано, что совершено оно именно обвиняемым.

В одном процессе о зверском убийстве, с целью грабежа, мужа, жены и четверых детей, прокурор всю свою речь свел к пространным разговорам о том, что недопустимо выносить оправдательный приговор по такому зверскому преступлению.

Между тем, в том, что преступление, о котором шла речь, — исключительно опасное, ни у кого сомнений не возникало. Сомнения были в том, совершено ли это зверское преступление подсудимым, или кем-либо другим. А по этому основному для данного дела вопросу прокурор не сказал ни слова.

За всеми рассуждениями прокурора по этому делу таилась такая невысказанная прямо мысль:

«Преступление — возмутительное, оставлять его безнаказанным — недопустимо, наказывать, кроме подсудимого, некого, значит надо наказать подсудимого».

Такой подход передко имеет место в уголовном процессе буржуазных стран, но в уголовном процессе социалистического государства подобный подход абсолютно недопустим. Прокурор может требовать и должен требовать наказания подсудимого только тогда, когда он доказал, что преступление было совершено и что именно данный подсудимый является виновником этого преступления.

А сделать это можно только путем тщательной оценки доказательств и вдумчивого анализа всех фактических обстоятельств дела.

Эта задача сводится к двум основным моментам, хотя это далеко не всегда влечет за собой разделение этой части обвинительной речи на два самостоятельные раздела:

1. Прокурор должен произнести оценку собранных по делу доказательств, как каждого доказательства в отдельности, так и совокупности этих доказательств, то есть определить, какие доказательства и почему заслуживают доверия, а какие не заслуживают, и какие выводы можно сделать из того или иного доказательства.

2. На основании этой оценки прокурор должен четко установить, какие обстоятельства дела и какими именно доказательствами доказаны, а какие надо признать недоказанными и из обвинения исключить.

Например, прокурор должен сначала разобратить вопрос, можно или нельзя верить показаниям допрошенных на суде свидетелей А., Б. и В. и почему, — а затем установить, какие же обстоятельства надо считать доказанными показаниями тех из этих свидетелей, которые заслуживают доверия.

В некоторых случаях удобнее построить речь по этим двум разделам, то есть сначала произвести оценку показаний и свидетеля А., и свидетеля Б., и свидетеля В., а затем подвести итог тем фактам, которые устанавливаются показаниями всех этих свидетелей.

В других случаях лучше, производя оценку показаний свидетеля А., сразу же констатировать, что такие-то и такие-то факты можно считать установленными показаниями этого свидетеля, и только вслед затем перейти к оценке показаний свидетеля Б. и т. д.

Наконец, в некоторых случаях, по сложным делам, по которым имеется целый ряд пунктов обвинения и очень много доказательств, может быть целесообразно разбить эти доказательства на группы, по вопросам, к которым эти доказательства относятся, и по каждой группе доказательств сначала дать оценку этих доказательств, а затем сделать все вытекающие из этих доказательств выводы по тому вопросу, к которому данная группа доказательств относится.

По такой системе была построена, например, обвинительная речь по делу антисоветского «право-троцкистского блока». Та часть этой речи, которая была посвящена анализу фактических обстоятельств дела, была разбита на следующие разделы:

1) «право-троцкистский блок» — агентура иностранных разведок;

2) как боролись право-троцкисты против В. И. Ленина, против дела социализма;

3) заговор против В. И. Ленина в 1918 г.;

4) шпионы, изменники, реставраторы капитализма (раздел, посвященный выявлению преступных целей право-троцкистской преступной организации);

5) вредители, диверсанты;

6) убийство деятелей советского государства С. М. Кирова, В. Р. Менжинского, В. В. Кулишова, А. М. Горького.

В каждом из этих разделов содержался анализ доказательств, относящихся к соответствующему вопросу, и констатирование фактов, которые были установлены данной группой доказательств.

Метод, применяемый для освещения в обвинительной речи фактических обстоятельств дела, также меняется в зависимости, главным образом, от характера самих доказательств.

Если обвиняемые не оспаривают представленного им обвинения, если обвинение построено на прямых доказательствах (сознание обвиняемого, показания свидетелей-очевидцев преступления и т. п.), то часть речи, посвященная анализу и оценке этих доказательств, значительно упрощается. Прямые доказательства допускают только одно толкование. Можно — либо верить, либо не верить такому доказательству, но нельзя строить на нем несколько различных выводов.

Если свидетель говорит: «я видел, как подсудимый А. вонзил нож в грудь Б.», то вопрос может идти только о том, не дает ли свидетель умышленно ложных показаний и не допускает ли он невольной ошибки в своих показаниях. Но нельзя на основании этого показания делать вывод, что Б. погиб в результате самубийства.

Поэтому в этих случаях задача прокурора в части оценки доказательств сводится только к тому, чтобы решить вопрос о том, можно ли верить данному доказательству или нельзя. Эта задача иногда бывает очень сложной, но раз она решена и решена в том смысле, что данному доказательству верить можно, прокурор может прямо перейти к выяснению того, какие же факты можно считать доказанными на основе этого доказательства или группы таких доказательств.

Конечно, прокурор не может голословно заявлять, что таким-то доказательством можно верить, а таким-то нельзя. Когда прокурор, не приводя никаких мотивов, просто требует от суда доверия ко всем обвинительным доказательствам и недоверия ко всем оправдательным доказательствам, это звучит совершенно неубедительно и производит очень плохое впечатление.

Образцом того, как следует подходить к оценке доказательств в подобных случаях, может служить обвинительная речь по делу антисоветского троцкистского центра (дело Пятакова, Радека и др.).

Основными доказательствами по этому делу были прямые доказательства — сознание обвиняемых. Вопрос был в том, можно ли верить этим показаниям или нельзя.

Если этот вопрос разрешался в положительном смысле, отпадала необходимость ставить вопросы о том, не могут ли установленные на суде факты быть объяснены иначе, чем объясняет их обвинительное заключение, например, не мог ли взрыв на шахте «Центральная» быть результатом чьей-либо неосторожности, непредвиденной случайности и т. п.

В обвинительной речи по этому делу (в разделе — процессуальные вопросы) вопрос о том, можно ли верить показаниям обвиняемых, и был поставлен во всю широту и разрешен в положительном смысле на основании совершенно ясных и определенных доводов.

Обойти этот вопрос молчанием, значило бы оставить место для всякого рода сомнений и недоумений, которые и высказывались в печати кое-кем из иностранцев (например, Фейхтвангером).

Заниматься после положительного решения этого вопроса опровержением каких-либо иных выдуманных версий — значило бы ломиться в открытую дверь и затемнять дело.

Совершенно иначе приходится подходить к выяснению фактических обстоятельств дела, когда обвиняемые оспаривают предъявленное им обвинение, в особенности, если это обвинение основано на косвенных доказательствах, каждое из которых может допускать различные толкования.

Так например, по делу об убийстве Б., в котором обвиняется А., свидетель Х. показывает: «Примерно в то время, когда произошел убийство, я видел, как А. поспешно удалялся от того места, где ватем нашли труп Б.»

В отношении этого косвенного доказательства на прокуроре лежит прежде всего та же обязанность, о которой говорилось выше: решить вопрос, не дает ли свидетель Х. заведомо ложных показаний, не допускает ли он невольной ошибки. Но решением этого вопроса в смысле благоприятном для показаний свидетеля Х. задача прокурора в отношении этого доказательства не исчерпывается. А. мог действительно проходить быстрым шагом в том самом месте и в то самое время, где его видел свидетель Х., и все-таки не быть убийцей Б. Эти действия А. могут объясняться совсем другими причинами.

Задача прокурора — разобрать все эти возможные причины и доказать, если для этого есть основания, что действия А. не могут быть объяснены ничем другим кроме того, что он совершил убийство Б.

Сделать это в отношении отдельного изолированного доказательства — невозможно. Это можно сделать только в отношении целой цепи логически связанных между собой косвенных доказательств. Прокурор и должен установить такую логическую связь между отдельными доказательствами и показать, что вся совокупность этих доказательств не может быть объяснена ничем иным, кроме совершения обвиняемым приписываемого ему преступления.

Для этого, помимо оценки отдельных доказательств (заслуживает свидетель доверия или не заслуживает, является ли документ подлинным или поддельным и т. п.) прокурор должен наметить и разобрать все те версии, которыми могут быть объяснены установленные на суде факты. Совершенно недопустимо брать только одну обвинительную версию и на том основании, что все собранные доказательства в эту версию укладываются, требовать обвинительного приговора.

Еще более недопустимо брать для этого только часть доказательств, которые подходят под принятую прокурором версию, и отмахиваться от тех, которые под эту версию не подходят.

Единственный правильный метод построения прокурорской речи в таких случаях заключается в том, чтобы, наметив все мыслимые в данном случае версии, сопоставить их поочередно с собранными по делу доказательствами и показать, что ни одна из этих версий, кроме версии обвинения, не может объяснить всех установленных по делу фактов.

Образцом такого построения обвинительной речи может служить обвинительная речь по делу об убийстве на о. Врангеля (дело Семенчука и Старцева). Для объяснения смерти доктора Вульфсона, являвшейся предметом судебного разбирательства, по этому делу могли быть выдвинуты четыре версии:

- 1) д-р Вульфсон погиб от несчастного случая, заблудившись во время пурги;
- 2) д-р Вульфсон убит эскимосами;
- 3) д-р Вульфсон убит Вакуленко, скончившим впоследствии самоубийством;
- 4) д-р Вульфсон убит Старцевым по подстрекательству Семенчука.

Обвинитель подверг все эти версии детальному разбору и показал, что ни одна из первых трех версий не может быть совмещена с имеющимися по делу доказательствами, что все доказательства говорят в пользу четвертой версии.

Эта критическая работа безусловно обязательна во всех случаях, когда обвинение основано на косвенных доказательствах. Пока все другие возможные в данном случае версии не опровергнуты, утверждения прокурора о виновности обвиняемых не будут убедительны.

Но ограничиваться только этим нельзя. В уголовном процессе нельзя строить обвинение по принципу «кроме него — некому».

Прокурор обязан не только опровергнуть все те версии, которые он находит неправильными, но и доказать, что версия обвинения является правильной. Он должен одно за одним сопоставить с этой версией все собранные по делу доказательства и установить таким образом, что ни одно из них не противоречит этой версии.

Вот пример того, каким образом, путем анализа отдельных доказательств, путем сопоставления их с той или иной версией можно доказать несовместимость с данным доказательством одной версии и совместимость другой. По упомянутому делу об убийстве д-ра Вульфсона обвиняемые выдвигали предположение, что д-р Вульфсон во время пурги отбился от сопровождавшего его Старцева, заблудился, бросил нарту, на которой он ехал, пошел бродить в пурге и разбился. Четыре дня спустя после исчезновения д-ра Вульфсона, была обнаружена его нарта, запряженная 8 собаками. Нарта была приостопорена так, что собаки за четыре дня не могли сдвинуть ее с места.

Обвинители в своей речи сопоставили этот факт с указанной версией обвиняемых:

«Если допустить, что Вульфсон действительно ушел от собак... зачем ему было стопорить нарты? Он бы ушел — в таком случае — не стопорив нарты. А стопорить нарты не просто. Т. т. Ушаков и Минеев³ подтвердили, что это не трудно, но так застопорить, чтобы четыре дня и ночи собаки не могли сдвинуть ее с места — это требует искусства, а Вульфсон этим искусством не обладал. Мы удостоверились, что 26—27 декабря⁴ он впервые ехал на нартах» (Дело Семенчука и Старцева, 1936 г., стр. 421).

Обвинитель сопоставил здесь между собой три точно установленных факта:

1) нарты были застопорены так, что собаки четверо суток не могли сдвинуть их с места;

2) для того, чтобы так застопорить нарты, надо обладать опытом в этом деле;

3) д-р Вульфсон этим опытом не обладал.

Из сопоставления этих трех фактов явствовало с полной очевидностью, что версия о том, будто сам д-р Вульфсон, отбившись от Старцева, застопорил нарты и пошел бродить, с этими фактами несовместима, и наоборот, — что версия о том, что нарты застопорил опытный полярник Старцев, чтобы совершить убийство Вульфсона, с этими фактами вполне совместима.

Таким же образом обвинитель разобрал и ряд других обстоятельств, относящихся к тому же вопросу, мог ли д-р Вульфсон отбиться от Старцева в пути. Он установил, что Старцев ехал впереди, Вульфсон — сзади, что была пурга, что Вульфсон ехал на собаках Старцева, что, учитывая повадки полярных собак, нельзя

допустить, чтобы задняя запряжка при этих условиях обехала переднюю, в особенности, если с этой передней запряжкой был хозяин собак. Все эти факты были установлены тщательно проверенными доказательствами.

Совокупность всех этих фактов дала обвинителю возможность сделать вывод, что д-р Вульфсон не мог обогнать Старцева. А этот вывод в свою очередь послужил исходным пунктом для целой цепи умозаключений, логически вытекающих одно из другого:

«Если действительно исключается возможность обгона д-ром Вульфсоном нарты Старцева, то исключается потеря Старцевым доктора. Если исключается потеря Старцевым доктора, то, следовательно, они не были разведены. Если они не были разведены, то, значит, Старцев был с Вульфсоном в момент его смерти. Если Вульфсон умер насильственной смертью, то, следовательно, единственно, кто мог эту насильственную смерть причинить, был Старцев, ибо никого кроме Старцева здесь не было» (там же, стр. 497).

Доказательная сила подобной цепи умозаключений зависит, во-первых, от того, насколько бесспорно установлен ее исходный пункт (в приведенном примере — невозможность для нарты Вульфсона обогнать нарты Старцева), а, во-вторых, от того, чтобы из каждого предыдущего вывода можно было сделать только один последующий вывод. Если из какого-нибудь положения, являющегося одним из звеньев такой цепи умозаключений, можно сделать хотя бы два различных и одинаково возможных вывода, доказательная сила всей цепи рухнет. Так например, если из того факта, что нарты д-ра Вульфсона не могли обогнать нарты Старцева, можно было сделать, кроме того вывода, который был сделан в приведенной выше выдержке обвинительной речи, еще какой-нибудь другой вывод (например, — что д-р Вульфсон мог отстать от Старцева или свернуть в сторону, что в данном случае по обстоятельствам дела было исключено), то все последующие умозаключения потеряли бы всякую доказательную силу. Прокурор, который в своей обвинительной речи пользовался этим приемом доказывания, должен всегда помнить об этих двух условиях и прибегать к такому способу лишь тогда, когда исходный пункт его умозаключений бесспорно установлен и когда каждое последующее умозаключение с логической неизбежностью вытекает из предыдущего.

Таким способом прокурор должен проанализировать все доказательства по делу, сопоставить их со всеми мыслимыми версиями и доказать, что ни одна из этих версий, кроме принятой им обвинительной версии, не увязывается со всеми доказательствами, и наоборот, — что версия, принятая обвинителем, вполне увязывается со всеми доказательствами и не противоречит ни одному из них.

Если же такие противоречия получаются, прокурор не должен умалчивать о них. Он должен тщательно разобрать каждое такое противоречие и доказать, что противоречие это — только кажущееся, или что оно не имеет существенного значения.

Если же сделать этого он не может, значит, версия обвинения является необоснованной и нужно или искать другой обвинительной вер-

³ Эксперты-полярники, выступавшие в этом процессе.

⁴ То есть в самый день своего исчезновения.

сии, или обращать дело к рассмотрению, или отказываться от обвинения. Но ни при каких условиях прокурор не может допускать насилия над фактами, заведомо неправильной подстановки доказательств, игнорирования тех доказательств, которые несовместимы с версией обвинения.

В заключение этой части обвинительной речи прокурор должен подвести итог всем фактическим обстоятельствам дела и с абсолютной четкостью сказать, что именно он считает доказанным и что — недоказанным. Никакие неясные двусмысленные формулировки недопустимы.

Так например, по одному делу, по которому подсудимый обвинялся в ряде служебных злоупотреблений и в растрате, прокурор, перечислив те конкретные случаи злоупотреблений, которые он считал доказанными, в отношении обвинения в растрате сказал:

«Значительные траты подсудимого заставляют предполагать, что он имел какие-то незаконные источники дохода. Правда, мы здесь не нашли прямых доказательств совершения им растраты, но не нашли и никаких фактов, которые опровергали бы это обвинение».

Такого рода формулировки, не дающие ясного ответа на вопрос о доказанности того или иного обвинения, совершенно недопустимы.

Если обвиняемому предъявлено несколько отдельных обвинений, прокурор должен сформулировать свои выводы о доказанности или недоказанности каждого пункта обвинения отдельно. Ни одного из пунктов обвинения, упомянутых в обвинительном заключении, прокурор не может обойти молчанием.

Он обязан четко высказать свое мнение о доказанности или недоказанности каждого из них.

Если по делу передано суду несколько обвиняемых, прокурор обязан подвести итоги оценки доказательств в отношении каждого обвиняемого в отдельности и сказать, что именно он считает доказанным в отношении данного обвиняемого.

В большинстве случаев недопустимо объединять всех обвиняемых в одно целое и утверждать: «я считаю, что они сделали то-то и то-то». Надо сказать, что именно сделал каждый из них.

Только в том случае, если действия двух или нескольких обвиняемых были абсолютно однородны (например, два лица одновременно набросились на третьего и стали его избивать), можно говорить о таких действиях обоих одновременно. Но и в этом случае нельзя упускать индивидуальных различий, которых не может не быть: один мог быть инициатором преступления, а другой только последовал за ним, у одного могли быть одни мотивы преступных действий, у другого — другие, и т. д.

Подводя, таким образом, итоги оценки доказательств, говоря о том, что именно он считает доказанным, а что — недоказанным, — прокурор должен учитывать, как он намерен квалифицировать действия обвиняемых. О квалификации обвинения он будет говорить в следующей части своей обвинительной речи, по ему придется исходить при этом из того, что он сказал, подводя итоги фактическим обстоятельствам дела. Поэтому, подводя такие итоги, прокурор должен оттенить все обстоятельства, соответствующие признакам той статьи Уголовного кодекса, по которой он намерен квалифицировать действия обвиняемого.

Так например, если он намерен квалифицировать действия обвиняемого как взятку (ст. 117 УК РСФСР), он должен установить доказанность всех тех обстоятельств, которые образуют собой состав взятки. Он должен установить:

- 1) что обвиняемый в момент совершения преступления был должностным лицом;
- 2) что он получил от кого-то определенную материальную выгоду и какую именно;
- 3) что он получил эту выгоду именно за выполнение или невыполнение определенного действия, которое он мог совершить исключительно вследствие своего служебного положения, и что это было за действие.

Излагая свои выводы о доказанности фактических обстоятельств дела с учетом той квалификации, которую он намерен применить, прокурор превращает заключение этой части своей обвинительной речи во введение для следующей части, посвященной квалификации обвинения.

В. Квалификация обвинения

Четко определив факты, которые следует считать доказанными, прокурор должен дать ответ на вопрос о том, образуют ли эти факты состав преступления и какого именно.

Размер и характер этой части обвинительной речи зависят от того, является ли квалификация обвинения спорной или нет.

При бесспорности квалификации простое перечисление установленных на суде фактов является достаточным основанием для того, чтобы потребовать применения к этим фактам определенной статьи Уголовного кодекса.

Так например, если обвиняемому предъявлено обвинение в убийстве из ревности, то спорными могут быть фактические обстоятельства дела: убил или не убил, умышленно или не умышленно, из ревности или по каким-либо другим мотивам.

Разбору этих фактических обстоятельств и была посвящена описанная выше часть обвинительной речи. Но, раз факт умышленного убийства из ревности установлен, квалификация обвинения по п. «а» ст. 136 Уголовного кодекса РСФСР уже не вызывает сомнений.

В этом случае непосредственно вслед за изложением фактических обстоятельств дела прокурор может прямо указать, что эти обстоятельства полностью подпадают под действие такой-то статьи Уголовного кодекса.

Если же квалификация представляется спорной и можно говорить о применимости к данному случаю нескольких статей Уголовного кодекса, или же если вопрос о квалификации осложняется наличием в деле таких вопросов, как вопросы о покушении, о соучастии, об ответственности по аналогии и т. п., то часть обвинительной речи, посвященная квалификации обвинения, значительно разрастается.

Такое положение, при котором может идти речь о применимости к фактам, установленным на суде, нескольких статей особенной части Уголовного кодекса, может создаваться в одном из двух случаев:

Во-первых, при наличии так называемой идеальной совокупности преступлений, то есть когда в одном действии содержатся одновременно признаки двух различных преступлений (например, бандитизм и хранение оружия).

Этот случай не представляет никаких затруднений. Прокурор должен просто потребовать, сославшись на ст. 49 Уголовного кодекса РСФСР, применения из нескольких возможных в данном случае статей Уголовного кодекса той, которая предусматривает наиболее строгое наказание.

(Не нужно смешивать с этим случаем так называемой реальной совокупности, то есть, когда обвиняемому предъявлено несколько отдельных обвинений в совершении нескольких преступлений. В этом случае прокурор должен квалифицировать каждое обвинение отдельно).

Во-вторых, указанное выше положение может создаваться тогда, когда может идти речь о нескольких квалификациях одного и того же обвинения, причем одна квалификация исключает другую (растрата или кража, халатность или злоупотребление служебным положением, террористический акт или простое убийство и т. п.).

Множественность квалификаций в этом случае всегда — только кажущаяся: одна из квалификаций является правильной, а все остальные — неправильными.

Задача прокурора в этом случае заключается в том, чтобы найти правильную квалификацию и показать и суду неправильность всех других возможных в данном случае квалификаций.

Для этого приходится брать по очереди каждую из возможных квалификаций и путем анализа текста соответствующей статьи Уголовного кодекса, путем сопоставления указанных в ней признаков с фактическими обстоятельствами дела доказывать применимость или неприменимость этой статьи УК. Прокурор не должен при этом ограничиваться узко догматическим толкованием текста статьи закона, он должен вскрыть политическое значение этого закона и на этой основе осветить и политическое значение данного дела.

Если в начале своей речи прокурор давал оценку политического значения данного процесса, он должен вспомнить об этой оценке и в данной связи и показать, каким образом политическое значение дела выражается в юридической форме путем квалификации обвинения по той или иной статье УК. Если такой вступительной части в речи не было и прокурор начал свою речь прямо с анализа фактических обстоятельств дела, то именно в этот момент нужно дать развернутое освещение политического значения процесса. Например, обсуждая вопрос, следует ли квалифицировать обвинение по 58-й или по 136 ст. УК РСФСР, прокурор должен отчетливо показать, в чем заключается разница между террористическим актом и бытовым убийством и к какому из этих двух видов преступлений относится данный случай.

Квалификация, отстаиваемая прокурором, должна быть обоснована на точном соответствии фактических обстоятельств дела букве и смыслу закона. Никакие вольности ни с законом, ни с установленными на суде фактами — абсолютно недопустимы.

Ни в каком случае не следует квалифицировать обвинение «с запросом». Советский суд — не сделка государства с преступником, и прокурор не торговец, каким хотел изобразить его вредитель Пашуканис. Прокурор — представитель государства, делающий важное государственное дело, и поэтому он должен требовать от

суда лишь того, чего следует требовать по закону.

Если по делу возникают вопросы о покушении, соучастии, об умысле и неосторожности, об ответственности по аналогии и т. п. вопросы, относящиеся к общей части уголовного права, прокурор должен детально разобрать эти вопросы применительно к особенностям данного дела. Образцом того, как следует ставить и решать подобные вопросы, может служить обвинительная речь по делу антисоветского «правотроцкого блока» (раздел «юридические вопросы»).

Часть своей обвинительной речи, посвященную квалификации обвинения, прокурор должен строить так, чтобы она была понятна не только для суда, но и для всех, кто слушает речь прокурора. Необходимо, чтобы каждый присутствующий на суде понял смысл тех уголовных законов, о которых говорит прокурор, понял, почему одни из них в данном случае неприменимы, а другие — применимы. Поэтому не следует в обвинительной речи ограничиваться только цифровым обозначением статей Уголовного кодекса (ст. 109, ст. 111 и т. п.).

Нужно разъяснить, что именно кроется за той или иной цифрой, чтобы всякий мог понять и оценить доводы прокурора.

От этой части прокурорской речи в особенности требуется высокий теоретический уровень. Речь прокурора не должна, конечно, превращаться в лекцию по уголовному праву, не должна ни на минуту удаляться от конкретных обстоятельств данного дела. Но эти фактические обстоятельства дела прокурор должен уметь осветить светом юридической теории. Так, в указанной речи по делу антисоветского «правотроцкого блока» обвинитель, говоря об ответственности подсудимых за соучастие в преступных деяниях, установленных на суде, разобрав этот вопрос путем анализа существующих теорий соучастия, но не отвлеченно, а применительно к обстоятельствам данного конкретного дела.

Устанавливая квалификацию обвинения, прокурор не должен забывать о требованиях ст. ст. 312 и 313 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР. Если он изменяет квалификацию обвинения, данную в обвинительном заключении, он может делать это только в сторону смягчения этой квалификации. В этом случае он должен показать, какие выявились на судебном следствии новые обстоятельства, требующие изменения квалификации обвинения.

Если же он находит необходимым изменить квалификацию обвинения на более строгую по сравнению с той, которая содержалась в обвинительном заключении, он должен требовать обращения дела к доследованию.

Посвященная квалификации обвинения часть обвинительной речи должна заканчиваться совершенно определенным выводом прокурора о том, как следует, по его мнению, квалифицировать обвинение. И здесь, так же как и в вопросе о доказанности фактических обстоятельств дела, никакие двусмысленные, уклончивые формулировки недопустимы.

Недопустима в нашем процессе и так называемая альтернативная квалификация (либо по такой, либо по такой статье Уголовного кодекса), пропагандируемая германской фашистской юриспруденцией.

Прокурор должен совершенно определенно в отношении каждого отдельного пункта обвинения сказать, по какой статье Уголовного кодекса он считает необходимым квалифицировать данное обвинение.

Г. Вопрос о мере наказания и характеристика обвиняемых

Квалификацией действий каждого обвиняемого по той или иной статье Уголовного кодекса еще не исчерпываются обязанности прокурора по конкретизации и индивидуализации обвинения. В нашем уголовном законодательстве принята система относительно определенных санкций. Это значит, что закон устанавливает только высший или низший предел наказания, предоставляя суду свободу выбора меры наказания в этих пределах.

Ст. ст. 51 и 53 Уголовного кодекса РСФСР дают суду возможность даже выйти за эти пределы в сторону смягчения наказания или признания его условным.

Поэтому квалификация действий обвиняемого по какой-либо статье Уголовного кодекса еще отнюдь не предопределяет той конкретной меры наказания, которая будет назначена ему судом.

Так например, по ст. 109 Уголовного кодекса РСФСР суд может, даже не прибегая к ст. 51 Уголовного кодекса РСФСР, избрать меру наказания и в виде 6 месяцев исправительно-трудовых работ и в виде 10 лет лишения свободы.

Прокурор обязан изложить те соображения, которыми, по его мнению, следует руководствоваться при выборе меры наказания каждому из обвиняемых, в отношении которых прокурор поддерживает обвинение.

Эти соображения относятся, во-первых, к степени опасности преступных действий данного обвиняемого, а, во-вторых, к характеристике его личности.

Опасность преступных действий двух обвиняемых, хотя бы действия обоих были квалифицированы по одной и той же статье Уголовного кодекса, может быть весьма различной. И систематическое корыстное злоупотребление своим служебным положением, повлекшее за собой очень тяжелые последствия, и единственный случай злоупотребления, хотя бы и из личных видов, повлекший за собой гораздо менее серьезные последствия, одинаково подойдут под признаки ст. 109 Уголовного кодекса РСФСР, но степень общественной опасности преступления в обоих случаях будет различна. Прокурор не может умолчать в своей речи об этом различии, он обязан не только упомянуть о нем, но и объяснить, в чем это различие заключается.

По сравнительно простым делам, по которым предано суду не более 2—3 подсудимых, по которым фактический состав преступления не очень сложен, такая оценка степени общественной опасности действий каждого из подсудимых может быть дана в той части обвинительной речи, которая посвящена выяснению фактических обстоятельств дела (ст. раздел «Б» настоящей главы).

Подводя итоги тому, что именно следует считать доказанным в отношении каждого из обвиняемых, прокурор может вместе с тем остановиться и на оценке степени опасности действий данного обвиняемого.

Можно объединить такую оценку и с вопросом

о квалификации обвинения. Доказав, что действия такого-то обвиняемого следует квалифицировать по такой-то статье Уголовного кодекса, прокурор может вместе с тем осветить и степень общественной опасности этих действий в пределах данного вида преступлений.

Но по сложным делам, по которым и число обвиняемых велико и фактический состав преступлений, вменяемых в вину каждому из них, очень сложен, целесообразнее посвятить упомянутой оценке степени опасности действий каждого из обвиняемых отдельный раздел обвинительной речи, непосредственно вслед за разделом, посвященным квалификации обвинения.

Преимущество такого построения обвинительной речи заключается также и в том, что оно дает возможность, не нарушая логической последовательности речи, вместе с оценкой степени общественной опасности действий каждого из обвиняемых коснуться и оценки его личности, что также имеет существенное значение для определения меры наказания. Например, ясно, что за совершенно одинаковые хулиганские действия, совершенные, с одной стороны, деклассированным хулиганом-рецидивистом, имеющим уже несколько судимостей, уже несколько лет не занимающимся общественно-полезным трудом, а, с другой, — рабочим, судящимся впервые, имеющим стаж безупречной работы на производстве, меры наказания должны быть совершенно различны.

Такие особенности личности каждого из обвиняемых, могущие влиять на меру наказания, также должны быть освещены в обвинительной речи прокурора.

В буржуазных странах большинство прокуроров считает своей обязанностью всячески очертить личность обвиняемого.

А. Ф. Кони в воспоминаниях о своей работе в качестве прокурора С.-Петербургского окружного суда рассказывает, как однажды один из его помощников явился к нему с докладом о том, что по делу, по которому он выступал обвинителем, суд вынес оправдательный приговор. «Ну, хоть я и проиграл, — сказал он при этом, — но зато я ему всю морду сапогом выначкал — останется доволен».

Такой подход к делу обвинения вполне соответствует угнетательской природе буржуазного суда. Кони приводит указанный случай в качестве примера того, как не следует поступать прокурору, но такие, как Кони, в составе царской прокуратуры были редкие единицы.

В суде социалистического государства «мазать подсудимому морду сапогом» абсолютно недопустимо.

Прокурор обязан отметить в своей речи все те личные свойства подсудимого, которые могут повлиять на определение ему меры наказания, но и при этом прокурор должен соблюдать строгую объективность, то есть говорить только о тех свойствах обвиняемых, которые бесспорно установлены по делу, и только о тех, которые имеют значение для определения меры наказания.

По одному делу о растрате, рассматривавшемся в одном из народных судов г. Москвы, фамилия одного из обвиняемых была Болотин. В своей речи прокурор сказал: «Фамилия обвиняемого Болотин. Удивительно ли, что там, где он появлялся, тотчас образовывалось воющее болото».

Не говоря о том, что в советском суде обвиняемый должен быть огражден от оскорблений, подобные не относящиеся к делу выпады прокурора могут создать у присутствующих на суде впечатление, что, очевидно, у прокурора нет серьезных доказательств виновности обвиняемого, раз он хватается за подобного рода мотивы.

При правильном построении этой части обвинительной речи в ней должны быть освещены все обстоятельства, о которых говорится в разделе пятом общей части Уголовного кодекса, в частности, в ст.ст. 46—48 УК РСФСР.

В зависимости от особенностей того или иного конкретного дела, то одни, то другие из этих обстоятельств приобретают особо важное значение и требуют особенно яркого освещения в обвинительной речи.

Но, во всяком случае, по всем делам без исключения должны быть отмечены следующие обстоятельства, относящиеся как к самому преступному деянию, так и к личности обвиняемого:

- 1) значение объекта преступления для государства;
- 2) характер и размер причиненного преступлением ущерба, а также ущерба, который мог явиться результатом преступления.
- 3) квалифицированность и изощренность методов, примененных для совершения преступления;
- 4) степень упорства обвиняемого в его преступной деятельности;
- 5) роль, которую играл данный обвиняемый в совершении преступления (организатор, руководитель или наоборот — второстепенный соучастник, втянутый в совершение преступлений другими лицами);
- 6) мотивы, толкнувшие данного обвиняемого на преступление (контрреволюционные, корыстные, или наоборот — угрозы, принуждения с чьей-либо стороны, низкий уровень развития, нужда и т. п.);
- 7) социально-политический облик данного обвиняемого (его прошлая деятельность, в частности — прежняя судимость, связь с контрреволюционерами и другими преступными элементами, отношение к производственной и общественной работе, в некоторых случаях — его поведение в быту и т. п.);
- 8) возраст обвиняемого, его образование, степень его развития и т. п. личные свойства личности, поскольку они имеют значение для дела.

Пользоваться в качестве мотивов для вывода о необходимости повышения или понижения меры наказания данными о поведении того или иного обвиняемого во время расследования и судебного рассмотрения дела можно только с крайней осторожностью. Закон предоставляет обвиняемому право самому избирать методы своей защиты. Поэтому недопустимо обращать против обвиняемого использование им этого права и, например, настаивать на повышении наказания «вследствие упорного заpiresательства» обвиняемого, или, наоборот, находить возможное снижение наказания только вследствие «чистосердечного сознания», сплошь и рядом данного под давлением собранных следствием улик.

Однако, если обвиняемый использует для своей защиты методы, которые сами по себе преступны (подделка документов, подкуп свидете-

лей, искусственное создание доказательств против невинного лица с целью взвалить на него ответственность за преступления и т. п.), то хотя бы эти действия и не были вменены в вину обвиняемому отдельным пунктом формулы обвинения, прокурор может сослаться на них как на обстоятельства, увеличивающие ответственность.

Наоборот, действия обвиняемого, доказывающие его действительное раскаяние (добровольная, ничем не вынужденная явка с повинной, добровольно предпринятые шаги к уменьшению причиненного преступлением ущерба и т. п.) могут служить основанием для смягчения наказания.

Д. Выводы

Если в предшествующем разделе обвинительной речи прокурор правильно осветил все те обстоятельства, которые могут иметь влияние на выбор меры наказания, то его выводы по этому вопросу явятся логическим завершением этой части его речи. Выводы прокурора не должны быть неожиданными. Они должны быть подготовлены всем предшествующим содержанием обвинительной речи.

В своих выводах прокурор должен обязательно четко выразить свое мнение о виновности или невинности каждого из обвиняемых в отдельности, а в отношении тех из обвиняемых, которых он считает виновными, также и о мерах наказания, которые он от имени прокуратуры требует для каждого из них.

Но степень конкретизации этих требований может быть различной.

Прокурор безусловно обязан четко выразить свое мнение о роде наказания, которое он считает необходимым применить к каждому из обвиняемых: расстрел, долгосрочное тюремное заключение, краткосрочное лишение свободы, исправительно-трудовые работы, условное осуждение и т. п. Но не всегда необходимо указывать, например, точный срок лишения свободы, точную сумму штрафа и т. п. Это можно сделать в тех случаях, когда самое обозначение цифр, определяющей меру наказания, имеет принципиальное значение; например, при требовании применить высший предел какого-либо наказания (25 лет или 10 лет лишения свободы). Но требовать, чтобы суд обязательно дал такому-то подсудимому 7 лет, а такому-то 8 лет лишения свободы, в большинстве случаев нецелесообразно. Каждое требование прокурора должно быть мотивировано.

Прокурор не должен выдвигать таких требований, с которыми можно было бы не посчитаться.

Можно вполне обоснованно мотивировать требование применить именно данный род наказания; можно также привести убедительные доводы в пользу того, что суд должен остановиться именно на высшем, или на низшем пределе данной меры наказания, но невозможно привести никаких мотивов, на которых можно было бы обосновать требование именно 7 или именно 8, а не 6 или 9 лет лишения свободы, именно 9, а не 10 месяцев исправительно-трудовых работ, и т. п.

3. Форма и построение обвинительной речи

В предыдущей главе были рассмотрены основные элементы обвинительной речи. Но, как уже было упомянуто выше, далеко не всегда все эти

элементы имеют одинаковое значение. В каждом процессе есть основной узловой пункт, который должен стать центром тяжести обвинительной речи.

В одном деле таким центральным моментом может быть вопрос о доказанности обвинения.

Квалификация преступления и степень его общественной опасности могут не вызывать никаких сомнений, но вопрос о том, было ли данное преступление совершено тем самым лицом, которое сидит на скамье подсудимых, может представляться сомнительным.

Если в этом случае прокурор сделает основной упор не на разборе доказательств, не на установлении фактических обстоятельств дела, а на выяснении вопросов о квалификации преступления и о степени его общественной опасности, которые и без того всем ясны, его речь будет совершенно бесполезна, а в некоторых случаях — даже вредна.

У слушателей от такой речи останется чувство досады и неудовлетворенности и создастся впечатление необоснованности требований, предъявленных прокурором суду.

Наоборот, в других делах вопрос о том, что подсудимый совершил приписываемые ему действия, может быть совершенно ясен, но может быть спорна оценка этих действий. В этих случаях центр тяжести обвинительной речи должен лежать в части ее, посвященной квалификации обвинения и оценке его общественной опасности. Попытка же прокурора доказать, что подсудимый совершил те действия, которых ни он, ни кто-либо другой не оспаривает, так же как и в предыдущем случае, произведет неблагоприятное впечатление.

Качество обвинительной речи зависит в значительной степени от того, сумеет ли прокурор правильно определить, какой из очерченных выше элементов обвинительной речи является в данном случае основным, и в соответствии с этим построить свою речь.

Иногда бывает целесообразно начать обвинительную речь как раз с выяснения этого самого вопроса, примерно таким образом:

«Есть дела, товарищи судьи, в которых основная трудность заключается в выяснении фактических обстоятельств дела. Настоящее дело не принадлежит к их числу. Фактов по этому делу никто не оспаривает. Весь вопрос в том, как эти факты оценить, и т. д.»

Однако каковы бы ни были особенности того или иного процесса, какой бы из элементов обвинительной речи ни приобретал решающее значение, речь прокурора всегда должна быть построена так, чтобы последующее вытекало из предыдущего. Нельзя, например, говорить о квалификации обвинения прежде, чем будут точно установлены подлежащие квалификации фактические обстоятельства, нельзя говорить о мере наказания прежде, чем будет разрешен вопрос о квалификации, и т. п.

Поэтому начинать речь надо или с освещения особенностей данного процесса и его политического значения, или же, если в этом нет надобности (см. по этому поводу раздел «А» главы 2-й) с разбора фактических обстоятельств дела.

Разбор этих фактических обстоятельств может быть детальным в случае их спорности; в случае же бесспорности фактической стороны дела

этот разбор может ограничиться простым констатированием тех фактов, которые прокурор признает бесспорными, и указанием на те доводы, в силу которых эти факты можно считать бесспорными.

Ни в каком случае нельзя переходить к последующим оценочным частям обвинительной речи, пока под них не подведено твердого фактического основания, пока не установлено с абсолютной точностью, какие именно факты будут подвергаться оценке.

Вопросы о квалификации действий обвиняемых по тем или иным статьям Уголовного кодекса и о степени опасности этих действий в пределах этих статей могут, смотря по обстоятельствам, или быть слиты вместе, или составить два отдельных следующих один за другим раздела обвинительной речи.

Но во всяком случае обсуждение этих вопросов должно предшествовать выводам прокурора.

Выводы прокурора, конкретные требования о применении мер наказания должны, по общему правилу, завершать собой обвинительную речь. Всякого рода заключения, всякие рассуждения прокурора после того, как он уже высказал, чего именно он требует от суда, обычно не нужны для суда и только ослабляют эффект речи. Особый заключительный раздел может быть уместным только в исключительных случаях, если такое заключение вызывается какими-либо особенностями данного процесса, если оно особенно выразительно на фоне всей обвинительной речи. Но в этом случае этот заключительный раздел речи обязательно должен быть очень краток и состоять не более, чем из 3—4 кратких и выразительных предложений.

Обвинительную речь надо строить так, чтобы, по возможности, избежать повторений. Подойдя к какому-либо вопросу, надо этот вопрос исчерпать до конца, найти и четко сформулировать ответ на него, с тем чтобы в дальнейшем, если в какой-либо другой связи придется коснуться того же вопроса, можно было сослаться на этот ответ, не повторяя вновь всех доводов за и против.

Например, в деле может фигурировать документ, подлинность которого оспаривается обвиняемым. Этот документ фигурирует как обвинительное доказательство по двум пунктам обвинения, и прокурору придется поэтому сослаться на этот документ дважды. Совершенно нецелесообразно в обоих этих случаях обсуждать вопрос о подлинности этого документа во всем объеме.

Этот вопрос нужно поставить один раз, всесторонне рассмотреть все доводы за и против подлинности документа и сделать окончательный вывод. При упоминании в дальнейшем об этом документе, в связи со вторым пунктом обвинения, надо будет просто сослаться на уже сделанный ранее вывод о его подлинности. Надо помнить, что повторение одних и тех же доводов не усиливает, а ослабляет производимое ими впечатление.

Приводя какой-либо довод, прокурор не должен делать этого мимоходом, поверхностно, так как в этом случае такой довод может не дойти до слушателей. Не нужно думать, что раз данное соображение ясно и убедительно для говорящего, то оно столь же ясно и убедительно для слушателей. Каждое приводимое соображе-

ние надо сформулировать вполне четко, всесторонне обосновать, сделать на нем необходимое ударение, но более к нему уже не возвращаться.

Однако в некоторых случаях, особенно по сложным делам, по которым приходится оперировать многочисленными доказательствами и приводить целый ряд различных соображений, бывает уместно в конце того или иного раздела речи (например, в конце разбора доказательства, относящегося к определенному пункту обвинения) вкратце суммировать то, что было сказано в этом разделе, в сжатой и наглядной форме, выразить итоги того, о чем в этом разделе говорилось.

Стиль речи прокурора обусловлен тем, что это — обвинительная речь, а не доклад по какому-либо отвлеченному вопросу.

Задача прокурора — разоблачить преступников, сорвать с них маску, показать и суду и судебной аудитории их подлинное лицо.

О правильной постановке обвинения в суде по делам о волоките Ленин писал, что обвинитель должен «перед всеми (подчеркнуто Лениным) разнести вдрызг, осмеять и опозорить» «богдановскую» и «осинскую» защиту бюрократической волокиты⁵. Но вместе с тем Ленин требовал, чтобы это делал умный обвинитель и чтобы обвинение было поставлено «разумно, правильно, в меру».

Это значит, что прокурор должен обрисовывать яркими красками преступные действия подсудимых, но лишь те действия их, которые доказаны на суде, отнюдь ничего не преувеличивая и не добавляя от себя.

Это значит также, что формулировки, применяемые в обвинительной речи, сравнения, характеристики и т. п. должны соответствовать характеру преступления. В речах обвинителя по делам антисоветского троцкистского центра и антисоветского «право-троцкистского блока» мы находили убийственные по своей меткости сравнения и характеристики разоблаченных на суде преступников: сравнение Ягоды с Жозефом Фуче, характеристика Бухарина как «помеси лисицы и свиньи», определение двурушнического поведения Пятакова и Радека как «верха цинизма и низветаательства над последними остатками человеческой совести, над последними понятиями морали» и т. п. В заключении обвинительной речи по делу антисоветского «право-троцкистского центра» дано яркое, образное определение значения приговора суда по этому делу: «Пусть же ваш приговор прогремит по всей нашей великой стране, как набат, зовущий к новым подвигам, новым победам! Пусть прогремит ваш приговор, как освежающая и всеочищающая гроза справедливого советского наказания!»

По этим делам эти характеристики и сравнения правильно отражали сущность дела и личность тех обвиняемых, которых они касались. Но, если бы те же самые выражения применить в обвинительной речи по рядовому уголовному делу, они оказались бы смешны своим явным несоответствием значению этого преступления.

Поставить обвинение «в меру» и значит найти выражения, соответствующие фактам, к которым они относятся.

Всякий перегиб в этом отношении не уси-

ливает, а ослабляет впечатление от обвинительной речи.

Среди некоторых наших работников было распространено мнение, что судебное красноречие было уместно в буржуазном суде, но что ему не должно быть места в советском суде. У нас, якобы, судебные речи должны сводиться к сухому изложению фактов.

Эта точка зрения в корне неверна. У нас действительно нет места для красноречия, то есть для пустых ораторских эффектов, за которыми не скрывается никакого реального содержания и которые в буржуазном суде очень часто применялись именно для того, чтобы скрыть это отсутствие содержания.

Но нет никаких оснований, почему бы советский прокурор должен был излагать свою речь стилем бухгалтерского отчета и не мог облекать правильную и обоснованную мысль в яркую, художественную форму.

Такие приемы, как сравнения, приведение литературных и исторических примеров и даже художественные метафоры только усиливают впечатление от обвинительной речи при непременном условии, что они дополняют, разъясняют доводы, основанные на фактических обстоятельствах дела, а не заменяют их.

Примеры из Тацита, ссылки на процессы д-ра Панченко, Прочар, д-ра Пальмера, приведенные в обвинительной речи по делу антисоветского «право-троцкистского блока», несомненно представили в более ярком свете обвинение врачей Левина, Плетнева и Казакова, вполне доказанное рядом бесспорных доказательств.

Но если бы те же примеры были приведены для того, чтобы возместить недостаток доказательств, они произвели бы совершенно обратное впечатление: каждый слушатель обвинительной речи в этом случае увидел бы не сходство, а различие между приводимыми примерами и тем обвиняемым, для пояснения которого они приводятся, и неизбежно подумал бы: «В тех случаях преступление было доказано, а в этом — нет».

Прокурор в своей речи всегда должен соблюдать величайшую корректность. Применение каких-либо бранных выражений в обвинительной речи абсолютно недопустимо. Это не только дискредитировало бы прокуратуру, от имени которой подобные выражения были произнесены, но и крайне вредно отразилось бы на впечатлении, производимом обвинительной речью. Создалось бы впечатление, что, видимо, у прокурора нет серьезных доводов для обоснования обвинения, раз он начинает браниться.

Бичущая сила обвинительных характеристик в устах прокурора тем больше, чем корректнее та форма, в которую облекаются такие характеристики.

4. Подготовка к обвинительной речи

Хорошую обвинительную речь нельзя сказать экспромтом. К ней необходимо тщательно готовиться. Подготовка эта распадается на две стадии:

- 1) перед началом процесса и
- 2) во время судебного следствия и по окончании его.

Подготовка к обвинительной речи перед началом процесса может заключаться только в собирании материала, в ознакомлении с соответ-

⁵ Ленин, т. XXIX, стр. 415.

ствующей литературой, в подборе исторических и литературных примеров для речи и т. п.

Во всяком случае, необходимо заранее ознакомиться с теми специальными вопросами, которых придется касаться в речи. Так например, если предстоит выступать по делу о заражении скота бруцеллезом, необходимо до начала процесса ознакомиться с тем, что за болезнь бруцеллез, как она распространяется, как распознается, каковы меры предупреждения и лечения этой болезни и т. д.

Но писать проект речи, или даже составлять план ее до окончания судебного следствия не следует. Нередко случалось, что судебные ораторы, заранее приготовившие свою речь по материалам предварительного следствия и заучившие ее, попадали впросак, если на суде обстоятельства дела неожиданно изменялись. До начала процесса можно составить только план ведения судебного следствия — не более.

Во время судебного следствия прокурор должен все время помнить, что ему предстоит говорить обвинительную речь, и собирать для этого материал.

Рекомендуется во время судебного следствия иметь перед собой особый лист бумаги, на котором делать заметки обо всем, что может быть использовано в обвинительной речи: о характерных формулировках обвиняемых и свидетелей, на которые надо будет сослаться, о тех или иных мыслях, мелькнувших в голове у самого прокурора, о вопросах, на которых надо будет остановиться, и т. п.

Только по окончании судебного следствия можно приступить к составлению плана обвинительной речи, с учетом как изложенных выше общих указаний, так и конкретных материалов данного дела. Для этого следует попросить у суда устроить по окончании судебного следствия перерыв судебного заседания, более или менее продолжительный, смотря по сложности дела.

Приступая к составлению плана речи, прокурор должен прежде всего обдумать, какие пункты обвинения он считает доказанными и будет поддерживать полностью, какие надо изменить, от каких вовсе отказаться.

Затем прокурор должен отдать себе отчет в том, какой из описанных, в главе 2-й настоящего руководства элементов обвинительной речи является по данному делу основным и с чего следует начать речь.

После этого следует наметить и записать на бумаге все основные разделы речи и краткое содержание каждого раздела. Сбоку, против соответствующих мест плана, следует записать те цитаты из показаний и документов, те примеры и сравнения, которые надо будет использовать.

Наконец, необходимо обдумать, как закончить речь. Это особенно важно для обвинителей, не имеющих достаточного опыта, которые очень часто, если не наметили заранее конца своей речи, никак не могут ее закончить.

Писать весь текст речи невозможно, но наиболее ответственные формулировки, в частности — начало и конец речи, следует подготовить заранее и записать.

По сложным делам, в которых очень много доказательственного материала, на каждый раздел речи можно подготовить особую папку. На

обложке каждой такой папки следует записать основные вопросы, которые надо будет осветить в данном разделе обвинительной речи, и вложить в папку относящиеся к этим вопросам материалы: выписки из показаний, документы, справки, цитаты из литературных источников и т. п.

По такой системе был составлен план обвинительной речи по делу антисоветского «право-троцкистского блока». Приведем для образца некоторые разделы этого плана.

Папка, посвященная разделу «право-троцкистский блок» — агентура иностранных разведок* была разбита на две части:

- 1) «шпионаж и подготовка поражения СССР» и
- 2) «расчленение СССР».

В папку были вложены материалы (выписки из показаний, документов и т. п.), сгруппированные по этим вопросам. На каждой выписке были сделаны пометки об обстоятельствах, которые надо было особо подчеркнуть, и записаны отдельные формулировки, на которых надо было остановиться при произнесении обвинительной речи. Так например, на выписке из показаний Шаранговича о его шпионской деятельности была сделана пометка «связь с генеральным штабом Польши и обслуживание его интересов» и записана выдержка из показаний Рыкова о том, что белорусская подпольная организация представляла собой «экспозитуру польского генерального штаба».

Эти пометки давали возможность при произнесении речи с одного взгляда на этот лист восстановить в памяти сущность основного вопроса, который надо было осветить в соответствующей части речи, и характерную формулировку из показаний Рыкова, которую надо было при этом использовать.

Отдельные выписки с пометками такого рода были сгруппированы так, чтобы в последовательном порядке осветить все обстоятельства, относящиеся к данному пункту обвинения:

- 1) выписки из показаний Шаранговича, Чернова, Рыкова, Гринько, Крестинского и других, содержавшие общую характеристику связей блока с иностранными разведками;
- 2) показания Икрамова и Ходжаева о шпионской деятельности блока в Средней Азии;
- 3) показания Раковского о связях блока с японской разведкой;
- 4) показания Крестинского, Розенгольца и других о методах связи с иностранными разведками;
- 5) документальные данные, доказывающие наличие шпионских связей блока с иностранными разведками (информация, опубликованная в токийской газете «Мияко», в органе японского министерства иностранных дел «Дзюан Таймс» и др.).

По такому же методу был подготовлен и сгруппирован материал, относящийся к другим разделам речи («вредительство и диверсия», «востанческие отряды и кулацкие восстания», «убийство деятелей советского государства С. М. Кирова, В. Р. Менжинского, В. В. Куйбышева, А. М. Горького, убийство М. А. Пешкова» и др.).

В заключение был подведен итог всему доказательственному материалу в следующей форме:

* Общий план этой речи см. выше, стр. 11.

«Доказано:

- а) признанием подсудимых;
- б) свидетели;
- в) вещественные доказательства;
- г) экспертиза.

Вся совокупность доказательств, мыслимых в уголовном процессе.

Важнейшее доказательство — это логика обстоятельств, контролирующая их реальность и реальность самих преступлений».

Далее следовало подведение итогов по отдельным пунктам обвинения и их квалификация, например:

«Основное обвинение — изменнический заговор — ст.ст. 58-1 и 58-11.

Доказано признанием всех подсудимых, даже тех, кто не признает себя виновным в каком-либо другом преступлении. Это относительно всех — по каждый подсудимый должен отвечать за всю совокупность преступлений как член заговора, преступные задачи и методы осуществления которого известны, одобрены, приняты».

Далее следовал анализ теорий о соучастии в уголовном праве.

Таким образом был подведен итог и по другим пунктам обвинения.

В конце плана были намечены требования прокурора относительно мер наказания для каждого из обвиняемых и заключительные формулировки речи.

Для того чтобы понять значение такого плана и способ пользования им, необходимо сопоставить приведенные выше разделы плана обвинительной речи по делу антисоветского «право-троцкистского блока» с опубликованной стенограммой этой речи. При таком сопоставлении станет ясно, каким образом схема, которую представляет собой план, наполняется реальным содержанием, как план обвинительной речи превращается в самую речь.

Само собою разумеется, что по небольшим простым делам и план обвинительной речи гораздо проще. Вот образец такого плана по делу о растрате агентом по снабжению Х. 3 000 руб. подотчетных сумм, доказанной документальными данными, бухгалтерской экспертизой и показаниями свидетелей:

1) Характеристика обязанностей Х., система получения и расходования им подотчетных сумм и отчетности по ним (показания обвиняемого Х. — л. д. 28—30, свидетелей К. — л. д. 46 и М. — л. д. 58, заключение экспертизы — л. д. 69—72);

2) Что дает анализ документов? Х. получил с 1 января по 1 июля — 18 000 руб., Х. отчитался за тот же срок в 15 000 руб.; осталась непогашенной задолженность — 3 000 руб. (показания свидетелей К. — л. д. 40 и М. — л. д. 52, заключение бухгалтерской экспертизы — л. д. 73, авансовые отчеты Х. — приложения 17—31);

3) Что говорит по этому поводу Х.?

а) сначала он говорил, что он всего получил не 18, а 15 тыс. руб. (объяснения по акту ревизии 15 мая — л. д. 3, показания на допросе 3 июня — л. д. 31);

б) затем, когда его ознакомили с заключением бухгалтерской экспертизы, он утверждал, что он израсходовал эти 3 000 руб. в апреле на закупку сена у колхоза «Красный пахарь», по

документы потерял (показания на допросе 28 июня — л. д. 82).

Однако: при осматривании документов колхоза следов этой покупки не установлено — л. д. 95; свидетель А. — председатель колхоза — л. д. 97 — и свидетель Б. — завхоз колхоза — л. д. 98 — покупки сена в колхозе категорически отрицают. То же они подтвердили на суде. Проверкой всех поступлений сена за апрель и май установлено, что сена от колхоза «Красный пахарь» за это время не поступало;

в) при предъявлении ему дела в порядке ст. 206 УПК 15 июля Х. заявил, что бухгалтерией был утерян какой-либо из его авансовых отчетов, и просил проверить с помощью судебно-бухгалтерской экспертизы последовательность всех представленных им авансовых отчетов (л. д. 119).

Дополнительной бухгалтерской экспертизой установлено, что последовательность отчетов не нарушалась и все отчеты налицо (л. д. 128—130 и показания экспертов на суде);

г) на суде Х. голословно заявил, что деньги у него «повидимому» были кем-то украдены, но когда, кем, при каких обстоятельствах — объяснить не мог.

4) Уже эти путанные и противоречивые объяснения сами по себе служат уликой против Х., но на следствии и на суде установлены положительные доказательства растраты:

а) изучение экспертизой движения подотчетных сумм у Х. установило, что недостача в 3 000 руб. образовалась в феврале (показания экспертов на суде — представленная ими таблица движения подотчетных сумм);

б) 17 февраля Х. внес в ликвидном дачно-строительного кооператива за свою дачу 3 670 руб. (справка на л. д. 91);

в) ни на следствии, ни на суде Х. не мог объяснить, откуда он взял эти деньги.

Государственное обвинение считает вполне доказанным, что 3 000 руб. были взяты Х. из его подотчетных сумм.

Это действие прямо предусмотрено 1 ч. ст. 116 Уголовного кодекса.

Какие соображения должен учесть суд при выборе меры наказания?

1) на растрату Х. толкнула не нужда, не какие-либо особо тяжелые обстоятельства, а желание стать дачевладельцем за счет государства;

2) в 1931 г. Х. судился по 1 ч. ст. 116 Уголовного кодекса и был приговорен к 6 мес. исправительно-трудовых работ;

3) до революции и в первый период нэпа Х. занимался комиссионными операциями, привык к нетрудовым доходам, — работа в нашем социалистическом хозяйстве и воспитательная мера, примененная к Х. судом в 1931 г., его не переделали.

Государственное обвинение считает необходимым применить к Х. наиболее строгую из мер наказания, которые могут быть применены по 1 ч. ст. 116 УК — 3 года лишения свободы.

План надо писать крупными буквами, четко и разборчиво, заголовки отдельных пунктов и основные формулировки подчеркивать цветными карандашами, чтобы во время произнесения

речи можно было стоя прочесть каждое слово и с одного взгляда найти нужное место.

К моменту выступления надо подготовить все материалы, на которые предполагается делать ссылки (справки, выписки из дела, таблицы и т. п.); в книги, из которых предполагается оглашать какие-либо цитаты, надо заранее вложить закладки и расположить все это так, чтобы во время речи можно было сразу же взять то, что понадобится, не прерывая речи. Всякие вынужденные перерывы в речи всегда ослабляют впечатление и их нужно по возможности избегать.

5. Речь прокурора при отказе от обвинения

Советский прокурор может поддерживать на суде только такое обвинение, в правильности которого он убежден. Ни при каких условиях недопустимо, чтобы прокурор пытался с помощью различных комбинаций с доказательствами поддерживать обвинения, которые были опровергнуты на суде.

Прокурор не может также обойти в своей речи молчанием ни одного обвинения, включенного в формулу обвинения обвинительного заключения. Если он не находит возможным поддерживать какое-либо из этих обвинений, он должен от него отказаться. Отказ от обвинения может быть полным, если он относится ко всем обвиняемым и ко всем пунктам обвинения, или частичным, если он относится только к части обвиняемых или только к некоторым пунктам обвинения.

В обоих случаях прокурор должен мотивировать свой отказ от обвинения. Это необходимо, во-первых, для суда. По нашему законодательству отказ прокурора от обвинения не обязателен для суда. Суд может, несмотря на такой отказ, вынести обвинительный приговор. Мотивировка прокурором отказа от обвинения необходима и для всех присутствующих в зале судебного заседания, иначе для них могло бы остаться непонятным, почему же прокуратура предала суду лиц, от обвинения которых она отказывается.

Речь прокурора при отказе его от обвинения отнюдь не превращается в защитительную речь. Она сохраняет специфику прокурорской речи, хотя и направлена не на обвинение, а на оправдание обвиняемого по всем или по некоторым предъявленным ему обвинениям.

Задача прокурора в этом случае — наглядно показать, что именно изменилось на судебном следствии в отношении того обвинения, от которого прокурор отказывается, по сравнению с данными предварительного следствия. Прокурор в этом случае должен показать, что материалы предварительного расследования давали достаточные основания для предания обвиняемого суду, что при проверке доказательств на судебном следствии выявились такие-то новые обстоятельства, такие-то и такие-то улики отпали и что при этих условиях нет оснований считать обвинение доказанным.

Независимо от того, поддерживает ли прокурор обвинение или отказывается от него, его речь должна помочь суду вынести правильный приговор по делу.

6. Заключение.

Речь прокурора на суде — серьезная и ответственная политическая обязанность.

Речь прокурора на суде — итог всей его работы по данному судебному делу. Как итог проделанной на судебном следствии работы, речь прокурора должна быть построена и произнесена в полном соответствии с установленными на суде фактами.

Речь прокурора должна быть полна фактической обоснованности, юридического анализа, политического пафоса и выдержанности общественного достоинства.

Произнося свою речь, советский обвинитель — прокурор должен помнить, что он говорит от имени советского государства, как представитель советского народа, в интересах великого дела социализма, во имя социалистической правды и справедливости.

Б. ШАВЕР

Допрос несовершеннолетних¹

с/з 10-38

При расследовании уголовных дел зачастую приходится сталкиваться с допросом несовершеннолетних.

Организация допроса несовершеннолетних является выдающейся по своей важности и сложности задачей.

Проблемой допроса несовершеннолетних и разработкой вопроса о возможности использования показаний несовершеннолетних в качестве доказательственного материала занимался ряд ученых криминалистов, процессуалистов, психологов и педагогов.

¹ Настоящая статья является сокращенным и переработанным автором методическим руководством для следователей, издаваемым Прокуратурой Союза ССР под редакцией А. Я. Вышинского.

Разработка этой проблемы буржуазными учеными шла, главным образом, по линии изучения психологии детской лжи. В процессе этого изучения громадное большинство буржуазных ученых пришло к заключению, что ложь является, якобы, естественным качеством, естественным свойством детей до определенного возраста.

Большинство буржуазных ученых, среди них Штерн В., Баумгартен, Дюпре и другие, различают три вида детской лжи: «кажущуюся ложь», «ложь-фантазию», «ложь-самозащиту».

Считая, что ложь во всех ее проявлениях свойственна каждому ребенку, что она занимает в его психике значительное место, ряд буржуазных ученых относится отрицательно к показаниям несовершеннолетних, считая их мало достоверными или вовсе недостоверными. Очень многие буржуазные криминалисты и психологи

занимавшиеся проблемой достоверности свидетельских показаний, не придают значения уголовного доказательства высказываниям малолетних свидетелей.

Среди таких ученых можно отметить Отто Липмана, Франсуа Годфруа и др.

В русской дореволюционной литературе наиболее отрицательное отношение к допросу несовершеннолетних было выражено в работе Лобзина², который считал, что показания детей являются абсолютно недостоверными.

В отрицательном отношении буржуазных криминалистов и психологов к показаниям несовершеннолетних обнаруживается их обычный скептицизм, отрицательное отношение к свидетельским показаниям, стремление набиваться от улик, исходящих от живых людей в процессе, и тем самым избежать разоблачения необъективности буржуазного правосудия.

Это отрицательное отношение к свидетельским показаниям, естественно, не могло не сказаться при разрешении буржуазными учеными проблемы допроса несовершеннолетних. Однако при всем отрицательном отношении к показаниям несовершеннолетних, буржуазные ученые не могли не признать, что зачастую показания детей даже школьного возраста имеют огромное значение в деле раскрытия преступления и обнаружения преступников.

Так например, германский юрист Штерн, который вообще чрезвычайно отрицательно относится к показаниям несовершеннолетних, не мог не признать, что в ряде случаев показания детей имеют большое значение, являются достаточно достоверным доказательным материалом. Штерн пишет: «Результаты психологического исследования детей показали, что они могут передать очень точно то, что их интересует, и то, что они наблюдали, особенно если воспоминания еще свежи и если по возможности быстро допросить их»³.

Наряду с крайне отрицательным отношением к допросу несовершеннолетних мы встречаемся в буржуазной литературе и с совершенно обратным направлением в этом вопросе. Ряд ученых показания несовершеннолетних считает во многих отношениях более ценными, чем показания взрослых, так как с их точки зрения несовершеннолетние значительно правильнее взрослых дают показания. Наиболее ярко такое отношение к допросу несовершеннолетних выражено в работе известного буржуазного криминалиста Ганса Гросса⁴, который считает показания детей более достоверными, чем показания взрослых, так как, по его мнению, дети лишены тех извращенных побуждений, которые часто приводят к лжи взрослых.

Необходимо совершенно четко усвоить, что ни тот, ни другой подход к вопросу несовершеннолетних, с которыми мы встречаемся в буржуазной литературе, не является правильным, ибо оба эти направления, о которых мы говорили выше, исходят из порочных позиций, основанных на отрицательном отношении к свидетель-

ским показаниям и на абстрактном подходе к несовершеннолетнему как к субъекту, наделенному какими-то особыми свойствами и качествами, которые заранее определены.

Свидетель несовершеннолетний и свидетель взрослый — это всегда конкретное лицо, обладающее индивидуальными качествами, индивидуально воспринимающее каждое отдельное событие, находящееся в определенных социальных условиях, имеющее определенное отношение к фактам, по поводу которых оно дает показания.

Достоверность показаний каждого конкретного лица, кроме того, зависит от характера допроса, качества этого допроса, времени его проведения и пр. Все это должно исключать предвзятый подход к допросу несовершеннолетних. Показания несовершеннолетних нельзя заранее считать абсолютно лживыми, точно так же, как их нельзя считать абсолютно правдивыми, имеющими повышенную степень достоверности по сравнению с показаниями взрослых. Один несовершеннолетний может давать правдивые показания, другой несовершеннолетний того же возраста — может лгать.

Зачастую несовершеннолетний, наблюдавший тот или иной факт одновременно со взрослым, дает более точные и правдивые показания, чем взрослый.

Это положение можно проиллюстрировать целым рядом примеров:

Так, в гор. Тамбове в 1936 г. было совершено ограбление железнодорожника Миронова. Члены семьи Миронова грабители связали и спустили в подвал; завалив крышку подвала различного рода домашними вещами, грабители скрылись.

Позднее, когда велось следствие по этому делу, в качестве потерпевших допрашивались жена Миронова, 42 лет, ее сестра Федорова, 37 лет и сын Миронова, мальчик 12 лет. Две первых свидетельницы не только неправильно описали внешний облик преступника, но и дали неправильные показания в отношении числа грабителей. Одна из них заявила, что грабителей было 5 человек, другая — 4 человека, фактически же ограбление было произведено 3 лицами. Мальчик дал значительно более точные показания. Он сумел довольно правильно описать внешность грабителей, сказал, что их было трое; он даже обратил внимание на то, что на фуражке одного из грабителей остался след снятой звезды. Это показание позднее явилось одной из важнейших улик при опознании грабителей.

Бывают и такие случаи, когда несовершеннолетние дают менее точные показания, чем взрослые, а зачастую совершенно неправильно воспринимают наблюдаемые ими факты, в то время как взрослые передают их совершенно точно.

В Большемурутинском районе Красноярского края во время свадьбы в деревне возникла ссора между Карповым и Ситниковым; последний ударил Карпова бутылкой по голове, нанеся ему смертельное ранение. Эту ссору и драку наблюдал одиннадцатилетний сын Карпова. При допросе он показал, что Ситников ударил его отца ножом в бок. По характеру ранения и по всем другим данным было совершенно очевидно, что мальчик дает абсолютно неверные показания.

² Лобзин, «Допрос несовершеннолетних дошкольного возраста», изд. 1912 г.

³ В. Штерн «Свидетельские показания и ложь в детском возрасте», изд. 1922 г., стр. 148.

⁴ Ганс Гросс, «Руководство для судебных следователей».

Такого рода примеров можно было бы привести очень много, все они убеждали бы нас только в одном, что достоверность показаний несовершеннолетних зависит от свойств и качества несовершеннолетнего, от условий, в которых он воспринимал позднее сообщаемые им события, от времени допроса, от условий, характера и качества этого допроса.

В одних случаях несовершеннолетний будет давать соответствующие действительности показания, в других случаях эти показания могут быть совершенно недостоверными. Но все это не является каким-то специфическим качеством несовершеннолетнего. С подобного же рода явлениями мы встречаемся и при допросе взрослых.

Это убеждает нас в том, что особенность допроса несовершеннолетних заключается не в отыскании какого-то заранее определенного критерия степени достоверности показаний несовершеннолетних, а в правильной методике их допроса.

Для того чтобы повысить качество допроса несовершеннолетнего и правильно разработать тактические и технические приемы, позволяющие получить более достоверные показания несовершеннолетних, необходимо исключить отвлеченный подход к несовершеннолетним и изучить те действительно специфические особенности, которые характеризуют несовершеннолетних как лиц, дающих показания в уголовном деле.

Вопрос об оценке показаний, даваемых несовершеннолетними, производится на основании общих принципов оценки доказательств, естественно, с учетом особенностей того несовершеннолетнего, допрос которого подлежит в данном случае оценке.

В процессе отыскания наиболее совершенных тактических и технических приемов допроса несовершеннолетних, прежде всего, необходимо исходить из накопившегося в этой области опыта и при этом, естественно, нельзя не учитывать специфических особенностей психологии несовершеннолетнего, степени его развития, его способностей критически относиться к воспринимаемым фактам, его повышенную внушаемость и пр. Здесь мы можем учесть и критически использовать фактический материал, добытый буржуазными учеными в процессе изучения психологии ребенка и, в частности, в процессе изучения психологии детской лжи.

Разрабатывая вопрос о методике допроса несовершеннолетних, мы должны знать те специфические особенности психологии несовершеннолетнего, которые действительно влияют на характер даваемых им показаний, с учетом которых нужно разработать тактические и технические приемы допроса несовершеннолетних.

Каковы же особенности психологии несовершеннолетних и каковы те методы, к которым должен прибегатьследователь с тем, чтобы повысить качество показаний, даваемых несовершеннолетними, и добиться большей их достоверности? Чем же детская психология отличается от психологии взрослых?

Мы знаем, что для того, чтобы давать показания по поводу того или иного факта, по поводу того или иного события, необходимо, прежде всего, это событие воспринять. Правильность восприятия прежде всего зависит от того,

насколько совершенны те чувства, посредством которых мы воспринимаем то или иное событие.

Каждое событие мы воспринимаем и получаем о нем представление через органы наших чувств, которых, как известно, пять.

Для того чтобы воспринять известное событие, известный факт, мы должны видеть, слышать, ощущать их вкус, постигать их посредством обоняния или осязания. Несовершенство тех или иных чувств приводит к несовершенству восприятия, а следовательно и к несовершенству представления о том или ином факте.

Так например, некоторые люди не различают цветов — страдают дальтонизмом. Естественно, что восприятие этих людей, касающееся определения цветов, будет несовершенно. Если человек плохо слышит, его показания, касающиеся события, которое он должен был уловить при помощи слуха, будет мало достоверным, и т. д.

Наконец, качество восприятия будет зависеть от того, в каких условиях воспринимается тот или иной факт, то или иное событие. Если мы находимся на большом расстоянии от предмета, мы, естественно, его не можем видеть так ясно и четко, как если бы, он был непосредственно перед нами, и т. д. Но человек не фотографически передает воспринимаемые им события. Правильность такой передачи зависит от того, насколько богат жизненный опыт человека, насколько часто ему приходилось наблюдать те явления, по поводу которых он дает показания, насколько они ему знакомы, насколько правильно его представление об этих фактах и событиях, насколько правильно он умеет представить свои впечатления, наконец, правильность показаний находится в прямой зависимости от тех условий, в которых происходило восприятие событий и фактов, сообщаемых допрашиваемым.

В одной из лабораторий научно-исследовательского института отравился лаборант-химик. Когда уборщица зашла в помещение, где находился отравившийся, она, увидев мертвого, подняла крик, на который бегом бросились другие сотрудники.

Позже, когда ее допрашивал следователь, уборщица показала, что, зайдя в комнату, она сначала не заметила трупа, а обратила внимание на то, что на письменном столе, где работал отравившийся сотрудник, было рассыпано много соли.

Допрошенный по этому поводу инженер-химик показал, что, выбежав на крик уборщицы и зайдя в лабораторию, где лежал отравленный, он обратил внимание на то, что на столе была рассыпана сулема в кристаллах. Вещество, в котором опытный химик сразу же узнал сулему, уборщица приняла за соль.

Опытность, знания, знакомство допрашиваемого с теми предметами, по поводу которых он дает показания, являются одним из основных моментов, которые нужно учитывать, определяя достоверность показаний.

Восприятие детей отличается тем, что у них нет предшествующего опыта в оценке тех событий, которые они наблюдают, или этот опыт ограничен. В силу этого само восприятие детей зачастую проходит без того критического отношения к воспринимаемым ими событиям, которое характерно для взрослых. Дети зачастую не имеют того жизненного опыта, который помогает взрослому человеку разобраться в наблю-

даемых им событиях и критически оценивать их.

Этого никогда не следует забывать, когда мы имеем дело с показаниями несовершеннолетних.

Это обязывает следователя к тому, чтобы, допрашивая несовершеннолетнего, он проверил, насколько правильно у несовершеннолетнего представление о тех фактах и тех событиях, по поводу которых он дает показания.

Следователь должен найти формы и методы проверки того, насколько умеет несовершеннолетний разбираться в тех жизненных отношениях, в тех фактах, по поводу которых он допрашивается.

Ни для кого не секрет, что ошибки памяти добросовестного свидетеля очень часто влияют на достоверность даваемых им показаний.

Между тем, память детей весьма своеобразна. Часто они запоминают различного рода мелочи, второстепенные факты, и способны воспроизвести их через очень продолжительное время после того, как они ими были восприняты. Иногда, напротив, дети сразу же все забывают.

Психо-физическая организация детей постоянно и прогрессивно развивается. Это отличает их от уже сложившегося организма взрослых. Постоянный приток новых впечатлений, ощущений быстро заменяет старое. Само восприятие запоминаемого события нередко у детей носит лишь механический характер. Внутреннее содержание фактов и событий зачастую остается им непонятным и поэтому у них не запечатлевается.

Все это не может быть не учтено при допросе несовершеннолетних. Слабость детской памяти, быстрое выветривание из сознания детей событий, по поводу которых они должны давать показания, требуют того, чтобы максимально был сокращен период, который отделяет момент восприятия события или факта от момента допроса несовершеннолетнего.

Особенно нужно учитывать склонность детей к фантазированию.

То, что большинство буржуазных ученых называет «ложью-фантазией», является фактически выражением именно этой склонности детей к фантазированию. Способность фантазировать, выдавать результат своего воображения за действительность вовсе не является какой-то специфической особенностью детей.

С подобного рода явлениями мы встречаемся и у взрослых в обычной жизни и в судебной практике. У детей эта черта, однако, чаще выражается в резкой форме.

Воображение является спутником детского возраста. Оно зачастую заменяет им тот опыт и те знания, которые освобождают взрослых от фантазирования.

Результаты воображения выдаются детьми за подлинную действительность. Отсутствие у детей критического отношения к создаваемым ими образам, неспособность их в силу неопытности ограничивать фантазию приводят к тому, что воображение занимает в психике детей такое значительное место.

Только в процессе накопления опыта дети начинают разграничивать продукт воображения от подлинной действительности.

Все это не может не сказаться на показаниях, которые дают несовершеннолетние. И все это не может не быть учтено следователем, когда он допрашивает несовершеннолетних. Следователь должен найти путь и методы проверки того, не выдают ли ему плоды детской фантазии за действительность. Он должен научиться разграничивать, что является плодом детской фантазии, от того, что соответствует действительности.

При допросе несовершеннолетних особенно необходимо иметь в виду их повышенную внушаемость. Этим свойством отличаются и взрослые, причем у нервных, психически больных людей эта способность достигает особых размеров.

Дети, неспособные к сопротивлению, не имеющие своего собственного твердого взгляда на те или иные вещи и предметы, с очень развитым у них стремлением к подражанию, легко поддаются внушению взрослых: родителей, учителей, товарищей и т. д.

Эту особую внушаемость у детей никогда нельзя забывать, когда производится допрос несовершеннолетних и дается оценка их показаний. Это обязывает следователя проверять, в какой степени показания, даваемые несовершеннолетним, являются его собственными показаниями, и не передает ли он то, что фактически не соответствует действительности и внушено ему взрослыми. Вместе с тем, нужно иметь в виду, что весь процесс развития детей происходит в определенной классовой социальной среде, в которой и формируется психология ребенка. Мы не можем не учитывать тех особенностей, которые свойственны детской психологии ребенка, воспитываемого в наших советских условиях. Советские дети развиваются в исключительно благоприятных условиях, а поэтому развитие их идет ускоренно и они зачастую в очень раннем возрасте правильно осмысливают события и факты, они совершенно не похожи на детей, воспитываемых в капиталистических условиях.

Необходимо также учитывать и то, что процесс допроса может оказывать достаточно серьезное влияние на психику допрашиваемого ребенка. Поэтому допрос несовершеннолетнего должен носить характер воспитательного акта, строиться в соответствии с основными принципами советского воспитания молодежи.

Несовершеннолетние особенно восприимчивы, и поэтому необычная для них обстановка допроса должна быть смягчена всеми мерами и по возможности приближена к привычной домашней обстановке. В частности, зачастую следует рекомендовать не вызов несовершеннолетних в камеру следователя, а допрос их на дому. Должна соблюдаться строжайшая экономия допроса несовершеннолетних. К допросу несовершеннолетних нужно прибегать только тогда, когда без него нельзя обойтись.

Усвоив основные тактические и технические приемы допроса, следователь, однако, должен помнить, что никакие правила допроса несовершеннолетних не могут освободить его от инициативы, чуткого, вдумчивого подхода к каждому несовершеннолетнему, что в особенности недопустим в этом деле какой бы то ни было шаблон.

Когда мы имеем дело с допросом несовершеннолетних, мы прежде всего должны учитывать необходимость в особой подготовке к этому до-

просу. Подготовка должна предшествовать каждому допросу, так как, не подготовившись к допросу, нельзя его правильно и успешно проводить, но в тех случаях, когда следователь допрашивает несовершеннолетнего, меняется само качество и характер подготовки к этому допросу. Если, готовясь к допросу взрослых, следователь должен изучить биографические данные, касающиеся личности допрашиваемого, изучить все фактические материалы, касающиеся вопросов, по поводу которых он будет беседовать с допрашиваемым, то, приступая к допросу несовершеннолетнего, следователь наряду с изучением данных, касающихся указанных выше вопросов, должен особо тщательно ознакомиться с личностью допрашиваемого несовершеннолетнего. Следователь должен изучить ту среду, в которой живет несовершеннолетний, условия, в которых он воспитывается, собрать необходимые сведения о людях, окружающих ребенка, влияющих на него. Следователь должен знать наиболее характерные черты ребенка, его интересы, степень развития и т. д.

Только получив исчерпывающие данные как о характере самого ребенка и степени его развития, так и об окружающих его людях, следователь может правильно провести допрос и тем самым повысить достоверность показаний несовершеннолетнего.

Естественно, что такого рода изучение несовершеннолетнего, изучение условий, в которых он воспитывается, окружающих его людей, возможно и нужно особенно тогда, когда показания несовершеннолетнего имеют принципиальное значение для дела, когда от таких показаний зависит исход очень серьезного дела.

Второе правило, которое всегда необходимо помнить следователю при допросе несовершеннолетних, заключается в том, чтобы, как мы уже упоминали выше, по возможности ликвидировать разрыв во времени между моментом, когда произошло событие, по поводу которого должен давать показания несовершеннолетний, и моментом его допроса.

Следователь должен стремиться к тому, чтобы допрос был произведен тогда, когда в памяти малолетнего еще свежи восприятия наблюдаемого им события, иначе он может дать искаженное освещение событий или они могут вовсе исчезнуть из памяти ребенка. Допрос несовершеннолетнего вскоре после фактов и событий, интересующих следователя, имеет еще и то значение, что дети всегда находятся в окружении взрослых, интересующихся теми событиями и фактами, по поводу которых должен свидетельствовать несовершеннолетний. Производимый в присутствии несовершеннолетнего разговор взрослых, касающийся события, по поводу которого позже должен давать показания несовершеннолетний, может привести к тому, что последний будет показывать не то, что он сам знает о событиях или фактах, а то, что он слышал.

Очень часто дети, бывшие свидетелями того или иного события, иногда единственными свидетелями, подвергаются расспросам взрослых и те, сами того не замечая, внушают детям свои мысли, свои суждения, предположения по поводу тех или иных событий; все это позже несовершеннолетним выдается за его собственные суждения по поводу наблюдаемого им события или факта.

Поэтому, в целях повышения достоверности показаний несовершеннолетнего важно ускорить момент его допроса.

Если при допросе взрослых следователь нередко по несколько раз допрашивает одно и то же лицо через определенные промежутки времени (и это нередко не только не наносит вреда, но, наоборот, способствует получению необходимых по делу доказательств), то такого рода повторные допросы в отношении несовершеннолетних, как правило, являются недопустимыми.

Следователь должен при первом же допросе несовершеннолетнего, тщательно подготовившись к нему, выявить все интересующие его факты с тем, чтобы вновь не передопрашивать несовершеннолетнего.

Длительное изучение показаний несовершеннолетних убеждает нас в том, что очень часто повторный допрос, которому подвергается несовершеннолетний, является или точным механическим воспроизведением ранее данных показаний или же, наоборот, в корне противоречит тому, что показал ребенок ранее.

Это объясняется тем, что дети, механически восприняв событие, неоднократно будут повторять данные ими впервые показания, или тем, что они, вовсе забыв те факты и события, по поводу которых давали ранее показания, при повторном допросе будут фантазировать.

Учитывая это обстоятельство, некоторые психологи и криминалисты считают вообще недопустимым вызов малолетних свидетелей в суд.

Так например, профессор Внуков и А. Брусиловский в своей работе «Психология и психопатология свидетельских показаний малолетних и несовершеннолетних» считают даже излишним вызов в суд малолетних свидетелей, допрошенных на предварительном следствии.

Такая точка зрения является, конечно, совершенно неправильной, но, вместе с тем, нельзя не учитывать того, что повторный допрос несовершеннолетних является уже менее ценным, нежели первый допрос.

Поэтому, допрашивая несовершеннолетнего впервые, следователь обязан по возможности получить все те данные, которые известны несовершеннолетнему и которые важны для дела.

Основная ошибка при допросе несовершеннолетних, которая очень часто допускается следственными работниками, заключается в том, что допрашивающий не видит различия между взрослым и ребенком, допрос несовершеннолетнего и взрослого производится в совершенно одинаковых условиях и одними и теми же методами.

Просматривая сотни протоколов допроса несовершеннолетних, мы редко находим такой протокол допроса несовершеннолетнего, который бы действительно резко отличался от допроса взрослых и который показывал бы, что следователь, допрашивающий несовершеннолетнего, подходил к нему с учетом всех особенностей возраста последнего.

Механический подход к допросу несовершеннолетних можно проследить уже по тому, как заполняется бланк протокола допроса, как ставятся вопросы допрашиваемому, как излагается самый протокол допроса. Достаточно привести несколько примеров, чтобы подтвердить тот факт, что зачастую следователь не отдает себе отчета в том, что он допрашивает несовершенно-

полетного, не задумывается над тем, что произвольный им допрос является не обычным.

Следователь допрашивает одиннадцатилетнего мальчика К. Заполняется обычный бланк протокола допроса. В графе «имущественное положение» записывается «дом, корова», в графу «семейное положение» записывается «холост». Ответ К. записан казенным языком следователя «профессионала» и не имеет ничего общего с теми ответами, которые давал К.

Например, по вопросу о том, знает ли К. обвиняемого Т., мальчика 12 лет, записывается следующее: «Т. мне хорошо известен как с бытовой, так и социальной стороны, могу характеризовать его как хулигана, хотя предостудительного за ним ничего не замечал. Нужно ли говорить о том, что это не показание ребенка, что это — плод «профессиональных навыков» плохого следователя, его привычки мыслить, говорить и писать казенным языком.

При допросе мальчика С., 9 лет, следователь, заполняя о нем сведения, спрашивает о его семейном положении и записывает «С. холост». Удостоверяется, что С. не судим, предупреждает его об ответственности по ст. 95 УК РСФСР, а в самом протоколе записывает: «С. расплакался и ничего не показал».

От такого допроса, действительно, не знаешь, что делать — не то присоединиться к С. и вместе с ним плакать о «несчастном» следователе, который из-за казенного отношения к делу просмотрел, что перед ним ребенок, не то смеяться над этим следователем.

Естественно, что такого рода казенный подход к допросу несовершеннолетнего не обеспечивает надеждающего качества допроса.

Приступая к допросу несовершеннолетних, следователь, прежде всего, должен понять, что этот допрос носит необычный характер, что к нему нужно особенно подготовиться и по-особому его проводить. Условия допроса несовершеннолетнего должны быть таковы, чтобы он чувствовал себя совершенно свободным, чтобы обстановка допроса приближалась к домашней обстановке, в которой обычно находится ребенок.

В этих целях зачастую допрос несовершеннолетнего целесообразно проводить у него на дому. Вести допрос с ним в присутствии его родных и близких. Всякого рода казенное и формальное отношение к допросу может только погубить дело.

Сам допрос должен протекать в виде простой беседы. Особое значение имеет тщательная продуманность вопроса. Ясность вопроса и простота в значительной степени гарантируют высокое качество допроса несовершеннолетнего. Нужно иметь в виду, что способность к изложению своих мыслей вообще влияет на качество допроса, в том числе и на качество допроса взрослых. Нередко только потому, что следователь неясно ставит вопрос, а допрашиваемый не в состоянии давать ясные ответы, получаются искажающие действительность показания.

Ребенок не всегда четко может выразить свою мысль. С другой стороны, он может давать четкие и правильные ответы только в том случае, если вопросы будут поставлены совершенно ясно, четко, если они не будут двусмысленными, улавливающими, наводящими (т. е. вопросами, в самой постановке которых уже содержится ответ).

Выше мы уже говорили, что несовершеннолетний не всегда правильно оценивает факты, что в силу отсутствия у него достаточного опыта, достаточно правильного понимания вещей, его суждения зачастую ошибочны.

Поэтому, допрашивая несовершеннолетнего, от него нельзя требовать выводов по фактам, нужно стремиться к тому, чтобы допрашиваемый излагал только факты.

К чему приводит нарушение этого правила, можно проиллюстрировать следующим примером: вместо того чтобы спросить свидетельницу Костину, девочку 12 лет, видела ли она, что ее брат 16 июля принес домой ряд вещей — скатерть, ботинки, платье и др., девочку спрашивают: «Мог ли ваш отец не заметить, что брат принес скатерть, ботинки и платье». Девочка отвечает: «Папа все время смотрел за братом и конечно все видел».

На основании этого показания следователь сделал вывод, что отец обвиняемого видел пахнущие вещи, и привлек его к ответственности за сокрытие и поощрение преступлений сына.

Позднее выяснилось, что брат допрашиваемой свидетельницы, подросток 12 лет, похитив вещи, сразу же снес их на рынок, где эти вещи продавал, не занося их домой.

Когда девочка Костина была передопрощена и ее спросили, почему она сказала на своего отца, что он видел вещи, принесенные ее братом, последняя заявила, что она этого не говорила, но что «папа действительно все видит и что он часто, наказывая Бориса, говорит: от меня ничего не укроешь, я все вижу».

Нельзя также, как мы уже указывали выше, ставить вопросы несовершеннолетним таким образом, что они вынуждены либо подтвердить факт, либо отрицать его.

Например, следователь задает несовершеннолетнему такой вопрос: «Скажите, сколько раз вы были пойманы вместе с Гришным?» Мальчик отвечает: «с Гришным ни разу не ловили». Следователь в обвинительном заключении пишет: «Денисов признал себя виновным в неоднократных кражах с Гришным, заявив, что пойман он ни разу с ним не был».

Фактически Денисов украл всего один раз, когда его и поймали; с Гришным он вообще никогда не воровал. Следователю обязан был поставить вопрос совершенно иначе. Он должен был спросить Денисова, воровал ли он когда-нибудь вместе с Гришным, и тот, естественно, ответил бы отрицательно, что и соответствовало бы действительности.

Из всего сказанного выше совершенно ясно, что недопустимо какое-либо давление на несовершеннолетнего, стремление в той или иной форме понудить его к показанию. Попытка в какой бы то ни было форме воздействовать на допрашиваемого является вообще несовместимой с принципами советского уголовного процесса. При допросе несовершеннолетнего это правило нужно особенно помнить и соблюдать. Практика знает очень много таких случаев, когда только «грубый тон», «страшный вид» следователя побуждали несовершеннолетнего давать ложные показания.

То, что взрослый может рассматривать как настойчивость следователя, как раздражительность тона, ребенком может быть понято как

угроза, под влиянием которой он способен дать неправдоподобное показание. Между тем среди следственных работников встречается стремление воспользоваться слабой сопротивляемостью ребенка и «психически» воздействовать на него. Некоторые следственные работники и исходят из того, что если на малолетнего при допросе «немного нажать», то он все расскажет. Едва ли нужно разъяснять о вредности и абсолютной недопустимости такого «подхода» к допросу несовершеннолетних.

Следователь, «психически» воздействующий на несовершеннолетнего и таким образом добывающий показания, совершает преступление, за которое должен нести ответственность.

Самый тон допроса, форма допроса несовершеннолетнего имеет исключительное значение.

Допрос должен проводиться таким тоном, каким обычно педагог ведет разговор со своим учеником. Мягкость тона, знание психологии, индивидуальные интересы каждого допрашиваемого несовершеннолетнего являются непременным условием успешного допроса. Учет индивидуальных качеств, специфических черт характера ребенка, его способностей, его наклонностей и проведение допроса в соответствии с этими его особенностями являются одной из важнейших гарантий достоверности показаний.

Например, если следователь узнает, что несовершеннолетний, которого он должен допросить, чрезвычайно робок, теряется в присутствии посторонних, что ребенок нервен, — следователь должен учесть это при допросе и проявить особую мягкость, особую осторожность, беседуя с ребенком.

Мы уже говорили выше, что в отдельных случаях не исключена возможность, когда следователь, прежде чем приступить к допросу такого впечатлительного ребенка, предварительно должен с ним познакомиться, несколько раз встретиться в домашней обстановке, побеседовать на темы, интересующие подростка, и к допросу приступить только тогда, когда он будет «хорошим знакомым» этого ребенка.

Как мы уже говорили выше, допрос такого впечатлительного ребенка желательно проводить в присутствии близкого ему человека, которому ребенок вполне доверяет, к которому он хорошо относится.

Выше мы достаточно подробно говорили о склонности детей к фантазированию и о том, какое это имеет значение при допросе несовершеннолетних.

Если следователю станет известна склонность малолетнего к фантазированию, следователь должен быть вообще особенно осторожен. Должен избегать в таких случаях максимум контрольного материала для того, чтобы иметь возможность проверить показания несовершеннолетнего.

Если вообще при допросе никогда не следует принимать на веру выводов допрашиваемого, а необходимо добиваться освещения тех фактов, на которых эти выводы основаны, то это правило тем более обязательно при допросе несовершеннолетних. Получив то или иное показание несовершеннолетнего, следователь обязан получать исчерпывающие данные о тех конкретных фактах, на основе которых даны показания несовершеннолетнего.

Во всех без исключения случаях нужно установить совершенно точно, откуда допрашиваемому

известно о том, что он рассказывает, в каких, конкретно, условиях им восприняты те факты, по поводу которых он свидетельствует. Тщательно нужно изучить, в каком состоянии находился допрашиваемый в момент восприятия сообщаемых им фактов или событий. Следовательно должен принять все меры к тому, чтобы выявить те контрольные моменты, которые непосредственно хотя и не нужны для допроса, но необходимы для проверки показаний.

Так например, несовершеннолетний показывает, что он видел, как гр. М. выходил из квартиры, которая оказалась ограбленной. Несовершеннолетний ранее хорошо знал М. и поэтому, казалось бы, можно было ограничиться его совершенно определенными показаниями на этот счет, однако, следователь обязан спросить несовершеннолетнего, в какой одежде был М., потребовать у него достаточно точного описания этой одежды, узнать, где в это время находился несовершеннолетний, с какого пункта он наблюдал выход М. из квартиры, почему он обратил внимание на М., и т. д. Наличие всех этих данных поможет в дальнейшем проверить показания несовершеннолетнего.

При допросе несовершеннолетнего следователь должен учитывать не только индивидуальные, если можно так выразиться, психологические особенности допрашиваемого, но и его специфические недостатки, учитывая, насколько физически развит ребенок, насколько сформировался его организм. Физическая слабость ребенка, недоразвитость его слуха, зрения и т. д. в известных случаях снижают достоверность даваемых им показаний, так как нет никакой уверенности в том, что передаваемые им события восприняты им правильно.

При допросе взрослых следователь обычно особое внимание уделяет классовой принадлежности допрашиваемого, его классовой идеологии. При допросе несовершеннолетних на этот момент зачастую не обращается внимания. Это совершенно неправильно.

Необходимо иметь в виду, что несовершеннолетний нередко подпадает под влияние классового врага, говорит его словами, выражает его мысли и настроения.

На необходимость классового подхода при допросе несовершеннолетних обращали внимание буржуазные ученые. Естественно, что они делали это в интересах своего класса. Они предупреждали следователя, чтобы он осторожно относился к показаниям детей пролетариев.

Так например, немецкий юрист Штерн, о котором мы уже упоминали выше, ярко и грубо защищая интересы своего класса и клеветая на детей пролетариев, писал о том, что ребенок образованных классов меньше лжет, чем ребенок пролетариев, заявляя, что это является результатом наследственности, внутренних качеств пролетарского ребенка, имеющего очень малую степень сопротивления против ложного влияния.

С такого же рода реакционными — фашистскими — положениями мы встречаемся у целого ряда других реакционных буржуазных «ученых».

Так например, у другого буржуазного ученого — доктора Франциска Баумгартена, в его книге «Ложь детей и подростков», мы встречаемся с высказываниями о том, что среда влияет на ребенка также через материальные отношения, —

что в силу этого якобы дети бедных родителей лгут более часто.

Естественно, что все эти высказывания направлены на то, чтобы воспитать в следователе, защищающем интересы буржуазии, недоверие к детям пролетариев; буржуазные ученые знают и учитывают, что пролетарский ребенок, выражая интересы пролетариата, будет говорить не в интересах буржуазии.

Политическая бдительность при допросе несовершеннолетнего является неперемнным условием успешности такого рода допроса. Когда следователь допрашивает несовершеннолетнего, он должен учитывать не только социальное положение допрашиваемого, но и тех людей, которые его окружают, так как общим правилом и основной особенностью допроса несовершеннолетних, как это не трудно было уловить из всего сказанного нами выше, является то, что следователь должен изучить и считаться не только с самим допрашиваемым, но и с людьми, под влиянием которых находился допрашиваемый несовершеннолетний.

Все указанные нами положения, главным образом, относятся к допросу добросовестных несовершеннолетних свидетелей. Естественно, что практика допроса недобросовестного несовершеннолетнего свидетеля будет несколько иной. Здесь следователю необходимо быть полностью вооруженным для того, чтобы показать противоречивость и лживость показаний несовершеннолетнего, показать ему несостоятельность и логическую несвязанность его показаний и тем самым вызвать у несовершеннолетнего желание показать правду.

Следователь, однако, не должен при этом впадать в ошибку и под видом убеждения допрашиваемого фактически внушать ему свою точку зрения, свои убеждения и тем самым навязывать ему свои собственные суждения, которые позже будут выданы за показания несовершеннолетнего.

Следователь не должен вступать в спор с допрашиваемым, «разъяснять» ему неправильность его показаний, высказывать свои собственные суждения по поводу того, как фактически обстояло дело, таким образом, по существу давая версию показаний. Следователь обязан помнить, что подобного рода «объяснения» превратятся во внушение, убеждение и приведут к искажению истины в показаниях допрашиваемых несовершеннолетних.

Сомневаясь в правильности показаний несовершеннолетнего, видя, что они лживы, следователь должен путем допроса других лиц, ознакомлением с необходимыми материалами, фактами, проверить показания несовершеннолетнего и сделать по ним свои разумные выводы.

Естественно, что все изложенные нами выше тактические положения в значительной степени меняются от того, с каким несовершеннолетним следователь имеет дело. В известных случаях нужные следователю сведения могут быть получены от ребенка шести-семи лет. Естественно, что беседа с такого рода ребенком не может рассматриваться как допрос. По существу, это лишь средство для получения данных, которые могут быть использованы в процессе расследования дела.

Так например, по делу, имевшему место в Калуге, убийцу М. удалось установить при по-

мощи расспросов пятилетнего сына убитой Мальчик подробно описал того «дядю», который ходил к его погибшей матери, и тем самым дал возможность следователю раскрыть преступление и обнаружить преступника.

Однако, как правило, допрашивать можно детей, начиная примерно с 8-летнего возраста. Естественно, что в зависимости от того, допрашивается 8-летний ребенок или же допрашивается 15-летний подросток, характер допроса меняется.

Допрос 15-летнего подростка в процессуальном отношении напоминает допрос взрослого. Допрос 8-летнего ребенка носит совершенно иной характер и по существу является собиранием нужных следователю данных путем беседы, которую он ведет с ребенком.

Естественно, что допрос несовершеннолетнего свидетеля отличается от допроса несовершеннолетнего обвиняемого. Допрос потерпевшего отличается от допроса свидетеля и обвиняемого. Эти особенности должны быть учтены.

✓ Основные положения, высказанные нами выше, могут быть использованы как при допросах свидетелей, так и при допросах обвиняемых. Наряду с этим при допросе несовершеннолетних обвиняемых должно быть учтено следующее:

Отличительной особенностью допрашиваемых несовершеннолетних обвиняемых является то, что они, как правило, сознаются в совершаемых ими преступлениях. Нами изучено 400 дел о хищениях, совершенных несовершеннолетними обвиняемыми, и 400 дел о хищениях, совершенных взрослыми. По этим делам сознавшиеся несовершеннолетние обвиняемые составляли 72% к числу всех осужденных, сознавшиеся взрослые — 29,4%. Такое соотношение данных о несовершеннолетних и взрослых преступниках нельзя не учитывать.

Указанное выше положение обязывает следователя, с одной стороны, критически относиться к признаниям несовершеннолетних, с другой — учитывать, что при правильной постановке допроса от несовершеннолетнего значительно легче, чем от взрослого, получить признание. Однако при всем этом нельзя переоценивать этой склонности несовершеннолетних признаваться в совершенном ими преступлении. Необходимо иметь в виду, что в целом ряде случаев несовершеннолетние чрезвычайно упорно сопротивляются, не признают себя виновными в преступлении, которое они совершили, и вымывают исключительно оригинальные и на первый взгляд убедительные аргументы, приводимые ими в свое оправдание.

В качестве примера можно привести следующий факт:

Несовершеннолетний Буманов, 13 лет, проходя по Пугачевской ул. г. Саратова, из хулиганских побуждений (был пьян) нанес ножовое ранение гр. Алексееву. Буманов был задержан и допрошен через 2 часа после совершенного им преступления. Он при этом дал следующее показание (протокол допроса обвиняемого печатается без изменения):

«1935 г. марта 24 дня, дежурный 1-го отд. РК милиции Скобелев допросил Буманова Виктора Сергеевича, 13 лет, родители имеются, отец работает сторожем магазина, проживающего — Пугачевская. 140.

И, Буманов, не признаю себя виновным в ранении гр. Алексева, но по данному делу показываю следующее:

24 марта 1935 г. не помню в какие часы, вечером, я шел по Кооперативной улице. Доходил к улице Кирова, в это время какой-то парнишка меня ухватил и говорит, как будто бы я ему что-то сделал, и тут же подошел милиционер и меня взял. Почему у меня правая рука в крови, потому что я зашел к своему товарищу на Первомайскую улицу № 16 и разбил там стекло: они меня совершенно никто, а просто товарищи. Что касается будто бы, что я бросил камень, то у меня его совершенно не было и рука у меня оказалась в крови, потому что я разбил стекло. Больше добавить ничего не могу, протокол написан с моих слов и мне прочитано вслух, к сему

Буманов В.

Допрашивающий Буманова работник милиции проверил показания Буманова, и оказалось, что в доме № 16 по Первомайской улице действительно разбито стекло, стекло это было разбито Бумановым. Это дало основание полагать, что Буманов говорит правду. Однако, позже было установлено, что стекло было разбито за два дня до совершения преступления Бумановым.

Вудучи передпрошен, Буманов сознался, что историю со стеклом он придумал, чтобы объяснить факт наличия у него на руке крови, и показал, куда он спрятал нож, которым ранил Алексева.

Если общепризнанным является положение, что правильность показаний зависит не только от допрашиваемого, но и от допрашивающего, то оно особенно применимо, когда допрашивается несовершеннолетний. Здесь зачастую правильность показаний и качество в значительно большей степени зависит от допрашивающего, чем от допрашиваемого.

Как меняется качество допроса в зависимости, кто и как допрашивает, можно продемонстрировать следующим примером:

В с. Балтай 24 июля у гр. Гусева в момент, когда никого не было, был взломан замок входной двери квартиры. Проникший в квартиру мальчик 14 лет Ф. взломал замок сундука и похитил револьвер системы наган. Когда Ф. уже пытался выйти из дома и скрыться, возвратившийся домой сын Гусева, заметив его, стал кричать, но Ф. убежал.

Будучи допрошен участковым милиционером, Ф. сознался в хищении и вернул наган.

Протокол допроса Ф. заключается в себе следующее:

«Я, Ф., действительно признаю себя виновным в том, что похитил наган у Гусева, путем взлома замков от квартиры и сундука. Больше никаких краж я не делал и преступлений не совершал. Наган я действительно похитил с корыстной целью, чтобы им воспользоваться».

Допросив еще несколько свидетелей и удостоверившись, что «в прошлом году Ф. крал из сада Гордеева яблоки», участковый милиционер считал дело законченным и для утверждения обвинительного заключения передал дело прокурору.

Ф. предавался суду по ст. 162 п. «в» УК.

Прокурор считал дело недоследованным, так как не была установлена цель хищения, не была

выявлена обстановка, в которой жил Ф., и причины, толкнувшие его на преступление.

Следователь Грехов, принявший дело к своему производству, подошел к доследованию его значительно серьезнее.

В результате он установил, что условия жизни Ф. нормальные. Он ни в чем не нуждается. Родители его колхозники, отец — бригадир, мать — доярка, очень любят своего сына, заботятся о нем. Ф. живет в культурных условиях, имеет отдельную комнату, все необходимое для занятий и проч.

Ф. самого хорошего поведения, в каникулярное от школы время Ф. учится работать в колхозной кузнице, там ведет себя хорошо, примерно работает и постоянно делает себе в свободное время какое-нибудь оружие, «все изобретает», как заявил мастер-кузнец, под руководством которого работает Ф.

Установив все это, следователь в присутствии родителей с большим тактом и умело передопросил Ф. Ф. откровенно рассказал, почему он похитил наган. Он давно мечтал сам сделать себе «настоящий наган», но не знал, как его сделать, так как «разобраным его не видел». Узнав, что у Гусевых есть наган, он решил взять его и вычертить чертеж деталей и вернуть наган Гусеву. Но ему это не удалось, он «успел вычертить только часть чертежей», но, заявил Ф., «наган я все равно сделаю, теперь я все запомнил». И в доказательство он принес следователю вычерченные им чертежи деталей нагана.

Личность Ф. при вторичном допросе рисуется совершенно иначе, чем при первом.

В первом случае он — вор, неисправимый хулиган. Во втором случае — он хороший дисциплинированный подросток, увлекающийся изобретательством и, в частности, увлекающийся идеей изготовления нагана, в силу чего совершает хищение.

В первом случае Ф. должен быть осужден, во втором случае в отношении него можно ограничиться внушением.

Практика знакома и с обратными случаями, когда в силу неумелого допроса и неумелого ведения дела отягченный малолетний хулиган и вор выглядит невинным ребенком.

Г. 14 лет был пойман во время хищения кошелька из кармана гр. Ф. и привлечен к ответственности.

На допросе он заявил, что украл он в первый раз, так как «умирал с голода», что у него нет родителей, что он приехал сюда 20 дней тому назад из Астрахани с дядей, но дядя его бросил, и он теперь не знает, куда ему деваться.

Г. произвел на допрашивающего очень хорошее впечатление, он не поинтересовался, где жил Г. с дядей 20 дней в Саратове, не попытался проверить показаний Г., которые вызвали сомнение, не обратил внимания на показания свидетельницы — женщины, торгующей в табачном киоске, о том, что она знает Г. давно как карманника, который орудует на базаре.

Г. был, по его просьбе, устроен в детдом. Через 3 дня он из детдома убежал, похитив одеяло и проч.

Через 7 дней он был вновь пойман во время карманной кражи.

На этот раз Г. допрашивался более опытным следователем и, хотя следователь и не знал о

всех похождениях Г., однако, установив его место жительства, он выяснил, что у Г. есть родители, проживающие в Саратове и проч.

При допросе Г. рассказал о том, что он уже 2 года занимается кражами. Ворованное сдает своему отцу — алкоголику.

Исключительное значение имеет техника допроса несовершеннолетнего. Особое внимание должно быть обращено на следующие моменты:

- 1) на последовательность и порядок допроса;
- 2) на формулировку вопросов и форму допроса;
- 3) на порядок и форму записей протокола допроса;
- 4) на форму протокола.

Вопрос о том, в каком порядке допрашивать несовершеннолетнего, как записать его показания, имеет решающее значение. Имея в виду впечатлительность несовершеннолетнего, в начале допроса рекомендуется не задавать ему никаких расчлененных вопросов, а, как этого требует УПК и в отношении взрослых, первоначально выслушать его свободный рассказ, или, если несовершеннолетний не в состоянии этого сделать, вести с ним беседу. Свободный рассказ несовершеннолетнего нужно, по возможности, в точности записать и после этого задавать конкретные вопросы, с соблюдением тех правил, которые указывались выше.

Порядок допроса несовершеннолетнего и выполнение протокола рекомендуется проводить следующим образом: в начале допроса следователь, беседуя с несовершеннолетним, старается успокоить несовершеннолетнего, придать допросу характер обычной беседы, и затем уже просит несовершеннолетнего рассказать ему о тех событиях, которые интересуют следователя и которые известны допрашиваемому несовершеннолетнему. В протокол записывается общий вопрос, на который дается ответ в форме вольного рассказа несовершеннолетнего. После этого излагается подробно запись вольного рассказа. Запись эта должна производиться по возможности точно и по возможности теми же выражениями, которые употребляет допрашиваемый.

Если при допросе взрослого в протоколе, как правило, заносятся только конкретные факты, имеющие значение для дела, то при допросе несовершеннолетнего целесообразно записать весь его рассказ, так как нередко только на фоне всего сообщаемого несовершеннолетним можно судить о достоверности его показаний. Выбирая «самое важное», следователь может упустить такие выражения несовершеннолетнего, которые всем его показаниям придают совершенно иную окраску.

Точно воспроизведя весь рассказ допрашиваемого, следователь задает ему конкретные вопросы по интересующим его моментам. Каждый вопрос и ответ должен быть точно записан. Ведение этой части протокола в форме вопросов и ответов является обязательным, так как это дает возможность проверить как правильность постановки вопросов несовершеннолетнему, так и характер ответов, а это обстоятельство имеет громадное значение для оценки показаний несовершеннолетнего.

Выше мы уже указывали на то, что от характера вопроса зачастую, как правило, зависит и характер ответа, и уловить неправильности в допросе, а отсюда обнаружить и ошибки в от-

ветах несовершеннолетнего можно, только имея точно сформулированные вопросы, как и точно записанные ответы. В необходимых случаях, когда допрос несовершеннолетнего имеет особое значение для дела, желательна стенографическая запись протокола.

Зачастую в целях установления способности несовершеннолетнего к восприятию необходимо производство экспертизы. Экспертами в этом вопросе могут быть опытные педагоги и врачи психиатры и психоневрологи.

Теперь уже нет никаких сомнений в лженаучности так называемых педологических экспертиз. Производство всякого рода педологических экспериментов с несовершеннолетними совершенно недопустимо.

Эксперты могут привлекаться для участия в работе по допросу несовершеннолетнего в двух случаях: во-первых, когда необходимо определить, способен ли по своим умственным способностям и своему развитию несовершеннолетний давать показания по поводу фактов и событий, интересующих следователя; во-вторых, когда участие эксперта необходимо в самом ходе допроса, в целях проверки правильности подготовки материалов для допроса, а также в целях более правильного и умелого проведения самого допроса.

Выше мы уже указали, какое огромное значение имеет для правильного проведения допроса и для правильной оценки показаний, даваемых несовершеннолетним, знакомство с его личностью, его способностями к восприятию, особенностями его характера, склонностями, степенью развития и т. д.

В тех случаях, когда следователь сомневается в том, может ли несовершеннолетний давать правдивые показания, он должен прибегнуть к помощи эксперта. Если не требуется медицинского обследования несовершеннолетнего и выводы о способности его свидетельствовать и о его склонностях и развитости можно сделать на основании общения с ребенком и изучения данных, характеризующих его (школьных характеристик, бесед с педагогами, родителями и т. д.), в качестве эксперта должен быть приглашен опытный педагог.

Следователь обязан ознакомить приглашенного в качестве эксперта педагога со всеми имеющимися у него материалами, характеризующими несовершеннолетнего, и поставить перед экспертом те вопросы, которые он желает выяснить. Такими вопросами могут быть следующие:

1) Нормально ли (в соответствии с возрастом) развит несовершеннолетний?

2) В какой степени несовершеннолетний склонен к фантазированию?

3) Насколько хорошо разбирается несовершеннолетний в фактах, по поводу которых он должен будет давать показания и проч.?

Следователь должен проследить за тем, чтобы экспертиза по поводу несовершеннолетнего проводилась в таких формах и таким образом, чтобы это не принесло вреда несовершеннолетнему, не травмировало бы его. Ни в коем случае нельзя допускать, чтобы в целях производства экспертизы ребенок отрывался от семьи, чтобы над ним производились какие-либо эксперименты, чтобы он чувствовал себя «поднадзорным». Знакомство с ребенком в целях выявления особенностей его характера, степени развитости и

проч. должно проходить путем общения с ребенком в обычной домашней обстановке. Все это должно делаться таким образом, чтобы ребенок и не заметил, что за ним наблюдают, его изучают и проч.

Если несовершеннолетний, в отношении которого собираются необходимые данные, обучается в школе, педагог, производящий экспертизу, должен подробно ознакомиться с школьной характеристикой несовершеннолетнего, с его успеваемостью, поведением в школе, выявить через педагогов школы его интересы, наклонности. В этом случае беседа с несовершеннолетним лучше всего приурочивать к моменту его пребывания в школе, привлекая для этого педагогов школы, классного руководителя, пионер-вожатого и проч.

В тех случаях, когда у следователя есть основания полагать, что несовершеннолетний глубоко умственно отсталый, страдает расстройством нервной системы, дефективен, следователь должен прибегнуть к помощи эксперта-врача психиатра или психоневролога. В данном случае ребенок должен быть подвергнут медицинскому обследованию.

Практика показывает, что допрос несовершеннолетнего бывает более успешным, если в этом принимает участие опытный педагог. В связи с этим в случаях производства сложных допросов несовершеннолетних, особенно в возрасте от 7 до 11 лет, необходимо, чтобы в допросе принимал участие педагог школы или другого детского учреждения (детского дома и проч.).

Для того чтобы действительно получить помощь от педагога при допросе, следователь должен вместе с педагогом проработать материалы дела и разработать план допроса несовершеннолетнего. Большую помощь при этом педагог может оказать при разработке формулировок вопросов, которые будут ставиться несовершеннолетнему. При составлении такого плана нужно главное внимание уделять следующим моментам: последовательность постановки вопросов, формулировки вопросов.

Участвуя в допросе, педагог не только должен помочь следователю правильно поставить вопросы, помочь следователю правильно подойти к несовершеннолетнему, но он должен в процессе беседы выявить способности несовершеннолетнего правильно оценивать и характеризовать те факты, по поводу которых он свидетельствует.

В отдельных случаях педагог во время допроса несовершеннолетнего может попросить его рассказать об экскурсиях, о прочитанных рассказах, о наблюдениях за природой, за птицами, животными. Все это необходимо для того, чтобы определить, в какой мере доступны пониманию и знакомы несовершеннолетнему вопросы, по поводу которых он дает показания.

Не случайно поэтому в одном из последних проектов УПК ст. 39 предусматривалась необходимость производства экспертизы всякий раз, «когда возникает сомнение в том — может ли несовершеннолетний по своему малолетству правильно воспринять события и давать о них соответствующие действительности показания». Это подчеркивает особое значение экспертизы при допросе несовершеннолетних.

Следователь не должен полагаться на свои собственные впечатления о несовершеннолетнем и в тех случаях, когда у него возникает сом-

нение в умственных способностях несовершеннолетнего, он обязан обратиться к помощи экспертов, врачей или педагогов, действуя в этом случае в соответствии с данными выше указаниями.

Нельзя, как это делают некоторые следователи, требовать от эксперта оценки правильности письменных показаний несовершеннолетнего, данных в отсутствии эксперта. Оценить показания должен сам следователь, а не эксперт. Но следователь может поставить перед экспертом вопрос о том, «соответствуют ли записанные формулировки показаний несовершеннолетнего действительности его речи». В тех случаях, когда возникает сомнение в том, не искажены ли в записях действительные выражения несовершеннолетнего, такой вопрос может быть поставлен, и правильный ответ на него, данный в результате изучения и сопоставления записей протокола с другими данными, в которых отражены способность и навыки несовершеннолетнего формулировать свои мысли, может принести пользу при оценке показаний несовершеннолетнего.

Допрос несовершеннолетнего имеет целый ряд процессуальных особенностей. Особое процессуальное положение несовершеннолетнего свидетеля до 16 лет заключается в том, что он не предупреждается об ответственности по ст. 95 УК за дачу ложных показаний.

Это всегда надлежит учитывать, так как, не неся ответственности за дачу ложных показаний, несовершеннолетний до 16-летнего возраста в этом отношении стоит в несколько особом положении, чем взрослый свидетель. Это требует более детальной проверки показаний несовершеннолетнего свидетеля, более осторожного подхода к даваемым им показаниям. Однако это вовсе не снижает качества допроса и не делает показания несовершеннолетнего неполноценными.

Как мы уже указывали выше, предельный возраст, начиная с которого можно производить допрос несовершеннолетнего, законом не определен.

Практика показывает, что показания несовершеннолетних в возрасте до 6 лет, являются неполноценными, и поэтому выявлять факты при помощи беседы с несовершеннолетними в возрасте до 6 лет можно только в исключительных случаях. Беседа с детьми дошкольного возраста, в целях выявления отдельных фактов, интересующих следователя, должна производиться в соответствии с изложенными выше требованиями, однако, прибегать к такого рода способам получения доказательств нужно в исключительных случаях, когда без этого обойтись по ходу следствия невозможно.

Допрос детей школьного возраста (с 8 лет), как было уже указано выше, также нужно производить чрезвычайно экономно, только в тех случаях, когда без этого обойтись нельзя.

Нельзя допрашивать несовершеннолетних глубоко умственно отсталых (так называемых имбецилов, идиотов), страдающих расстройствами центральной нервной системы.

Что касается несовершеннолетних, страдающих различного рода дефектами, обучающихся в специальных школах для умственно-дефективных, то к допросу их нужно прибегать лишь

в исключительных случаях, при этом допрос необходимо ограничивать получением только некоторых данных, по поводу которых они могут свидетельствовать. То же относится к несовершеннолетним глухонемым, слепым. Заключение об умственной отсталости дает врач — психиатр и психоневролог.

Нельзя допрашивать несовершеннолетних по поводу фактов, носящих интимный характер, могущих вредно отразиться на развитии ребенка, его психике, в частности, нельзя допрашивать детей по поводу фактов, связанных с изнасилованием, и пр. (исключения могут представлять случаи, когда потерпевшим или обвиняемым по этим делам является несовершеннолетний; в этих случаях допрос несовершеннолетних должен проводиться с особым тактом, с

тем, чтобы не травмировать несовершеннолетнего).

При допросе несовершеннолетних должны присутствовать родители или лица, их заменяющие, а в случае отсутствия их — представитель, выделенный органами народного образования (циркуляр Наркомюста СССР 16 апреля 1935 г., циркуляр Прокурора СССР и председателя Верховного суда СССР от 21 июля 1935 г. № 36-71).

Ст. 167 УПК УССР прямо предусматривает необходимость соблюдения такого правила при допросе несовершеннолетних.

Этот момент также вносит некоторое своеобразие в допрос несовершеннолетних, последовательное соблюдение этого требования повышает качество допроса несовершеннолетнего.

В. ЧЕРВЯКОВ

с/з 10-38

К криминалистической оценке симуляции

Опыт работы органов следствия и суда показывает, что расследование и криминалистическая оценка симуляции (инсценировка ограбления, убийства и покушения на убийство) представляет особые трудности.

В результате недостаточного знакомства со специфическими особенностями техники расследования этих дел в практике следственной работы имеют место грубые ошибки, находящие себе нередко объяснение в недостаточном умении применить научно-технические методы и, в частности, надлежащим образом использовать криминалистическую и судебно-медицинскую экспертизу.

В руководствах по криминалистике как в отечественных, так и переводных, нет специального отдела, посвященного расследованию этого вида преступлений. Огрывочные указания, имеющиеся в инструктивных письмах по расследованию убийств, и скудная судебно-медицинская казуистика, опубликованная в специальных, малодоступных к тому же широкой массе судебно-следственных работников периодических изданиях, дают недостаточное представление по существу разбираемого вопроса.

До последнего времени не было сделано серьезной попытки суммировать большой, накопленный следственными работниками материал, представляющий большую ценность для криминалистики.

Опуская здесь, за недостатком места, без рассмотрения вопрос о симуляции и членовредительстве в военной обстановке, мы должны заметить, что виды симуляции, с которыми приходится сталкиваться следователю в среде гражданского населения, также весьма многообразны и отнюдь не трафаретны.

Не только рассказ и объяснения, но, что особенно важно для следователя, и механизм нанесения самоповреждений и способы инсценировки преступления в наших условиях бывают настолько неожиданны и своеобразны, что ста-

вят нередко даже опытного следователя в затруднительное положение. Так же разнообразны и мотивы симуляции.

Автору настоящей статьи пришлось за последние годы по заданиям органов суда и прокуратуры по линии криминалистической и судебно-медицинской экспертизы исследовать и давать заключения более чем в 120 случаях симуляции.

По отдельным видам эти случаи можно подразделить на следующие группы:

- 1) симуляции ограбления,
- 2) симуляции покушения на убийство,
- 3) симуляции самоубийства и несчастного случая,
- 4) симуляции изнасилования.

Из указанных 4 групп в практике чаще приходится сталкиваться с симуляциями ограбления и симуляциями покушений на убийство.

Особая важность своевременного и полного раскрытия этих видов преступлений дает нам повод для описания нескольких таких случаев.

Известно, что к симуляции ограбления прибегают растратчики и другие расхитители социалистической собственности.

Довольно характерным для данной группы симуляции является приводимый ниже случай.

Григорий Г., 20 лет, заявил в прокуратуру о том, что на него произведено вооруженное нападение двумя неизвестными злоумышленниками, один из которых ранил его и похитил у него 7 тыс. руб. Обстоятельства этого дела потерпевший рисует в следующем виде.

Г. состоял на службе кассиром 3-го маршрута Главдортранса. По роду своей службы он командировался в различные сельсоветы БССР для выплаты зарплат рабочим. 4 июня он выехал верхом на лошади в Ю. сельсовет и взял с собой 7 тыс. руб. различными купюрами. В этот день выплату он не производил, так как рабочие были заняты на полевых работах. Выдачу денег Г. назначил на следующий день.

1-го вечером с тремя своими знакомыми Г. организовал попойку, после которой лег спать и проспал до вечера; деньги находились при нем в полевой сумке. Проснулся Г. в 10 час. вечера, оседлал коня и направился в другую деревню, чтобы выдать зарплату другой партии рабочих. По словам Г., было еще светло. Когда он отъехал небольшое расстояние (1,5 километра) от деревни Белоруч, с левой стороны дороги из канавы выскочили двое неизвестных ему злоумышленников; первый схватил лошадь за уздцы и остановил ее; в это время другой злоумышленник произвел в него выстрел из револьвера, которым и ранил его в грудь. Выстрел был произведен, по заявлению Г., с расстояния не ближе одного метра. После выстрела Г. потерял сознание и упал с лошади; когда через некоторое время он пришел в себя, он обнаружил пропажу полевой сумки с деньгами и документами. Г. начал звать на помощь. Первым заметил его сторож соседнего колхоза, который, будучи допрошен по делу в качестве свидетеля, показал: «Поздно вечером 4 июня я увидел в расстоянии 50 шагов от себя идущего человека, который шел по полю не торжась, молча. Завидев меня, он начал кричать: «Спасите, спасите! Меня ограбили и ранили». Я вместе с другими подоспевшими колхозниками уложил раненого на подводу и отвез его в районную больницу, где ему была оказана помощь».

При первичном осмотре места происшествия была обнаружена шапка Г., а на расстоянии 140 метров во ржи по левой стороне дороги найден пепел от сожженной бумаги, два номера газеты «Звезда» и книга сочинений Горького, которые находились в сумке Г. вместе с деньгами. Тут же обнаружены сломанные ветки ольхи.

Надо заметить, что один из свидетелей показал, что видел как Г. стоял с лошадью и ломал ольховые ветки на том самом месте, где впоследствии был обнаружен пепел.

Г. был направлен следователем на освидетельствование в кабинет судебно-медицинской экспертизы. Экспертом было установлено на коже правой стороны груди, спереди, на 3 см выше правого соска, несколько спаружи от сосковой линии, наличие слепого огнестрельного ранения слегка овальной формы, в диаметре около 5 см, на коже вокруг раны узкий пояс осаднения. При рентгеновском исследовании в мягких тканях спины, в области правой лопатки, была обнаружена пуля. Других повреждений экспертом не отмечается.

По заключению судебно-медицинского эксперта, направление выстрела в отношении массы тела было горизонтальным, спереди назад, слегка кнутри.

Большой криминалистический интерес представляет исследование рубашки Г., бывшей на Г. в момент выстрела. На передней стороне рубашки в месте, соответственно отмеченному выше ранению, обнаружен свежий разрыв ткани — неправильно звездчатой формы; ткань рубашки, вокруг разрыва слабо пропитана кровью. На лицевой стороне ткани рубашки, вокруг разрыва, отмечается слабо выраженное сероватое окрашивание краев разрыва в виде узкой полоски. Химическим исследованием рубашки установлено наличие следов пороха. Расследованием установлено, что Г. имел пистолет системы Корови-

на, который он возил с собой во время командировок.

Институт научно-судебной экспертизы, куда дело поступило в порядке перекспертизы, дал нижеследующую оценку выстрела и повреждения.

Выстрел в грудь был произведен на очень близком расстоянии из огнестрельного оружия со слабой пробивной способностью; таким оружием мог быть автоматический пистолет калибра 6,35 мм, в частности, пистолет системы Коровина. Последнее подтверждается сравнительным исследованием рентгенограмм и установлением по последним величины пули. Показания Г. о том, что неизвестный выстрелил в него с расстояния одного метра в тот момент, когда Г. находился верхом на лошади, стоит в полном противоречии как с объективными данными исследований вещественных доказательств и самого Г., так и со всеми обстоятельствами дела. При выстреле из автоматического пистолета калибра 6,35 на расстоянии 1 метра, и даже на расстоянии полметра, на одежде не было бы следов близкого выстрела. Кроме того, при позиции стрелявшего (по версии Г. — стрелявший стоял на земле, а сам Г. был верхом на лошади), направление пулевого канала было бы другим.

Все вышесказанное, а также сбивчивость показаний Г. дали основание признать, что в данном случае имел место самострел и инсценировка нападения.

На судебном следствии версия о самоповреждении подтвердилась, и суд вынес Г. обвинительный приговор.

Необычным в данном случае представляется механизм самоповреждения. Огнестрельные и колото-резаные проникающие раны грудной клетки нередко встречаются в случаях убийства и самоубийства, когда криминалистическая оценка этих повреждений не представляет трудностей. Громадный риск, которому подвергает свою жизнь и здоровье членовредитель, невольно заставляет задуматься вообще о возможности подобного рода самоповреждений. Однако опыт учит нас, что подобные случаи наблюдаются и на практике.

Однако при криминалистической оценке таких случаев тяжесть и опасность повреждения не всегда являются решающим моментом. Судебно-медицинскими экспертами описаны тяжкие телесные самоповреждения, наносимые себе в целях получения тех или иных выгод и привилегий. Так, описаны: умышленное отсечение правой ноги топором с целью получения страховой премии, умышленное отделение руки циркулярной пилой, удаление глаза, самокастрация, ранение дыхательного горла и др.

Самострелы в грудь наблюдали Мейкснер и Бокариус. Мейкснер, исследовавший три случая самострелов в грудь, в своей монографии отмечает, что он долгое время был того мнения, что огнестрельные ранения груди не являются подозрительными на самоповреждение. «Но, говорит Мейкснер, нижеследующий случай доказал мне обратное: входное отверстие располагалось под левой большой грудной мышцей на два поперечных пальца кнутри и кверху от передней подмышечной складки. Потерпевший признался в членовредительстве и показал, что он приставил приклад винтовки к стенке и слу-

стиля курок при помощи палки. Помимо описываемого нами случая в нашей практике мы имели возможность наблюдать самострел из нагана в грудь и самострел в грудь из винтовки; последний случай окончился смертью.

В этих двух наблюдавшихся нами случаях самоповреждение было подтверждено как анализом обстоятельств дела, так и данными криминалистической экспертизы вещественных доказательств. Эти данные играют громадную роль при оценке симуляции. К сожалению, многие следователи недооценивают всю важность этих «немых свидетелей».

Подобное пренебрежительное отношение к вещественным доказательствам делает весьма трудным, а иногда и невозможным, успешное расследование симуляции, и дела приходится прекращать за недоказанностью.

Тщательный анализ материалов дела наряду с своевременным проведением криминалистических и судебно-медицинских исследований приносит громадную пользу при расследовании дел, подозрительных по самоповреждению и симуляции.

Громадное значение также имеет, в особенности по делам так называемых псевдо-террористических актов, вдумчивая и скептическая оценка показаний потерпевших и подозреваемых по делу.

Проф. Вышинский в одном из методических писем о расследовании дел по 58-8 УК, говоря об оценке показаний (Методическое письмо № 3 — циркуляр НКЮ № 81 от 15 мая 1932 г.), подчеркивает, что «сознание обвиняемого в преступлении и указание им соучастников значительно облегчает расследование и дает производящему расследование органу нити для раскрытия преступления. Однако сознание обвиняемого и в особенности оговор им других лиц в качестве соучастников ни в какой мере не устраняет необходимости критического подхода со стороны следствия к показаниям обвиняемого, равно не устраняет необходимости для следствия самым инициативным образом собирать и исследовать объективные доказательства».

При ином подходе сознание и показания обвиняемого сплошь и рядом могут увести следствие с правильного пути. При расследовании дел, где у расследующего имеется основание предполагать самоповреждение и симуляцию, это положение приобретает исключительно важное и актуальное значение.

Приводимый ниже пример ярко иллюстрирует нам правильность этого положения.

В минской газете «Рабочий» была помещена заметка о покушении на убийство рабкора Г. Как представители следствия, так и общественность были глубоко возмущены дерзким преступлением в столице республики, о чем и говорят приводимая ниже выдержка из газеты.

«Г. ячейкой КСМ было поручено организовать стенгазету. Благодаря его стараниям, впервые за 5 лет существования базы вышел номер стенгазеты; 13 ноября в клубе сотворгслужащих состоялся вечер работников базы. В клубе на видном месте висела стенгазета базы. В центре газеты — карикатура, изображающая бухгалтеров базы А. и М. Карикатура привлекала всеобщее внимание. В 3 часа ночи Г. возвращался домой. По Земледельческому переулку на Г. напали 4 мужчины. Выхватив из кармана

Г. металлическую линейку с криком «надо рабкору обрезать пальцы, чтобы он больше не мог писать», неизвестные стали его избивать, завязали Г. глаза, били долго, с ожесточением. Бандиты должны были обнаружены и немедленно. Не пальцы рабкора, а руки, посмевшие подняться на активиста рабкора, будут отрублены».

Сам Г., при первоначальном его допросе начальником угрозыска, показал следующее: «После вечера на базе МЦРК, откуда я вышел в четвертом часу утра, проходя по Земледельческому переулку, я заметил, что со двора, который расположен напротив университета, выскочили четверо мне неизвестных мужчин. Один из них схватил меня за руки, заложил их назад и держал меня. Другой схватил меня за голову и так держал меня, что я не мог повернуть головы. Третий поднял палку, которую, увидев преступников, сбросил, чтобы с ними бороться, вынул из моих карманов копейки, железную линейку, около 12 картошек и булавки; он же завязал мне глаза платком, всунул мне в рот около 10 штук картошек и после этого взял меня за подбородок и держал. Четвертый преступник, взявши у третьего линейку, начал наносить мне удары линейкой, ударяя плашмя по голове; потом он взял нож и резанул меня по груди. После этого он же, взявши у третьего булавки, стал мне прокалывать грудь. В это время третий преступник прокалывал булавками левую щеку, а четвертый преступник скакал клочушным голосом: «надо рабкору пальцы отрубить». Услышав это, я стал сильнее вырываться. Тогда четвертый преступник ударил меня кулаком по половым органам. Он хотел уже начинать резать пальцы. В это время они услышали, что кто-то идет по улице, сорвали с моих глаз платок и побежали. Открыв глаза, я успел заметить, что платок был черный и что падавшие на меня мужчины были именно те четверо, которые следили за мной в клубе».

Уголовным розыском были арестованы четверо сотрудников базы МЦРК по указанию Г.

Ниже мы приводим выдержки из показаний Г., данных последним в кабинете экспертизы.

«В 4 часа утра 14 ноября, когда я проходил по Земледельческому переулку, на меня напали 4 высоких мужчин. Я сбросил пальто на землю и быстро приготовился к обороне. Они все набросились на меня. Один закрутил мне руки за спину, другой держал меня за уши, третий завязал мне глаза черным платком и забил мне в рот 10 картошек, а четвертый металлической линейкой резал мне правую сторону груди, а булавками кожу левой щеки. Они хотели написать мне на теле слово «рабкор», о чем говорили между собой измененными женскими голосами. Я держался крепко и сознания не терял. Сначала меня ударили несколько раз кулаком по голове и левой щеке, — изо рта крови не текло, а потом уже резали линейкой грудь. Я заметил, что у меня стал шататься зуб, и я положил его (на месте происшествия) в карман. Когда меня резали, то кровотечения не было. Ночь была светлая, лунная. Во время нападения на меня я все время изо всех сил сопротивлялся, двигался телом, крутил головой».

Помню, что линейку, картошку и булавки они достали из кармана моего пальто, которое валялось на земле. Указанные предметы доставали

на пальто третий преступник, который одной рукой держал у моих глаз платок, а другой доставал вещи из кармана пальто. Хорошо помню, что из ушей, рта и носа крови не текло. Злодеи мучили меня не менее полчаса».

Зубной врач Ф., освидетельствовавшая Г. в тот же день, будучи допрошена о характере повреждений, обнаруженных у Г., показала: «В кабинет, где я принимала, с криком ворвался Г., и потребовал, чтобы ему оказали помощь вне очереди. Он держал в руках бумагу и настойчиво требовал ее прочитать. В справке я прочитала, что Г.—рабкор. При осмотре Г. никаких травматических повреждений зубов и челюсти я не нашла. Первый большой нижний коренной зуб с левой стороны поражен кариозным процессом. Мною установлено хроническое воспаление надкостницы корня этого зуба; выбитых зубов не было».

При освидетельствовании экспертами отмечается: На коже левой щеки имеются три отечно идущих поверхностных царапины длиной от 2,5 до 4 сантиметров. Кожа вокруг царапины чистая; на левой щеке и вообще на лице припухлостей, кровоизлияний, ссадин и других следов побоев, а также следов болезненных процессов не отмечается. При осмотре полости рта все зубы оказались налицо, левый нижний (передний) большой коренной зуб поражен кариозным процессом, прочно сидит в своей ячейке. На шее никаких повреждений не имеется. На коже груди имеется 4 поверхностных засохших царапины, самая большая из которых буроватого цвета, повидимому, более раннего происхождения, чем три остальные. Следов крови на коже груди и живота, а равно образом никаких следов крови на одежде — нижней и верхней рубашках и пиджаке не имеется. Кроме описанных выше царапин на коже левой щеки и груди, никаких следов насилия, борьбы и обороны на теле Г. не обнаружено. Во время освидетельствования нами Г. последний нам представил «вещественные доказательства» по делу — металлическую линейку и несколько мелких картошек. На представленной им обычной канцелярской линейке при исследовании ее в лаборатории Института крови не найдено. На всех переданных Г. картошках имелись свежие следы от зубов, которые, по толкованию самого Г., были сделаны им во время нападения на него бандитов. На указание на то, что следы от зубов свежие, сделаны совсем недавно, и что следы от зубов, нанесенные на картошке 12 часов тому назад, должны были бы потемнеть, — смутило Г., причем он торопливо добавил, что вероятно те картофелины он потерял.

Одобренный внимательным и дружеским отношением представителей расследования и представителей прессы, каковые присутствовали при допросе «рабкора», Г. держал себя развязно, развертывая один вариант нанесенных ему мучений за другим. В показаниях Г. замечается хвастливость и плохо скрываемое желание представить себя жертвой бандитского нападения, мучеником. Во всех показаниях Г. называет себя активистом-комсомольцем. На вопрос одного из представителей розыска показать комсомольский билет Г. заявляет, что его похитили у него бандиты во время нападения. При сравнении трех вариантов показаний Г.

мы должны отметить бросающуюся в глаза сбивчивость и противоречивость этих показаний. Нимало не смущаясь, он тут же при указании на неловкость какого-либо из его заявлений дает новое, не менее фантастическое показание. По поводу важнейшего момента нападения — нанесения рап во время трех допросов Г. дает три различные показания: первый раз он показывает, что «раны» на груди нанесены ножом, второй раз, что эти «раны» нанесены металлической линейкой, и третий раз он уже заявляет, что грудь «наколота» булавками. Крайней фантастичностью веет от описания самого момента нападения. Один бандит держит за уши, другой за руки, третий одной рукой прижимает платок к глазам Г., а четвертый рукой достает из кармана валяющегося на земле пальто Г. картофелины и булавки. Как ни смешотворны эти варианты, но мы должны отметить, что присутствовавшие при допросе опытные работники следствия принимали их за чистую монету. С самого начала анализа нами этого дела, уже после первоначального осмотра Г. в кабинете начальника угрозыска, нам была совершенно ясна картина этого псевдо-«террористического» акта.

Представители следствия согласились с высказанным нами заключением, и дело было прекращено «за недоказанностью».

Небезынтересно тут вкратце указать на некоторые моменты предварительного следствия, характеризующие личность «потерпевшего» Г.

Расследованием впоследствии установлено, что Г. никогда не был членом ЛКСМ. По социальному происхождению Г.—сын торговца, имевшего оптовый магазин. Г. был судим нарсудом г. Минска за кражу денег у гр-на Н., за присвоение денег, собранных при подписке на газеты, и за кражу ключей, печатей из редакции газ. «Юный пионер». На суде в кражах признался и был осужден; несколько месяцев тому назад работал в Управлении военно-строительных работ, но был снят с работы как симулянт. В октябре 1930 г. работал на складе Церабковца. Неоднократно подавал заявления о приеме в комсомол, принят не был, но, несмотря на это, спекулировал званием комсомольца. Как выше отмечалось, на всех трех допросах Г. заявлял, что является комсомольцем, и только после разоблачения он признался, что никогда в комсомоле не состоял. Мотив данного псевдо-«террористического» акта ясен — желание пролезть в комсомол, заработать политический вес в роли пострадавшего активиста и реабилитировать себя как рабкора, статьи которого систематически не печатались редакциями газет.

Интересно отметить, что в данном случае мы имеем дело с рецидивистом-симулянтом. Подобного рода рецидивы нам приходилось констатировать и в других случаях.

Следующий случай, проходивший через Одесский институт судебной экспертизы, отличается от первых необычностью механизма нанесения повреждений (цитируем по сборнику «Криминалистика и научно-судовая экспертиза» — 1937 г.).

Гр-н Ч., служащий совхоза, заявил органам расследования о том, что в ночь на 4 июля 1936 г. в его квартире был подброшен пакет, испускавший какой-то ядовитый газ. Обстоятельства дела потерпевшим рисуются в следующем виде.

В ночь на 4 июля (1 ч. 30 м.) он услышал крик из комнаты, где спали дети; 6-летний сын Володя кричал, что за окном стоит какой-то чужой дядя. Ч. подошел к окну и увидел, что за окном стоит гр-н Р., раскулаченный два месяца тому назад с его — Ч. участием. Опасаясь, что Р. будет стрелять, Ч. ударом кулака разбил висевшую в комнате электрическую лампочку. Нагнувшись к окну, Ч. хотел крикнуть, но ему в нос ударил какой-то едкий дым, причем он тут же заметил, что дым идет из пакета, лежавшего на столе около окна. Ч. схватил дымящийся пакет и бросил его в ведро с водой. Пакет в воде загорелся красным пламенем. Тогда Ч. вынес ведро на двор, вылил воду с пакетом на землю и затоптал пакет ногами. Вскоре он почувствовал сильную боль в руках от ожога. Боли усилились настолько, что он стал бегать по двору. На его крики бежали соседи, которые также видели, что пакет горел в ведре.

В 4 часа утра Ч. поехал в больницу, где ему была наложена повязка на обожженные руки. На ногах у Ч. ожогов не было. Потерпевший и вещественные доказательства — остатки пакета — были направлены в институт судебной экспертизы. Осмотром Ч. установлено: правая кисть слегка припухла, кожа на ней местами с красноватым оттенком, местами загрязнена. Эпидермис на правой ладони отслоен в форме большого пузыря. Такие же пузыри, но меньшей величины, имеются и на ладонных поверхностях фаланг всех пальцев. На левой кисти слабо выраженное покраснение кожи и пузыри на ладонной поверхности пальцев. На тыльной поверхности кистей, на коже лица и других участках тела следов ожогов нет. По своему характеру ожоги должны быть отнесены к ожогам второй степени. Слезоточивости, кашля, каких-либо изменений со стороны слизистых оболочек, а также болезненных изменений со стороны легких не обнаружено. По заключению института, описанные у Ч. ожоги возникли не от пламени, не от горячей ткани, не от газа или пара, а также и не от едких химических веществ. По характеру ожоги на руках Ч. больше напоминают ожоги от прикосновения к сильно нагретому железу, чугуну и т. п. Данные судебно-медицинских исследований позволяют считать, что Ч. прикоснулся к сильно нагретому предмету с выпуклой поверхностью, причем правую руку прижал сильнее, чем левую. При криминалистическом исследовании остатков пакета было установлено, что они представляют собой 3 отдельных куса красной тряпки, не имеющих никакого специфического запаха кроме запаха горелой ткани. При микроскопическом их исследовании, а также при осмотре в ультрафиолетовых лучах никаких пятен и кристаллов не найдено. Дополнительными химическими исследованиями в ткани не обнаружено присутствия веществ, которые могли бы выделять какие-либо ядовитые газы или гореть в воде.

Работники института, не довольствуясь полученными от милиции сведениями, выехали на место происшествия. При осмотре квартиры Ч. ими установлено, что она состоит из двух комнат, из которых одна, детская, выходит окном в садик. В комнатах убрано, чисто. Воздух чистый, хороший. В детской на окне в горшках

стояли комнатные растения. На листьях этих растений никаких следов действия ядовитых газов не было заметно. Окно завешено белой занавеской. Перед окном стоял стол, покрытый коричневой клеенкой, на которой имеется 20 черных кругловатых пятен, диаметром от 0,5 до 2 см. разбросанных на площади 25×65 см. Эти пятна, очевидно, возникли от прижигания клеенки. Над столом висел шнур разбитой электрической лампочки. Под окном в садике лежала густая проволочная сетка от комаров. В правом нижнем углу сетка представляется отогнутой в направлении комнаты в виде треугольника, размером $21 \times 9,5$ см. Ч. пояснил, что через это отверстие сетки был вклинен в комнату пакет, так как окно было открыто. Никаких следов затоптывания ногами или пятен от вылитой воды не было найдено. На вопрос, был ли Ч. обутым или босым, когда затоптывал пакет, он показал, что был в резиновых галошах. Жена Ч. принесла новые резиновые галоши, на которых никаких загрязнений не было. Тогда Ч. заявил, что он был в старых галошах, но на принесенных женой Ч. старых галошах был ровный слой песка, который остался на них от хождения во время дождя. Никаких следов ожога или растирания слоя песка при затоптывании на галошах не было. При осмотре квартиры была обнаружена книжка, по записям в которой можно было установить, что Ч. служил в уголовном розыске. Были осмотрены и дети, причем установлено, что все они здоровы, без каких-либо явлений действия на них ядовитых газов.

Таким образом осмотр места происшествия не подтвердил заявления Ч., и производить дегазацию квартиры не было необходимости.

Весьма интересные данные, подтверждающие яркий свет на существо этого дела, были получены при опросе работников совхоза и милиции. Член сельсовета, уполномоченный по совхозу К. заявила, что Ч. в настоящее время снят с должности завхоза за злоупотребления и что он вообще «темный элемент». Милиционер Х., прибывший немедленно на место происшествия вместе с объездчиками, услышав крик детей в квартире Ч., дал распоряжение объездчикам окружить садик и двор, а сам вошел в квартиру Ч. Одним из первых Х. заметил, что горела сухая тряпка, брал эту тряпку в руки, при этом руки не обжег. Ведро и огня в ведре не было. В комнате был густой дым, который обычно бывает при начале пожара, однако кроме тряпки ничего не горело. Рама с сеткой была крепко прибита к окну и не повреждена. Никакого специфического запаха, за исключением запаха горелой тряпки, в комнате не было.

Совокупность всех приведенных данных исследований вещественных доказательств «потерпевшего» и исследования места происшествия не только не подтверждали заявление Ч., но целиком опровергали его и выяснили всю картину симуляции нападения. Ч., работавший ранее в органах розыска, очевидно был убежден, что простому его заявлению не поверят и поэтому не остановился перед тем, чтобы нанести себе болезненные ожоги. В конце концов Ч. уличенный рядом фактов, признался в симуляции.

Большую роль при расследовании этого дела сыграли исследования вещественных доказательств и исследование места происшествия квалифицированными криминалистами. Выезд на место происшествия работников криминалистической экспертизы всячески надо приветствовать.

За недостатком места мы не приводим других случаев симуляции, имевших место в нашей практике.

Анализируя изученный нами материал, мы снова должны подчеркнуть многообразие форм симуляции и своеобразие механизма нанесения самоповреждений.

Оружие и способы, применяемые для нанесения самоповреждений, весьма разнообразны.

Как показывают наши практические наблюдения, чаще всего симулянт прибегает к огнестрельному оружию (60% всех наших случаев); по частоте на втором месте стоит холодное оружие (нанесение резаных, рубленых и колото-резаных ран). Ушибленные и укушенные раны встречаются сравнительно реже. При этом надо отметить, что распознавание в отдельных случаях представляет специфические трудности. Еще реже встречаются ожоги как химическими способами (прижигание кислотами, едкими щелочами и т. п.), так и способами физического порядка.

Нам приходилось исследовать несколько случаев, где повреждения в собственном смысле этого слова отсутствовали, а налицо были попытки симулировать повреждения путем разрисовки отдельных участков тела (искусственные кровоподтеки).

Из этой категории наших наблюдений заслуживают внимания следующие случаи.

Гр-н Т., 22 лет, арестованный органами милиции по подозрению в убийстве колхозника-активиста, заявил прокурору о том, что утром 25 января он подвергся жестокому избиению в камере; били кулаками, пинком и каким-то железным предметом.

Т. был доставлен в институт в тот же день, часов через восемь после предполагаемого избиения. На лице, шее имелись многочисленные «синяки» насыщенно фиолетового цвета, местами в области лба сливающиеся между собой; здесь же отмечается припухлость мягких тканей. Врач милиции дал заключение о множественных побоях, нанесенных тупым предметом. Во время освидетельствования нам бросилась в глаза необычная расцветка кровоподтеков и общее хорошее состояние «потерпевшего». Мы предложили ему умыться теплой водой с мылом, причем часть «кровоподтеков» исчезла; после второй водной процедуры исчезли и остальные синяки, за исключением припухлости в области лба, имевшей зеленоватую окраску. Искусственность была очевидна. Наличие кровоподтека зеленоватого цвета на лбу дало основание экспертизе заключить, что в области лба имеется кровоподтек пятидневной давности. Последнее заключение представило большую ценность для прокурора. Убийство колхозника было 5 дней назад, причем убийство сопровождалось дракой, во время которой убийца и получил отмеченные выше повреждения.

На суде Т. признал себя виновным в убийстве и подтвердил выводы экспертизы.

Гр-ка Ю., 30 лет, застрелила своего собеседника во время ссоры. Допрошенная следователем Ю. показала, что убитый нанес ей несколько ударов подставкой электрической лампы по голове и затем хотел задушить ее, сдавив ее горло правой рукой.

При осмотре волосистой части головы Ю. нами было обнаружено несколько сиреневого цвета круглой формы «синяков» без припухлости мягких тканей и без нарушения целостности кожи. На шее имелось несколько линейных, косо идущих царапин и одиночные небольшие ссадины. «Синяки» на голове легко были смыты ватным спиртовым тампоном. Как выяснилось впоследствии, они были нарисованы химическим карандашом. Характер, направление, петляющие для задушения посторонней рукой, месторасположение царапин на коже шеи, вместе с другими обстоятельствами дела, позволили с несомненностью установить самоповреждение (симуляцию).

Месторасположение самоповреждений вообще довольно характерно. Как правило, они расположены на левой половине тела (левая рука, левая нога, левая сторона груди). В меньшем проценте случаев наблюдаются самоповреждения лица, шеи и живота. Встречаются иногда и комбинированные самоповреждения конечностей и туловища; в этих случаях они представляют ряд беспорядочно разбросанных поверхностных повреждений мягких тканей.

На основании изучения большого количества литературных источников и анализа собственных наблюдений, мы приходим к следующим выводам.

1. При расследовании дел, когда возникает подозрение о симуляции, ведущий расследование должен тщательно проанализировать не только версию потерпевшего, но также и другие версии, возможность которых возникает в связи с обстоятельствами дела, уделяя особое внимание осмотру места происшествия, обнаружению вещественных доказательств и свидетельским показаниям.

2. Опыт показывает, что при расследовании дел с подозрением на симуляцию громадная, нередко ведущая роль принадлежит криминалистической экспертизе вещественных доказательств и судебно-медицинской экспертизе. Это обстоятельство диктует необходимость своевременного изъятия вещественных доказательств и направления их в соответствующие криминалистические учреждения. Криминалистическая и судебно-медицинская экспертизы должны быть проведены немедленно, в первых же стадиях следствия. При осмотре и исследовании предметов одежды и обуви особое внимание должно быть обращено на а) месторасположение повреждений, б) величину повреждений и их особенности.

3. В криминалистическом отношении чрезвычайно важно установить соответствие (или несоответствие) повреждений кожи и мягких тканей по их величине, конфигурации и месторасположению повреждениям одежды и обуви.

4. Для расследования большое значение представляет установление хронологии нанесения повреждений.

5. При допросе «потерпевших» и судебно-медицинском их исследовании следует обратить внимание на

а) несоответствие рассказа потерпевшего о причинах и механизме повреждений их характеру и особенностям,

б) установление несоответствия между характером повреждений и течением их заживления.

6. Обязанностью ведущего расследование является установление механизма нанесения повреждений и определение рода оружия или средства, которыми причинены повреждения.

7. Как правило, самоповреждения относятся обычно к разряду легких, неопасных для жизни телесных повреждений, однако наличие тяжелого телесного повреждения не исключает еще возможности версий симуляции.

8. Нельзя забывать про необходимость в отдельных случаях проведения судебно-психиатрического исследования подозреваемых в симуляции, что гарантирует распознавание психопатологических моментов в нанесении самоповреждений, что в свою очередь в ряде случаев дает правильную ориентировку расследованию.

ВЛ. ГРОМОВ

с/д 10-38

О некоторых ошибках и искривлениях в следственной работе

В практике прокурорской работы зачастую приходится встречаться с неудовлетворительным расследованием дел о должностных и хозяйственных преступлениях.

В чем же, спрашивается, дело? Почему же у нас еще значительное количество законченных следственных дел о преступлениях указанных категорий оказывается «недоброкачественными», почему часто такие дела, прекращаемые следователями, возвращаются нередко к доследованию — для привлечения виновных, а направляемые с обвинительными заключениями прекращаются или также возвращаются для производства дополнительного расследования? Где корни и истоки этих явлений и в чем кроются причины дефектных расследований по делам о должностных и хозяйственных преступлениях?

Исходя из мысли о том, что всякая теория лучше всего проверяется практикой, я попробую ответить на поставленные выше вопросы на основе краткого изложения нескольких конкретных дел, прошедших через Прокуратуру Союза в недавнее время.

При рассмотрении в порядке надзора следственных дел, путем тщательного и глубокого анализа каждого отдельного дела, приходится нередко обнаруживать весьма разнообразные дефекты следствия как в виде серьезных процессуальных нарушений, так и крупных недочетов методического порядка. Такой анализ в результате почти всегда выявляет какой-либо определенный, если можно так выразиться, профиль данной следственной работы, обнажая кривизны этого профиля, то есть все отдельные типичные отклонения от норм, все ошибки и извращения, допущенные следователем в процессе исследования данного преступления. Правда, не всегда при этом удается сделать точные и четкие выводы о причинах тех или других дефектов данного следственного производства и объяснить безошибочно «этиологию» обнаруженных процессуальных нарушений, крупных методических ошибок и явных извращений революционной законности. Однако опыт изучения следственной работы по однородным делам дает основание сделать два бесспорных, на мой взгляд, вывода: 1) причины дефектной работы следствия и гру-

бейших типичных «ошибок», обнаруживаемых в следственных делах о должностных и хозяйственных преступлениях, — да и в делах о преступлениях других категорий, — кроются весьма часто не только в недостаточной криминалистической грамотности следственно-прокурорских работников и в их слабой квалификации, но зачастую и в сознательной небрежности и недобросовестном отношении их к делу расследования этих преступлений, и таким образом истоки, питающие корни такой работы, надо искать прежде всего в характеристике самого следователя, в его личных качествах, в его психологии и его общей политической и правовой культуре и 2) следовательно, ответственность за подобные дефекты должна всецело падать персонально на следователя или наблюдающего за следствием прокурора и при том не как за «ошибки», а как за небрежные и недобросовестные или явно незаконные действия по расследованию преступлений.

Я не берусь исчерпать изложенными ниже примерами все разновидности наиболее типичных ошибок следственной работы и грубых извращений, допускаемых следователями в этой работе, а укажу на наиболее яркие случаи только таких расследований, которые повлекли или могли повлечь за собой тяжелые последствия и не только дискредитировать общую работу органов расследования по борьбе с преступлениями, но и вредно отразиться на общем деле социалистического строительства.

В одной из автономных республик РСФСР органами уголовного розыска производилось расследование о должностных злоупотреблениях, обнаруженных в местном отделе капитального строительства связи. По делу был собран большой доказательственный материал, изобличивший ряд должностных лиц в злоупотреблениях при производстве работ на строительстве связи: трех прорабов, одного десятника, двух инженеров и двух бухгалтеров.

Одному из прорабов вменялись в вину действия, которые имели вредительский характер; кроме того прораб этот изобличался в совершении подлогов и мошенническом обмане рабочих, которых он обсчитывал, присваивая часть при-

читающей им зарплату и используя в личных выгодах/получавшиеся для рабочих и их семей продукты. Наконец, расследованием было установлено, что тот же прораб явно «антисоветскими высказываниями» в разговорах с рабочими настраивал последних враждебно в отношении строительства, заставляя их бросать работу и уходить в другие места в поисках заработка, что также оказывало вредное влияние на ход и темпы производившихся на строительстве работ. В отношении одного инженера и двух прорабов выяснилось участие их в хищениях строительных материалов и в получении денег из конторы строительства по подложным документам, составленным при обмерах работ. Лица инженерно-технического персонала, возглавлявшие строительство, изобличались в недобросовестном отношении к вверенному им делу и нарушениях финансово-бюджетной дисциплины, а бухгалтера — в содействии сокрытию злоупотреблений с помощью запутанности бухгалтерских книг и документов. Убытки, причиненные строительству действиями обвиняемых, исчислялись в десятках и сотнях тысяч рублей.

Ввиду сложности этого дела и участия в совершении злоупотреблений ряда ответственных работников инженерно-технического персонала, ОУР вполне правильно направил материалы расследования для производства дальнейшего следствия и возбуждения против виновных уголовного преследования местному горпрокурору, а последний передал дело следователю.

Казалось бы, что такой материал дела давал полное основание следователю к производству в срочном порядке предварительного следствия. Между тем следователь продержал у себя это дело без всякого движения в течение 5½ месяцев, не произведя ни одного следственного действия, а затем в связи с назначением этого следователя на прокурорскую работу передал дело другому следователю, указав ему на необходимость «предварительно произвести по делу бухгалтерскую экспертизу». Но и этот следователь не только не произвел экспертизы, но, продержав дело «под сукном» еще 7½ месяцев и также совершенно ничего не сделав по делу, составил короткое постановление о прекращении дела, мотивируя это, вопреки точным и ясным указаниям УПК об основаниях к прекращению уголовного преследования, — тем, что «бухгалтерская и техническая экспертиза по этому делу не может быть эффективной при наличии хаоса в учреждении (?), а виновники преступления скрылись неизвестно куда» (?). Нужно отметить при этом, что в деле не имеется никаких переписок, которые указывали бы, что следователь делал хотя бы какие-либо попытки установить местопребывание обвиняемых или принимать меры к розыску их в установленном процессуальным законом порядке. Между тем во время производства расследования по этому делу органами ОУР все «подозреваемые» были найдены, допрашивались и давали подробные объяснения.

Таким образом, добросовестная и сложная работа органов ОУР, раскрывших преступление и установивших личности виновников, пропала даром, и исключительно крупное дело о преступлении осталось бы лежать как прекращенное, если бы... в Прокуратуру СССР не поступила от Финансово-бюджетной инспекции НКФ жалоба о

том, что ряд возбужденных по материалам инсpection в последние два года уголовных дел в прокуратуре данной автономной республики неосновательно прекращены. Прокуратура СССР, рассмотрев это дело в порядке надзора, возвратила это дело для доследования.

Представим себе, что со стороны заинтересованного учреждения не поступило бы жалобы, и дело, прекращенное следователем по указанным незаконным основаниям, осталось бы навсегда лежать в архивах прокуратуры. Что получилось бы в результате? Если вдуматься глубже в существо дела, то не трудно предугадать те последствия, которые повлекло бы за собой прекращение этого дела по вине следственно-прокурорских работников, легкомысленно пожелавших «отмахнуться» и «увильнуть» от большого и сложного дела и не считавших своей обязанностью доделать хорошую и добросовестную работу органов ОУР. Используя отсутствие бдительности этих работников следствия, восемь ловких «специалистов», вредителей и расхитителей социалистической собственности, благополучно успели разбогатеть по городам и весям нашей великой родины, легко нашли себе другую работу на строительных, где так ценят кадры специалистов, и продолжают спокойно вести свою если не вредительскую, то хищническую работу. Узнав о прекращении их дела, они вполне убеждены уже «по опыту» в том, что они останутся и здесь безнаказанными за всякие свои преступные должностные действия благодаря... легкому отношению следственных властей к делам, по которым требуется разобраться в сложных вопросах бухгалтерской и технической экспертизы.

Едва ли нужно при этом предугадывать и те огромные материальные убытки и потери, которые в дальнейшем могут последовать для общего дела нашего социалистического строительства — при подобной «акции» со стороны следственно-прокурорских работников по большим делам о должностных и хозяйственных преступлениях.

Еще более разительные ошибки, но уже другого «типа», наблюдаются и в других делах тех же категорий.

По материалам, поступившим в прокуратуру одной из автономных республик, было начато следствие по делу о злоупотреблениях, обнаруженных в аппарате крупного по оборотам фруктосоварочного завода. Старшим следователем этой прокуратуры за 3—4 месяца работы был собран довольно большой доказательственный материал на должностных лиц завода: допрошен ряд свидетелей, произведены две бухгалтерских экспертизы и приобщено к делу много документальных материалов по отчетности завода и проч. На основании данных следствия по делу были привлечены в качестве обвиняемых бывший директор завода Д., заведующий техснабом управления местной промышленности и 5 реализаторов продукции завода, из них — первый по ст. ст. 109, 111 и 116 УК, а остальные по 116 УК.

Допросив указанных лиц в качестве обвиняемых уже в заключительный момент следствия, следователь, производивший следствие, убоявшись предстоящей ему большой и сложной работы по проверке обширных и детальных объяснений обвиняемых, поспешно направил дело в областной суд с обвинительным заключением,

причем, чтобы избежать, очевидно, необходимо-го анализа и тщательной обобщающей оценки многочисленных конкретных фактов, накриминируемых главному обвиняемому — директору завода Д., в описательной части обвинительного заключения ограничился голым перечнем этих фактов в 24 пунктах (?), не указав даже на листы дела, на которых изложен доказательственный материал, подтверждающий те или другие пункты обвинений. Утвержденное помощником прокурора республики, это обвинительное заключение было направлено в областной суд для назначения к слушанию. Однако через месяц после этого дело было из областного суда затребовано прокуратурой республики — в связи с поступившими от обвиняемых заявлениями и объяснениями по существу предъявленных им обвинений. Что сделано было прокуратурой республики в связи с этими заявлениями обвиняемых, оставалось неизвестным, а когда в Прокуратуру СССР поступила жалоба от главного обвиняемого бывшего директора Д., то из материалов затребованного дела было видно, что прокуратура АССР направила дело уже в Верховный суд АССР, но... с тем же обвинительным заключением, с которым оно было в первый раз направлено в областной суд. Причем из находившихся при деле переписок было только видно, что до направления дела в Верховный суд были допрошены три новых свидетеля и передопрошен (хотя неизвестно, где и кем) указанный обвиняемый директор завода Д. Казалось на первый взгляд, как будто и здесь все сравнительно благополучно: прокуратура автономной республики признала дело получившим правильное и законное направление и отправила дело в подлежащий суд для судебного разбора.

Между тем в жалобе, поданной в Прокуратуру СССР указанным обвиняемым Д., сообщались такие необычные факты о движении этого дела в период нахождения его в прокуратуре автономной республики, которым трудно было бы поверить, если бы они не подтверждались документами, представленными обвиняемым.

Обвиняемый при своей жалобе представил солидную пачку документов и объяснил, что после допроса его следователем при окончании следствия он, обвиняемый, представил к делу эти документы как материал, опровергающий основные 12 пунктов предъявленного ему обвинения. На основании этих документов, как заявил обвиняемый, помощник прокурора этой автономной республики составил постановление о прекращении этого дела, о чем ему, обвиняемому, и было объявлено, но затем «ввиду нажима на прокуратуру со стороны секретаря обкома и горкома», — прокуратура отменила это постановление; причем его, обвиняемого, вызвали в прокуратуру и потребовали, чтобы он вернул выданное ему в копии постановление о прекращении дела (?), и в то же время возвратили ему все документы, которые он представил в опровержение предъявленных ему обвинений и на основании которых было прекращено дело (?).

Можно было бы усомниться в правдивости сообщенных обвиняемым Д. в его жалобе фактах, так как никаких справок и постановлений о том, что это дело прекращалось по постановлению прокуратуры и что обвиняемому вернули какие-то имеющие отношение к делу документы, в деле не было, но обвиняемый при жалобе

представил копию с копии постановления прокуратуры о прекращении дела, которую он вполне правильно и предусмотрительно успел засвидетельствовать нотариальным порядком, прежде чем возвратит прокуратуре затребованную от него обратно копию постановления.

Едва ли нужно доказывать, что в данном случае был допущен со стороны прокуратуры автономной республики ряд уже явно незаконных действий с нарушением при этом прав и гарантий интересов обвиняемого: дело было направлено в недоследованном виде с сырым, непроработанным материалом при дефектном обвинительном заключении, затем по истребовании дела из областного суда и по получении от обвиняемого ряда существенно важных документов, опровергающих значительную часть обвинений против Д., дело было прокуратурой прекращено, после чего по неизвестным причинам (возможно, что действительно «по нажиму» местных партработников), постановление о прекращении дела «домашним» порядком было изъято из дела, у обвиняемого была отобрана выданная ему копия постановления о прекращении его дела и, наконец, «принудительно» возвращены ему представленные им доказательственные материалы-документы, а дело направлено в суд со старым обвинительным заключением, как будто у прокуратуры не было никаких новых данных, подлежащих проверке следователем, причем все произведенные прокуратурой указанные незаконные «операции» по делу были скрыты без оформления их соответствующими актами и, естественно, могли бы только быть обнаружены при судебном разборе дела, когда обнаружилось бы, что дело слушать нельзя и что для проверки объяснений обвиняемого и представленных им существенно-важных для дела доказательств дело (через год после возбуждения следствия!) необходимо вернуть для доследования. Какое впечатление на обвиняемых и на общественность произвели бы установленные на суде факты извращения революционной законности со стороны следственно-прокурорских работников, и на какой срок еще затянулось бы расследование по делу о злоупотреблениях на одном из крупных фруктово-варочных заводов нашей страны — ясно само собой.

Подобного рода ошибки в следственно-прокурорской работе, естественно, свидетельствуют о том, что эти работники не только допускают явную небрежность при расследовании дел, но и прибегают к недопустимым приемам оценки и проверки доказательств, подпадая при этом, вопреки указаниям Сталинской Конституции (ст. 117) под влияние местных организаций.

Аналогичные явные нарушения революционной законности имели место и в органах одной из областных прокуратур РСФСР.

По делу, возбужденному прокуратурой по сигналам общественных организаций и жалобам рабочих Д-ской районной стройконторы, был привлечен к следствию в качестве обвиняемого заведующий этой конторой, которому вменялись в вину факты беспланового и бессметного строительства и, помимо нарушений правил сметно-финансовой дисциплины, злоупотребления, связанные с накоплением задолженности по строительству и невыплатой зарплаты рабочим. Убыток, причиненный строительству действиями обвиняемого, исчислялся в 130 тыс. руб.

а задолженность рабочим по зарплате за последние месяцы достигала 42 тыс. руб., причем действия обвиняемого, как указывалось при следствии, вызвали неоднократно даже «возмущения рабочих».

По окончании следствия дело это было направлено следователем в народный суд с обвинительным заключением о предании заведующего стройконторой суду по ст. 109 УК. Обвинительное заключение, составленное вполне убедительно и обоснованное доказательствами, добытыми при следствии, было предварительно утверждено райпрокурором и согласовано с областной прокуратурой.

Однако через несколько дней после этого дело из народного суда было затребовано облпрокурором, у которого оно пролежало без движения в течение 3 месяцев, а затем по распоряжению областной прокуратуры старшим следователем этой прокуратуры тов. Ш. дело было прекращено на основании ст. 8 УК, так как «к настоящему времени, — пишет следователь к своему краткому постановлению о прекращении дела, — преступление обвиняемого в значительной мере потеряло характер общественно-опасный», а выше в мотивировочной части этого же постановления указывается, что «исп. об. зам. облпрокурора М. наложил резолюцию (?) о том, что дело подлежит прекращению, а нач. следственного отдела К. наложил резолюцию: ст. следователю т. Ш. — вынесите постановление о прекращении согласно предложению тов. М.» (?). По какому поводу это дело было затребовано из народного суда облпрокуратурой, почему оно пролежало без движения в течение трех месяцев и по каким основаниям этой прокуратурой уже было передано старшему следователю с предложением прекратить его, из следственного производства не видно. Это дело, как и описанное выше, также осталось бы прекращенным по каким-то непонятным и «загадочным» основаниям, если бы в Прокуратуру СССР не поступило сообщение райпрокурора, наблюдавшего за производством следствия по этому делу и утвердившего по нему обвинительное заключение. Заявляя «категорический протест» против незаконного прекращения дела, этот райпрокурор сообщает, что по имеющимся у него сведениям поводом к прекращению дела послужило какое-то «ходатайство местных организаций».

Едва ли нужно доказывать явную незаконность действий облпрокуратуры и старшего следователя, прекративших это дело «кейным» порядком. Если в облпрокуратуру поступило «ходатайство местных организаций» о прекращении дела, это ходатайство должно было быть приобщено к делу: поводы и основания, изложенные в этом ходатайстве, подлежали обсуждению со стороны облпрокуратуры, а соответствующее разрешение этого ходатайства должно было быть оформлено в виде постановления облпрокурора с указанием оснований к дальнейшему направлению дела в суд или прекращению его. Старший следователь Ш. также не имел права, без рассмотрения следственного материала по существу, по одной немотивированной резолюции выполнить предложение прокурора о прекращении дела, тем более, что в данном случае преступление обвиняемого даже не могло быть подведено под ст. 8 УК и признано «потерявшим общественно-опасный характер»... только

потому, что оно пролежало без движения неизвестно по каким причинам в течение трех месяцев у облпрокурора.

При рассмотрении этого дела в порядке надзора было между прочим отмечено, что в числе инкриминируемых обвиняемому действий ему вменялось в вину производство за счет средств стройконторы незаконных расходов на нужды представителей местных организаций — на ремонт квартиры для председателя райисполкома «по договоренности» с последним и на другие ремонтные работы на квартирах работников райкома ВКП(б), всего на сумму 16 000 руб. Неудивительно, что какие-то заинтересованные «местные организации» вмешались в это дело и пытались повлиять на облпрокурора, чтобы добиться прекращения дела. А между тем, облпрокурору должно было быть известно, что прекращение уголовных дел не по основаниям, указанным в УПК, а лишь «по ходатайствам местных организаций», как и вообще в силу каких бы то ни было «местных влияний», является само по себе актом противозаконным, противоречащим, как выше указано, основным положениям Конституции.

О последствиях, которые могло иметь прекращение этого дела, говорить много не приходится. Достаточно представить себе, какое впечатление произвело бы прекращение без суда этого дела на общественные организации, которые до этого в печати били в набат по поводу безответственного разбазаривания на строительство государственных средств, и что сказали бы рабочие, которые писали жалобы на незаконную невыплату им зарплат и месяцами голодали по вине злоупотреблявшего своим служебным положением хозяйственника, угождавшего, в ущерб их интересам, лишь только влиятельным представителям местной власти.

Трудно в журнальной статье исчерпывающе описать все разновидности ошибок, которые допускались нередко до последнего времени в следственно-прокурорской работе по делам означенных выше категорий преступлений. Вместе с тем не хотелось бы обойти молчанием и еще одного типа ошибок в работе по одному весьма любопытному делу другой категории преступлений, сущность которого заключается в следующем:

Народный следователь одного из районов автономной республиканской прокуратуры Т. получил с утра сообщение, по которому он должен был срочно выехать в район для осмотра и судебно-медицинского вскрытия трупа. Следователь отправляется, как он потом объяснял, найти подводу для поездки, но, встретившись с двумя знакомыми колхозниками, зазывает их к себе на квартиру, где выпивают соответствующее количество водки, после чего он отправляется прогуляться и заходит тоже к знакомому колхознику, где опять выпивает. А так как к вечеру следователь уже достаточно нагрузился, то решил «проветриться», пошел прогуляться за город и каким-то образом около часу ночи оказался на дворе при доме местной амбулатории, находящейся за окраиной города. В это время после ночной сверхурочной работы из амбулатории вышли двое ветеринарных работников Г. и Д., которые спросили неизвестного им выпившего человека, кто он такой и зачем пошел сюда и хотели задержать его. Вместо ответа, следователь

Т. стал отбиваться, хулиганил, и когда Г. и Д. повели его в милицию, он вырвался и убежал, а затем, пока один из ветеринарных работников уходил во двор, посмотрел лошадей. Т. вновь вернулся к дому амбулатории, разбил окно в квартире врача и продолжал ругаться, крича, что здесь в доме находится его жена, а когда Г. и Д. ввели его в квартиру врача, где оставались дети врача с домашней работницей, которые сказали, что они совсем не знают неизвестного, Т. продолжал хулиганить, ввиду чего Г. и Д. вывели Т. из квартиры и связали его, чтобы отправить в милицию. Тогда Т. стал кричать, что он следователь. Д. посмотрев находившийся при Т. документ — комсомольский билет, заявил Т., что они не верят ему. В это время как раз вернулся домой на лошади врач, который, узнав о происшедшем, положил связанного Т. на сани и вместе с Д. отвез его в милицию, где Т. также продолжал хулиганить, ругая находившихся здесь милиционеров. Дежурный по милиции сообщил по телефону об этом происшествии райпрокурору, который, прибыв в милицию, приказал освободить Т. и увез пьяного хулигана с собой на квартиру. На утро в райпрокуратуру поступило заявление врача, который, описав все изложенное выше, просил привлечь следователя Т. к ответственности за хулиганство.

Тем же райпрокурором, который вручил накануне из такого неприятного положения своего следователя, было произведено следствие, и хотя обстоятельства дела, как они изложены выше, были подтверждены как показаниями задержанных хулигана ветеринарных работников Г. и Д., так и других свидетелей из семьи врача, однако в результате расследования оказались привлеченными в качестве обвиняемых — не следователь хулиган, а... задержавшие его двое ветеринарных работников Г. и Д. Им было предъявлено обвинение по ст. 110 ч. 2 УК (?) в том, что они незаконно задержали Т., с применением к нему насилия!

Ясно, что предъявление такого «смехотворного» обвинения в должностном преступлении привлеченным обвиняемым было вызвано со стороны производившего следствие райпрокурора не результатами объективного расследования, а лишь личным усмотрением этого райпрокурора, очевидно, желавшего спасти честь своего товарища по профессии, понавшего «по пьяной лавочке» в грязную историю.

Едва ли нужно дополнять изложение этого казуса картиной, которая прошла бы перед судом и общественностью, если бы потерпевшие Г. и Д. предстали перед судом как обвиняемые, и какие выводы о следственно-прокурорских работах могли бы сделать присутствовавшие на суде граждане из состава местного населения, если бы своевременно это дело не было по жалобе «обвиняемых», рассмотрено Прокуратурой СССР, которая возвратила его к доследованию с соответствующими указаниями на недопустимость подобных методов следственной работы.

И еще один любопытный казус, хотя несколько иного типа, чем описанные выше. В прокуратуру одной из автономных республик поступила жалоба бывшей фельдшерки местного диспансера Ж., в которой жалобница сообщила, что директор этого диспансера пытался склонить ее к половому сожительству с ним, а

так как она не соглашалась на это, то он «стал придирается к ней по работе», а затем без всякой вины с ее стороны уволил ее с работы якобы «за самовольную отлучку со службы». Через несколько месяцев после подачи жалобы потерпевшая Ж. явилась в прокуратуру узнать о результате расследования по ее жалобе и получила ответ от прокурора, что дело это прекращено. На вопрос жалобницы, обращенный к прокурору: «Как же вы прекратили мое дело, когда вы меня даже не допросили и не допросили моих свидетелей?», — прокурор ответил: «За вас мы этого директора диспансера судить не можем; он — хороший специалист, а специалистов мы не судим».

Когда потерпевшей была подана затем в Прокуратуру СССР жалоба о неправильном прекращении этого дела с изложением указанных выше переговоров с прокурором, можно было бы усомниться в правильности подобного заявления потерпевшей о таком «обмене мнений» прокурора с потерпевшей. Но когда дело это по телеграфу было затребовано в Прокуратуру СССР, то оказалось, что действительно жалоба потерпевшей, поданная в областную прокуратуру на незаконные действия директора диспансера, оставалась без всякого движения и дело числилось как бы прекращенным, и только уже после телеграфного запроса Прокуратуры СССР о высылке дела облпрокуратура «поспешила» заняться этим делом и наскоро произвела необходимые следственные действия. Хотя дело это в конце концов и было правильно прекращено за недостаточностью доказательств против обвиняемого директора диспансера, но ясно, что прокуратура своими незаконными «бездействиями» уже дискредитировала себя в глазах потерпевшей.

Подобное отношение к жалобам, подаваемым потерпевшими в прокуратуру, конечно, является нетерпимым.

Если мы попробуем теперь дать оценку указанных выше действий следственно-прокурорских работников с точки зрения требований процессуального закона, то должны будем признать, что описанные выше нарушения революционной законности ни в каком случае нельзя признать «ошибками» или невинными «промахами», допущенными по незнанию и неопытности.

Прекращение следственного производства, содержащего большой доказательственный материал по серьезному делу о вредительстве и хищениях, после длительной волокиты и полного бездействия в течение года и притом по основаниям, не указанным в УПК, равносильно незаконному присвоению себе органами прокуратуры не принадлежащего им права на амнистию и граничит с произволом.

Уклонение от проверки представленных обвиняемым документов и направление в суд заведомо недоброкачественного следственного материала является не чем иным, как явно недобросовестным отношением к делу, соединенным с нарушением законных прав и интересов обвиняемых, а сокрытие или изъятие при этом из дела официально поступивших по делу заявлений или составленных по делу постановлений, хотя бы признающих ошибочными и подлежащими отмене, является по существу подлогом.

Отмечая и оценивая указанные выше «казусы»

как факты, дискредитирующие низовые органы прокуратуры, мы не можем успокаиваться на том, что подобного рода незаконные действия следственно-прокурорских работников, доходя тем или другим путем до сведения высших надзорных органов прокуратуры, получают должную оценку, и все искривления профилей в следственной работе так или иначе выпрямляются, а возможные вредные последствия этих беззаконий ликвидируются.

Мы не должны также забывать, что подобного рода недопустимые нарушения революционной законности в уголовных делах не все своевременно доходят до высших инстанций, а некоторые остаются лежать застывшими в мертвых документах архивов прокуратур со всеми их вредными последствиями для интересов как прикосновенных к делам лиц, так и государства.

В то же время нельзя поручиться за то, что среди таких нарушений по делам, незаконно прекращенным или, наоборот, возбужденным против невиновных лиц, не могут обнаружиться и такие, к которым приложили свою руку враги народа. На страницах «Социалистической законности» уже указывались случаи, когда в ряды следственно-прокурорских работников пробирались и «подбирались» по признакам «идейной»

близости и кумовства политически непроверенные люди.

Отсюда — один организационный вывод, который должны, мне кажется, сделать для себя руководители наших областных и республиканских прокуратур: контроль за производством следствий нужно не только производить на основе критерия формальных процессуальных требований, нарушения которых отмечаются в работе низового аппарата райпрокуратур, но и сочетать этот контроль с проверкой личных качеств и персональных характеристик тех работников, следственные дела которых проходят через органы областного и республиканского надзора прокуратуры. Только при таких методах контроля можно разграничить в следственно-прокурорской работе случайные ошибки и простительные промахи от небрежных, недобросовестных и сознательных и явно вредных искривлений в этой работе.

На органы прокуратуры Сталинской Конституцией возложены высокие и ответственные задачи по наблюдению за революционной законностью, выполнение которых, естественно, может быть поручаемо только таким работникам, от которых более, чем от кого-либо другого, помимо их политической зрелости, требуется и ряд личных качеств морального порядка.

С. ГЛИКМАН

О квалификации телесных повреждений¹

Многообразные явления жизни невозможно математически точно распределить по отдельным категориям. Не представляется возможным математически точно распределить по статьям Уголовного кодекса все конкретные случаи телесных повреждений. Бывает немало «пограничных» случаев, о которых врачи высказываются разное, и кто из них прав, иногда решить нелегко.

Законодатель не может перечислить все возможные случаи телесных повреждений и сказать: «Вот эти случаи относятся к ст. 150 Уголовного кодекса, а эти — к ст. 147, а вот эти — к ст. 146». Законодатель поневоле вынужден дать только общие облики категорий повреждений, прибегая к общим выражениям: «тяжкое повреждение», «расстройство здоровья менее тяжкого характера» и т. п. Если бы законодатель пожелал конкретизировать все возможные случаи, то многие статьи Уголовного кодекса выросли бы до исполинских размеров, причем цель все же не была бы достигнута.

Но мы, эксперты, все же должны иметь руководящие принципы для подведения каждого случая под ту или другую статью кодекса. Такие руководящие принципы создаются путем обобщения, индуктивным путем. Они создаются из нашего личного опыта, из ознакомления с соответствующей литературой, из устных и печатных дискуссий, из экспертиз в судебных заседаниях, из решений различных судебных инстанций и т. п.

Ст. 146 Уголовного кодекса УССР гласит:

«За умышленное тяжкое телесное повреждение, повлекшее за собою потерю зрения, слуха, речи или полное нарушение функций какого-либо иного органа, неизгладимое обезображение лица, душевную болезнь или полное расстройство здоровья — лишение свободы на срок до...»

Какого характера разумеется здесь «иное расстройство здоровья»? Конечно, здесь разумеется расстройство здоровья значительное. Ведь оно числится в той же статье, где числятся столь серьезные повреждения, как полная потеря зрения или душевная болезнь. И действительно, редакция той же ст. 146 1927 г. заканчивалась словами: «или иное тяжкое (курсив мой. — С. Г.) расстройство здоровья».

Почему законодатель исключил из новейшей редакции слово «тяжкое»? Быть может, потому, что он счел излишним повторять это слово, поскольку оно уже имеется в начале ст. 146.

Полагаю, что обе редакции (как 1927 г., так и новейшая) не вполне точны. Я считаю, что было бы правильно указать не просто «иное расстройство здоровья», а: «или иное тяжкое расстройство здоровья» (т. е. так, как было в редакции 1927 г.), но зато в начале статьи (в отличие от редакции 1927 г.) слово «тяжкое» выбросить. Тогда получится: «За умышленное телесное повреждение, повлекшее за собою потерю зрения, слуха, речи или полное нарушение функций какого-либо иного органа, неизгладимое обезображение лица, душевную болезнь или иное тяжкое расстройство здоровья...»

Возможна и такая редакция: «За умышленное тяжкое телесное повреждение, а именно за пов-

¹ В порядке обсуждения.

реждение, повлекшее за собою потерю зрения, слуха, речи или полное нарушение функции какого-либо иного органа, неизгладимое обезображивание лица, душевную болезнь или иное тяжелое расстройство здоровья.

Мы считаем не вполне удовлетворительной даже новейшую редакцию статьи, потому что в ее начале имеются слова: «Тяжкое телесное повреждение, повлекшее за собою потерю зрения, слуха, речи...» И может возникнуть вопрос: «Значит, бывают и такие тяжкие повреждения, которые не влекут за собою ни потери зрения, ни потери слуха, ни душевной болезни, ни иного расстройства здоровья? Под какую же статью УК можно подвести подобные «тяжкие» повреждения?»

Приближение к такому толкованию уже есть. В «Правилах для составления заключений о тяжести повреждений» (утвержденных НКЗ и НКЮ РСФСР 27 января 1928 г.) говорится:

«К тяжким повреждениям следует отнести такие, которые по характеру своему опасны для жизни и ли (курсив мой.—С. Г.) повлекли за собою полную потерю функции важного какого-либо органа, как зрения, слуха, руки, ноги, производительной способности, неизгладимое обезображивание лица, душевную болезнь или иное расстройство здоровья, соединенное с потерей трудоспособности не ниже одной трети».

Следует обратить внимание на слово: «или». Значит, достаточно повреждению быть опасным для жизни, чтобы оно было признано тяжким и отнесено к ст. 146 УК, хотя бы оно не повлекло за собой ни потери зрения, ни потери слуха, ни потери руки, ни душевной болезни, ни иного серьезного расстройства здоровья. По видимому, так понимает дело автор комментария, но с таким толкованием нельзя согласиться.

Такая неправильная квалификация (подведение под ст. 146 УК по одному только признаку — опасности для жизни — без серьезных последствий для пострадавшего) является, по видимому, результатом преклонения многих экспертов перед статистикой.

Возьмем для примера ножовое проникающее ранение живота. Известно, что ранения живота с повреждением кишечника или желудка и даже без этого, если пострадавший в первые же часы после ранения не оперирован, в огромном числе случаев ведут к смерти. И вот, под гипнозом статистики судебный эксперт подводит всякое проникающее ранение живота, как опасное для жизни, под статью тяжких повреждений, т. е. под ст. 146. Но ведь эксперт должен решать каждый случай конкретно. Если от ранения этого рода умирает, скажем, 80%, но если раненый Иванов выздоровел без серьезных последствий для здоровья, то имеется ли реальное основание с уверенностью считать данное конкретное ранение опасным для жизни? И если даже считать это ранение опасным для жизни, то все же на каком основании мы можем квалифицировать данное повреждение по ст. 146 (тяжкое повреждение), если кишечных спаек не образовалось, если потерпевший не испытывает болей или они ничтожны, если прозенный кишечник занял без всякого сужения или с ничтожным сужением? Во многих случаях приходится относить проникающие ранения живота к менее тяжким повреждениям, а бывают

и случаи, когда ранение живота, проникающее в полость брюшины (без повреждения брюшных органов), можно квалифицировать как легкие повреждения.

Если хирургу надо решить, к какому методу оперирования прибегнуть, он заглядывает в статистику, чтобы узнать какой метод, *ceteris paribus*, дает наилучший процент успешности, но к судебной-медицинской экспертизе статистика очень мало применима: здесь приходится давать заключения по конкретным случаям.

Циркуляр НКЗУ за № 51 от 23 апреля 1924 г. гласит: «Врачу, производящему исследование повреждений, предоставляется право высказать свое мнение в определении повреждений согласно Уголовному кодексу, если врач не имеет в этом отношении никаких сомнений. Даже желательнее, чтобы заключение врача совпало — особенно в делах о более сложных повреждениях — с разделением повреждений по Уголовному кодексу УССР, но суд требовать этого от врача не может, и врач, в случае не находил бы для подобного ответа достаточных научно-медицинских обоснований, может от такого определения отказаться, так как в самом Уголовном кодексе не приводится никаких данных для такого разделения».

Но возникает вопрос, следует ли в таких случаях врачу пользоваться своим правом отказаться от определения? Понятия «тяжкое повреждение», «менее тяжкое», «легкое» — суть понятия не чисто медицинские и не строго научные. Они созданы для практических целей юстиции. Но если врач не возьмется подвести повреждение (хотя бы не категорично, а только с большим или меньшим вероятием) под ту или другую статью закона, то кто же это сделает? Случай, когда врачу трудно дать категорический ответ, легко могут оказаться совсем непосильными для работника юстиции, не имеющего специальных медицинских знаний.

Если врач не может решить, отнести ли данный случай к ст. 146 или к ст. 147, то пусть он скажет об этом и даст полную наглядную картину повреждения и сопровождающих его явлений. Если возможно, то пусть врач скажет, что по его мнению правильнее в виду таких-то и таких-то соображений отнести данный случай к ст. 146, а не к ст. 147 (или наоборот). Такие заключения, хотя и не категорические, весьма полезны работникам юстиции. Судья, следуя своему убеждению, вправе превратить вероятность в достоверность, или, напротив, совершенно отвергнуть эту вероятность. Судья вынужден так поступить силою вещей, так как он должен решить судьбу обвиняемого. Судье почти всегда приходится быть категоричным.

Возьмем еще такой случай. В не особенно злой драке ударом руки вышиблен зуб. Большинство экспертов считает, что выбитие одного зуба есть легкое повреждение. Но если зуб был единственным и если лишение этого зуба делает зубной протез менее устойчивым (лишая его бывшей опоры)? Не есть ли это нарушение функции органа (менее тяжкое повреждение)? Здесь мы имеем дело с пограничным случаем

¹ «Судебная медицина» Н. С. Бокариуса, изд. 1930 г., стр. 48.

между ст. ст. 147 и 150 Уголовного кодекса. В данном случае эксперт вправе дать следующее заключение:

«Повреждение относится к разряду легких. При этом следует заметить, что в данном случае лишение зуба делает более затруднительной установку протеза».

Можно высказаться и иначе, но нельзя возражать и против приведенной формулировки.

Что это дает судье?

Так как диапазон мер социальной защиты по ст. 150 Уголовного кодекса УССР немалый (до одного года лишения свободы), то судья может применить высокую меру — $1\frac{1}{2}$ —1 год, а не удовлетвориться 2—4 месяцами заключения или принудительными работами. В приведенном примере драка, как уже сказано, была не особенно злостная. Обвинявшийся не представляет большой социальной опасности, и потому в данном случае заключение врача, отвергнувшего здесь ст. 147, не идет в разрез с целью Уголовного кодекса — отлучать социально-опасных (ст. ст. 146 и 147) от малоопасных (ст. 150 и первая часть ст. 153).

Как в этом случае, так и во многих других «пограничных» случаях врач может своим заключением (умелым разъяснением) дать судье основание применить либо высшую меру социальной защиты по низшей статье Уголовного

кодекса, либо низшую меру социальной защиты по высшей (т. е. более серьезной) статье кодекса.

Мы уже говорили, что судья (и только судья, а не эксперт) вправе, руководствуясь «убеждением», превратить вероятность (особенно, если она велика) в достоверность, или, напротив, совершенно отвергнуть вероятность. Судья не может не притти к какому-нибудь решению: либо осудить либо оправдать. Но эксперту не следует брать на себя роль и ответственность судьи. Он обязан сказать судье то, что логически вывел из фактов, и если категорического заключения он дать не может, то он не только вправе, но даже обязан отказаться от дачи заключения, чтобы не вводить суд в заблуждение. В таких случаях эксперт вправе ограничиться вероятием. Если же нет логического основания даже для вероятия, то эксперту не следует высказываться даже за вероятие. Решать по «убеждению» — дело судьи, а не эксперта.

Желательно вместо терминов «легкие», «менее тяжкие» и «тяжкие повреждения» установить термины: «повреждения первой степени», «повреждения второй степени» и «повреждения третьей степени». Свидетельствуемые лица, большей частью не знающие, что за легкое повреждение полагается лишение свободы до 1 года, иногда крайне недовольны, когда эксперт квалифицирует полученные ими повреждения как «легкие», и нередко вступают в пререкания с экспертами.

ПЛЕТНИКОВ

Может ли считаться судившимся гражданин, получивший от суда предостережение при оправдательном приговоре¹

До конца 1924 г. уголовные кодексы союзных республик не знали предостережения как меры социальной защиты. Предостережение впервые появилось в Основных началах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, утвержденных президиумом ЦИК СССР 31 октября 1924 г. и опубликованных в СЗ СССР 1924 г. № 23, ст. 201.

Предостережение указано в «Основах» в числе мер социальной защиты судебно-исправительного характера в ст. 13, п. «н»). В ст. 28 «Основ» по поводу этой меры социальной защиты сказано следующее: «Если суд при вынесении оправдательного приговора усмотрит, что поведение подсудимого дает возможность опасаться совершения преступления в будущем, то судом может быть объявлено подсудимому предостережение». Так как лица, по суду оправданные, признаются не имеющими судимости (ст. 16 УК Груз. ССР, ст. 55 УК РСФСР), казалось бы, следует притти к заключению, что лицо оправданное, но получившее от суда предостережение, должно считаться не судившимся.

Однако на это возражают, ссылаясь на то,

что предостережение является мерой социальной защиты судебно-исправительного характера, и отсюда делают тот вывод, что применение этой меры опровергает значение оправдательного приговора и устраняет возможность признания такого человека не судившимся и реабилитированным.

В ответ на это умозаключение подобным аргументаторам надо поставить вопрос ребром: о каком приговоре мы имеем дело, с оправдательным или с обвинительным? Если человек оправдан, его надо считать несудившимся, а если предостережение равносильно наказанию, тогда и самый приговор нельзя считать оправдательным.

А между тем закон говорит именно об оправдательном приговоре. Смешанных же приговоров — оправдательно-обвинительных не знает ни теория, ни законодательство. Было такое время, когда процветал институт «оставления в подозрении», по советскому юристу недопустимо искать в законах нашей страны какой бы то ни было аналогии с позорным прошлым, какого-либо намека на чуждые советскому правосудию институты. Быть может, сторонники формального толкования закона и узкого догматизма склонны считать подобный приговор

¹ В порядке обсуждения.

обвинительным на том основании, что суд подверг подсудимого наказанию.

Таким образом, в настоящее время уже неудобно настаивать на том, что предостережение есть наказание или, по старой терминологии, «мера социальной защиты».

По мнению комментаторов Уголовного кодекса РСФСР профессоров Гернета и Трайнина «предостережение выражается в указании со стороны суда на ответственность, грозящую лицу в случае совершения им определенного преступления», «суд вправе выносить предостережение, не ожидая вступления приговора в законную силу, так как это предостережение является скорее мерой, выносимой в порядке определения суда, а не приговора, и лицо, считающее вынесение предостережения неосновательным, может обжаловать эту меру в частном, а не кассационном порядке»¹.

Хотя предостережение формально значит в числе мер социальной защиты судебно-исправительного характера, но условия его применения лишь при оправдательном приговоре не соответствуют природе мер социальной защиты судебно-исправительного характера вообще. На точном основании ст. 6 Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик «меры социальной защиты судебно-исправительного характера применяются лишь в отношении лиц, которые:

а) действуя умышленно, предвидели общественно-опасный характер последствий своих действий или сознательно допускали их наступление,

б) действуя неосторожно, не предвидели последствий своих действий, хотя и должны были их предвидеть, или легкомысленно надеялись предотвратить таковые последствия».

Из этой формулировки явствует, что для применения мер социальной защиты судебно-исправительного характера необходимо умышленное или неосторожное общественно-опасное действие, между тем предостережение не назначается ни за то, ни за другое действие и является не результатом прошлого, а рассчитано на будущее, оно «объявляется», «определяется» судом не за содеянное умышленное или неосторожное действие, а лишь тогда, когда есть основание опасаться совершения подобного в будущем. Разница огромная, отнюдь не в пользу признания предостережения мерой социальной защиты судебно-исправительного характера. Наоборот, в предостережении совершенно отсутствуют указанные в ст. 6 элементы мер социальной защиты судебно-исправительного характера.

Оправдательный приговор выносится судом в случае отсутствия в деянии подсудимого состава преступления или за недоказанностью события преступления, так что не за что признавать подсудимого виновным, нет ни умысла, ни неосторожности и лишь в этом единственном случае закон допускает предостережение и не по приговору, а по определению или путем объявления, так что предостережение оказы-

вается вне самого приговора. Отсюда и уясняется юридическая природа предостережения как морального воздействия суда, в целях предостережения подсудимого от совершения общественно-опасных действий в будущем.

Затронутый в настоящей статье вопрос имеет целью не только анализ природы предостережения в академических целях, нет, он взят в связи с другим вопросом, имеющим жизненное значение, задевающим интересы живой личности. Речь идет о допустимости реабилитации оправданного, кому объявлено предостережение, о возможности вознаграждения за вынужденный прогул. В этом смысле вопрос выходит за пределы юридических управлений и переходит в область отношения суда к оправданному им гражданину, требующему от суда, на основании приговора, признания его несудимым, признания его реабилитированным.

Для того чтобы доказать справедливость подобного требования, достаточно для иллюстрации указать на последствия применения судом ст. 4¹ УПК Грузинской ССР (соответствует отмененной ст. 4-а УПК РСФСР).

Прекращение дела по этой статье, конечно, неравнозначное оправдательному приговору, так как суд, хотя и прекращает дело «по маловажности содеянного или по отсутствию вредных последствий или потому, что совершенные обвиняемым действия не имеют и не могут иметь общественно-опасного характера», но формально факт правонарушения остается налицо. Предостережение же объявляется исключительно при отсутствии правонарушения, а потому в этом случае не следует оспаривать реабилитации оправданного и трактовать его как опорожненное приговором. Но характерно, что и в отношении ст. 4¹ УПК ГССР взгляд судебной практики давно изменился. По РСФСР уже с февраля 1928 г. существует постановление Верховного суда РСФСР, которое правильно говорит о том, что в подобных случаях, когда уголовное дело прекращается за «маловажностью» или «по нецелесообразности», нет оснований для увольнения по п. «д» ст. 47 КЗОТ¹.

Согласно примечанию к ст. 6 УК РСФСР «не является преступным действие, которое хотя формально и подпадает под признаки какой-либо статьи особенной части настоящего кодекса, но, в силу явной малозначительности и отсутствия вредных последствий, лишено характера общественно-опасного». Предостережение же объявляется судом при оправдательном приговоре, т. е. именно тогда и только тогда, когда в самом действии подсудимого не оказалось признаков какой-либо статьи Уголовного кодекса (отсутствие в действиях подсудимого состава преступления, неустановление события преступления или недостаточность собранных улик; ст. 326 УПК).

Поэтому, если не является преступным действие, о котором говорится в примечании к ст. 6 УК РСФСР, не может быть и речи о преступном действии лица, которому вынесен оправдательный приговор. Там же, где нет преступности — нет и судимости. Согласно разъяснению НКТ РСФСР от 21 мая 1925 г. «О по-

¹ Уголовный кодекс, Научно-популярный практический комментарий с дополнениями и изменениями по 15 августа 1927 г. под редакцией профессоров М. Н. Гернета и А. Н. Трайнина, стр. 63.

¹ Д. Швейдер, Борьба за законность в области разрешения трудовых конфликтов, «Социалистическая законность», 1938 г. № 1, с. 40.

рядке увольнения работников, совершивших уголовное преступление», при оправдательном приговоре или прекращении дела о лицах, отстраненных нанимателем от работ в порядке ст. 2, наниматель обязан уплатить полностью вознаграждение за все время, прошедшее с момента приостановки выплаты, по день оправдательного приговора или прекращения дела. Кроме того лицам, отстраненным от работы по требованию нанимателя, хотя бы они вернулись на работу по истечении двух месяцев со дня отстранения, вновь должна быть предоставлена работа, одинаковая по квалификации и оплате. Разъяснение это не содержит никакой оговорки о том, что оправдательный приговор в этих случаях не должен сопровождаться объявлением предостережения, иначе, мол, он за оправдательный приговор считаться не будет.

Если амнистия погашает судимость даже социально-опасных элементов, причем эта судимость даже не показывается в анкетах, почему же надо отказывать в признании несудившимся оправданного, которому объявлено лишь предостережение, которому суд предложил избегать правонарушений в будущем и какими аргументами можно оправдать отказ суда в реабилитации этого человека?

Если условное осуждение тяготеет над подсудимым лишь в течение испытательного срока и те условно-осужденные, которые в течение этого срока не совершили нового преступления, признаются неимеющими судимости, почему должны считаться судившимися те, которые не совершили никакого преступления? Почему именно предостережение — это последнее звено в

цепи мер социальной защиты судебно-исправительного характера, которое лишь ожидает, «когда наступит час его бесшумного погребения», почему именно оно должно играть роль дамасского меча и преграждать путь к реабилитации гражданина? Путем какой аргументации можно отстоять подобный нежизненный взгляд, напирать и больно задевающий интересы живой личности?

Где, в каких законах указано, что предостережение препятствует восстановлению в должности? Этого нет ни в кодексе законов о труде, этого нет в постановлении 59 пленума Верховного суда Союза ССР, который специально обсуждал вопрос о восстановлении в должности незаконно уволенных, этих указаний нельзя почерпнуть и во всей предшествующей судебной практике союзных республик.

Да и вообще юридически недопустимо, чтобы предостережение, которое есть не что иное, как метод нравственного воздействия суда на человека, могло менять природу сопровождаемого им оправдательного приговора. Всякое предположение должно иметь свои границы. Нельзя, не погрешая против законов и элементарных правовых понятий, утверждать, что советский закон допускает какой бы то ни было допуск к оправдательному приговору, перетягивающий самый приговор.

Приведенные соображения позволяют утверждать, что предостережение не может быть понимаемо как наказание и потому оно не может препятствовать восстановлению в должности оправданного, уволенного ранее от должности, и выдаче ему вознаграждения за прогул.

В. БОШКО

Исполнение судебных решений по алиментным делам в предприятиях и учреждениях г. Киева¹

Указание товарища Сталина на VIII съезде Советов, что «стабильность законов нужна нам теперь больше, чем когда бы то ни было»², выдвигает настоятельную необходимость укрепить силу судебного решения, в частности по алиментным делам, и реально обеспечить полное и точное его осуществление.

Это возможно только при условии правильно поставленного исполнительного производства, в частности и особенно по алиментным делам.

Однако производство это, к сожалению, до сих пор еще не стоит на должной высоте. Более того, оно, вследствие целого ряда организационных недостатков, нередко тормозит нормальное проведение работы по исполнению судебных решений.

Нельзя сказать, чтобы создавшееся положение в нашем гражданском процессе не обращало на себя внимания со стороны высших органов советского суда и прокуратуры.

¹ В порядке обсуждения. — Редакция.

² Сталин, Доклад о проекте Конституции Союза ССР, Партиздат ЦК ВКП(б), 1936 г., с. 41

Наоборот, за последние 6-7 лет, можно сказать, не было недостатка во всякого рода разъяснениях, циркулярах, инструкциях со стороны НКЮ и Верховного суда СССР и верховных судов отдельных союзных республик — в направлении предупреждения и ликвидации нарушений в организации и осуществлении исполнительного производства.

Тем не менее на практике исполнение судебных решений по алиментным делам оставляет желать еще очень многого, в смысле своего упорядочения и качественного улучшения.

При ближайшем ознакомлении с текущим нашим исполнительным производством создается впечатление, что ни одна стадия гражданского процесса не знает такого разрыва между «циркулярной» и реальной, жизненной практикой судопроизводства, как именно исполнение решений по алиментным делам.

Это заслуживает всяческого внимания.

Начиная с 1930 г. и до 1937 г. Верховный суд одной только РСФСР издал четыре специальных постановления относительно исполнения судебных решений. В первом из них, от

28 февраля 1930 г.³, Верховсуд указывал на целый ряд недостатков в работе судебных исполнителей: чрезвычайную медлительность прохождения их дел, бюрократическое отношение к исполнению судебных решений, недостаточное руководство и слабый контроль со стороны судов и прокуратуры в отношении судебных исполнителей и т. д.

Ряд мероприятий, предложенных Верховсудом для изжития отмеченных недостатков, повис в воздухе, оставшись нереализованным на практике.

Через полтора года тот же Верховсуд РСФСР снова вынужден был в специальном разъяснении от 26 октября 1931 г.⁴ обратить внимание на неудовлетворительное состояние исполнительного судопроизводства, а через четыре года, в разъяснении от 5 марта 1934 г.⁵, президиум этого же Верховсуда, давая еще ряд указаний касательно улучшения дела исполнения судебных решений, вынужден был констатировать, что его директивы и указания еще от 29 февраля 1930 г. «до сих пор в большинстве краев и областей не проведены в жизнь»...

Дело, однако, от этого в дальнейшем не улучшилось. 22 апреля 1936 г. Комиссия советского контроля при СНК СССР при обследовании работы по исполнению судебных решений отметила крайне запущенное состояние этого участка работы, систематическую волокиту, залежи неисполненных дел, запущенность учета, неоформление надлежащим образом денежных документов. Комиссия объясняла это прежде всего отсутствием контроля за деятельностью судебных исполнителей со стороны судебных органов.

Работа, которая затем стала проводиться для установления этого контроля во исполнение постановления Комиссии советского контроля и циркулярных писем Верховсуда СССР от 8 мая 1936 г. за №№ 23 и 28, лишний раз выявила целый ряд неиспользованных обидками и нарушениями возможностей по упорядочению дела исполнения судебных решений по алиментным делам.

То же неудовлетворительное состояние этого дела подчеркнуло и недавно состоявшееся первое всесоюзное совещание работников суда и прокуратуры по гражданским делам, отметивши небрежное отношение судебных исполнителей к исполнению решений, волокиту, самотек в работе, нарушение социалистической законности и т. д., а также указав на необходимость для судьи не только «в вынесении судебного решения, но и в активном содействии при проведении этого решения в жизнь».

В отношении порядка производства взысканий алиментов по исполнительным листам существует целый ряд еще более ранних и более поздних распоряжений правительства. Так, еще в 1928 г. ЦИК СССР в постановлении от 4 июля требовал, чтобы алиментно-обязанное лицо сообщало о перемене места жительства и работы не только лицу, в пользу которого присуждены алименты, но также и учреждению, производящему взыскания (судебному исполни-

телю). В этом постановлении даже указано было, что «нарушение настоящей обязанности влечет уголовную ответственность». Однако это указание не было подкреплено соответствующей санкцией, и уголовные кодексы до сих пор обходили молчаньем вопрос об ответственности за нарушение указанной обязанности, хотя этот вопрос имеет не меньшее практическое значение, чем вопрос об ответственности за неплатеж присужденных судом алиментов.

Точно так же в судебной практике не проводилось в жизнь и постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 11 июня 1928 г. «О мероприятиях, обеспечивающих реальное взыскание алиментов» (С. У. РСФСР 1928 г. № 68, ст. 487): судополнители и учреждения, в которых работают алиментно-обязанные лица, обычно не требуют от последних сообщения сведений о перемене места жительства и места работы по найму, а также сведений об увеличении зарплаты или доходов⁶.

Не соблюдается и постановление НКТ от 31 октября 1930 г. № 337 «О внесении отметок о задолженности работника в документы, выдаваемые при увольнении» («Изв. НКТ РСФСР» 1930 г., № 31/32) и циркуляр о том же НКТ РСФСР от 4 июля 1932 г. № 21 («Изв. НКТ РСФСР» 1932 г., № 19). На практике оказалось, что должностные лица, выдающие выдачей зарплату, обычно не ставят истцов в известность об увольнении ответчиков, а исполнительные листы возвращают только после неоднократных требований. Отметок о периодических взысканиях по исполнительным листам не делается, что вносит путаницу в расчеты между сторонами⁷.

Та же участь постигла и циркулярное распоряжение НКТ РСФСР от 4 июля 1932 г. о том, во-первых, чтобы отметки о задолженности по алиментам обязательно заносились в расчетные книжки и трудовые списки увольняемых; во-вторых, чтобы предприятия и учреждения, в которые поступают плательщики алиментов, уведомляли об этом прежнее место работы плательщика, а последнее обязательно извещало о факте работы заинтересованных взыскателей; и в-третьих, чтобы должностные лица привлекались к ответственности за нарушения этих правил.

Ни в одном из обследованных нами предприятий и учреждений мы не встретили ни одного случая исполнения этого распоряжения, как и иных выше приведенных указаний и распоряжений.

Наконец, необходимо отметить, что эффективного действия не имело и инструктивное письмо Верховсуда РСФСР от 11 сентября 1936 г. за № 92 о порядке производства удержаний по исполнительным документам.

Проведенное нами обследование показало, что ни одно из целого ряда важных предложений, выдвинутых этим инструктивным письмом, не проводится в жизнь ни в одном из посещенных нами предприятий и учреждений. Наоборот, на практике наблюдается как раз

³ Сборник разъяснений Верховсуда РСФСР, изд. 4, 1935 год, с. 211.

⁴ Там же, ст. 212.

⁵ Там же, ст. 123.

⁶ Аскин. Алиментные мытарства, «Сов. юст.» № 14, 1935 г., стр. 17.

⁷ Аскин. Алиментные мытарства, «Сов. юст.» № 14, 1935 г., стр. 17.

именно то, что прямо запрещается указанной инструкцией.

Так, если последняя настойчиво требует ведения особого порядка учета исполнительных листов (книги учета особой формы, лицевой карточки специальной формы, образец которой приложен к инструкции), особо бережного отношения к самому документу — исполнительному листу, который предлагается вкладывать в обложку, подшивать и хранить в несгораемых ящиках или особом хранилище, предназначенном для хранения ценных бумаг, то на практике мы видим, наоборот, либо полное отсутствие учета исполнительных листов, особенно там, где управление предприятия децентрализовано, либо, в лучшем случае, полный разбой в «системе» ведения учета названных документов, причем — далекий от предложенного образца; с другой стороны, мы наблюдаем всюду чрезвычайно небрежное хранение исполнительных листов, в общей папке с другими бумагами, без всякой подшивки, в общих шкафах, в столах или прямо даже на столах у сотрудников. Неудивительно поэтому, что исполнительные листы нередко пропадают, либо просто выпадая из папок, будучи не подшиты к соответствующим делам, либо прямо и беспрятственно попадая в руки заинтересованных ответчиков.

Не лучше обстоит дело с хранением исполнительных листов и у судебных исполнителей. В циркуляре Прокуратуры РСФСР за № 17 от 1935 г. отмечен целый ряд случаев пропажи исполнительных листов по вине именно судебных-исполнительных учреждений.

Порядок удержания алиментных взносов также не знает единообразия в разных предприятиях и учреждениях.

В то время как в ряде предприятий удержания производятся два раза в месяц, согласно общей инструкции, в других производятся удержания с ответчиков всего лишь один раз в месяц.

Как правило, никто не интересуется состоянием исполнительного производства по алиментным делам и не контролирует его, если не считать случайных запросов прокурора, вызванных настойчивыми обращениями к нему со стороны истца.

Одним из наиболее распространенных и довольно сложных препятствий, на которое наталкивается исполнительное производство по алиментным делам, является бесследный уход алиментного ответчика со службы.

Уход этот обычно происходит после того, как в управление предприятия или учреждения поступает исполнительный лист и об этом становится известно ответчику.

При этом, как правило, не выполняется инструкция об извещении заинтересованных лиц об оставлении ответчиком службы и не делаются отметки в трудовых документах. Не было также в практике обследованных нами учреждений случая, чтобы налагался штраф на виновных в неисполнении требований закона делать такие отметки. Нам неизвестен также ни один случай применения ст. 345 ВУЦИК о взыскании задолженности по алиментному иску непосредственно с учреждения или предприятия, которое по вине своих сотрудников не обеспечило своевременного удержания алиментов. А между тем, органы прокуратуры обяза-

ны, на основании приказа Прокуратуры СССР от 8 августа 1936 г., неуклонно требовать приращения указанной статьи при обнаружении невыполнения решений по алиментным делам либо несвоевременности удержаний из зарплаты ответчика, утери исполнительного листа бухгалтерией и т. п. случаев, которые все же имеют место в практике разных предприятий и учреждений.

Точно так же не было ни одного случая, чтобы судебный исполнитель по заявлению взыскателя наложил взыскание на личное имущество ответчика, впредь до поступления его на другую работу, для погашения задолженности и очередных алиментных платежей, или же чтобы судебный исполнитель обратился к прокурору для возбуждения уголовного дела против злостно уклоняющегося ответчика.

В подавляющем большинстве случаев взыскательницы часто и не подозревают, что ответчик уволился со службы: исполнительный лист на ответчика если и возвращается предприятием или учреждением, то обычно только в адрес судебного исполнителя, а не взыскателя алиментов.

Точно также нам не известен ни один случай, чтобы общественность того или иного предприятия или учреждения оказала какую-нибудь помощь суду или судебному исполнителю в деле розыска ответчика или же проверки исполнения в бухгалтерии или расчетном столе данного предприятия, учреждения или колхоза.

Одна из довольно распространенных среди ответчиков форм уклонения от платежа алиментов, — это уход ответчика в более или менее продолжительный отпуск со службы без сохранения зарплаты за время такого отпуска. В течение ряда месяцев такой «отпускной» работает где-либо на стороне, скрывая при этом от основного места службы как самый факт такой работы, так и получаемый им там заработок. А взыскатель алиментов тем временем тщетно ждет своей очередной получки алиментов и, не дождавшись, шлет в предприятие запросы за запросами о причине прекращения уплаты алиментов.

Вместе с тем обращает на себя внимание такого рода явление, замеченное нами в практике обследованных нами учреждений. Рабочие — каменщики, маляры, штукатурщики и рабочие подсобных категорий работают обычно сезонно. Работа их производится обыкновенно 3-4 месяца, в течение же остальных месяцев года они работают или меньше или иногда вовсе не работают (по характеру своей профессии.) А между тем, в отношении алиментных ответчиков из этой категории применяется та же норма закона от 27 июня 1936 г. о размере алиментных взысканий, что и в отношении всех иных категорий рабочих и служащих, работающих круглый год (т. е. $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{3}$ или $\frac{1}{2}$ месячной зарплаты.)

Между тем, в таких случаях с лиц, работающих сезонно, как и с лиц, не получающих ежемесячной зарплаты и живущих на доходы от своего хозяйства (крестьяне, единоличники, кустари и др.), а также с лиц, у которых заработок меняется, — суд должен установить всю совокупность доходов и заработка ответчика за последний год, и размер алиментов определяется в твердой сумме, применительно к установ-

ленным законом нормам, из расчета $\frac{1}{12}$ части общего годового дохода, согласно циркулярному распоряжению НКЮ СССР⁸.

В тех случаях, когда суд выносит иные, неправильные решения о размере и способе удержания алиментов, бухгалтер некоторых предприятий прямо рекомендуют взыскателям алиментов направлять соответствующие решения обратно в суд для их изменений, в смысле установления твердой суммы алиментов, исчисленных из размера $\frac{1}{12}$ части общего годового дохода, согласно закону.

В заключение считаем нужным отметить еще одно обстоятельство, бросающееся в глаза при обследовании порядка исполнения судебных решений по алиментным делам в предприятиях и учреждениях. Это — полная бесконтрольность за производством вычета из заработной платы рабочих и служащих ответчиков, полная неосведомленность прежде всего судебных исполнителей о том, производится ли на том или ином предприятии или учреждении указанный вычет, и если производится, то как именно, — правильно ли или неправильно, и отсылаются ли своевременно удержанные суммы алиментным истцам. Предприятия и учреждения, как правило, не сообщают судебному исполнителю о каждом произведенном им вычете из заработной платы, и судисполнитель лишен поэтому возможности заблаговременно принять меры понуждения в случаях неперечисления взыскателю очередного платежа позднее, скажем, трех-четырех дней с момента выплаты заработной платы. В результате такие случаи неперечисления алиментных платежей в течение ряда месяцев, встречающиеся в практике предприятий довольно часто, становятся известными судисполнителю только после того, как взыскатели алиментов сами обращаются к нему с жалобами, спустя иной раз долгое время после приостановки указанного перечисления.

При проверке исполнения судебных решений в ОБЛЗУ г. Киева было установлено, что удержанные там с ответчика деньги в сумме 597 р. 37 к. не были пересланы истце — с 1936 г. по самый день обследования (август 1937 г.).

Задержки можно было бы устранить своевременно, если бы судисполнитель получал регулярно извещения от учреждений, выплачивающих должнику заработную плату, о каждом произведенном им вычете из заработной платы и проверял правильность и аккуратность этого вычета.

Безотрадную картину представляют и камеры судебного исполнителя по алиментным делам по г. Киеву.

Обращает на себя внимание при ознакомлении с работой этой камеры целый ряд ненормальных фактов. Таков, например, факт исключительной загрузки камеры непомерным количеством исполняемых дел, превышающим физическую возможность скромного (из нескольких человек) штата камеры сколько-нибудь обстоятельно исполнить всю огромную сумму выпадающих на их долю судебных решений; десятки и сотни текущих и безотлагательных дел, требующих со стороны всего штата камеры неслабкого внимания в процессе ежедневного срочного исполнения, притом — в обстановке

исключительной суетки, создаваемой множеством осаждающих камеру «алиментниц», — все это не дает возможности максимальной активности судебных исполнителей, их необходимой инициативности в деле реального и быстрого исполнения судебных решений, порождает формальное отношение ко взысканию и превращает алиментную камеру, в сущности, в передаточную инстанцию на пути следования исполнительных документов.

Роль судебного исполнителя при таких условиях ограничивается либо простою пересылкой исполнительного листа в соответствующее предприятие или учреждение, по месту нахождения ответчика, либо, в лучшем случае, наложением ареста на зарплату должника или же на его имущество, по указанию заинтересованных лиц; дальнейшее наблюдение за ходом взыскания обычно прекращается. Само наложение ареста на имущество уклоняющихся от платежа алиментов и назначение этого имущества по возможности раз к продаже остаются обычно без всякого эффекта «за отсутствием покупателей»: судебный исполнитель не ищет по собственной инициативе возможности реализации такого имущества иными путями, хотя бы, например, через комиссионные магазины.

В результате — десятки и сотни дел, имеющих одно-двух- и даже трехгодичную давность, остаются без всякого исполнения, вследствие нереализации арестованного имущества или неразыскания ответчиков.

Особенно слабо обстоит дело с исполнением судебных решений по искам родителей к детям о содержании.

При всей сравнительной незначительности относительного количества этих дел обращает на себя внимание довольно значительное абсолютное число неисполненных решений по такого рода делам. Так, из 48 просмотренных нами неисполненных решений по алиментным делам 12 решений вынесены по искам родителей об алиментных. Это составляет ровно 25%, тогда как подобные иски в общем количестве алиментных дел составляют обычно не больше 3—4%.

Действующее уголовное советское законодательство не знает уголовной ответственности за злостное уклонение от выплаты присужденных алиментов родителями⁹. Это лишает исполнительные органы в процессе производства взысканий алиментов не только убеждать, но и принуждать ответчика к уплате алиментов, под страхом уголовного наказания, как это успешно делают те же органы при взыскании алиментов с родителей в пользу детей. Правда, по ст. 168 УК УССР (ст. 163 УК РСФСР), «за оставление без помощи лица, находящегося в опасном для жизни положении и лишенного возможности самосохранения по малолетству, дряхлости, болезни, либо иного беспомощного состояния, если оставший без помощи был обязан иметь заботу о таком лице и имел возможность помочь, — карается лишением свободы до одного года или принудительной работой до шести месяцев». Сюда, несомненно, подойдет и оставление без помощи в опасном положении для жизни также родителей, если

⁸ Циркуляр НКЮ СССР от 28/VIII 1936 г. № 3, «Сов. юст.», № 28, 1936 г., стр. 24.

⁹ О такой ответственности, впрочем, говорит сем. кодекс и УК Турк. ССР.

субъектом этого преступления, обязанным иметь заботу о потерпевшем, считать всякое лицо, обязанное по закону доставлять содержание, в частности, следовательно, — и детей.

Однако указанная статья обычно не применяется при взыскании алиментов в пользу родителей. По крайней мере, нам не приходилось при ознакомлении с практикой украинских судов по алиментным делам встречать подобные случаи. С другой стороны, применение этой статьи было бы не достаточным, поскольку иждивающиеся и нетрудоспособные родители вправе требовать алиментов со стороны своих сожительных детей не только, когда они (родители) находятся в опасном положении для жизни. Отсюда возникает целесообразность и необходимость, в целях лучшего обеспечения родителей на случай нужды и старости, установить в законе уголовную ответственность за злостное уклонение от уплаты присужденных алиментов в пользу родителей, подобно тому как несут такую ответственность родители при уклонении от платежа алиментов в пользу их детей, согласно ст. 161 УК УССР. Мерами одного лишь общественного содействия, как бы они сами по себе значительны ни были, тут не обойтись. Если, например, общественный бойкот или культурно-воспитательная работа остаются безрезультатны, — нет нужды отказываться от применения репрессии там, где она в таких случаях прямо необходима.

Другое, что еще имеет место в работе камер судебного исполнителя по алиментным делам, это замедленность или даже отсутствие движения по тем делам, по которым ответчики либо отсутствуют по причине длительной командировки, отпуска или отбывания воинской повинности, либо обещают внести алиментные суммы к тому или иному сроку.

Все «движение» дела в таких случаях ограничивается, собственно, посылкой должнику повестки об исполнении, запроса по месту работы должника или же запроса о месте его жительства и т. п. и прекращается обычно по мотивам «непроживания должника по указанному адресу»...

Вместе с тем, обращает на себя внимание небрежное ведение самих «дел» исполнительного производства в канцелярии, неряшливый вид этих дел, сплошь и рядом не подписанных, так что из них вываливаются отдельные документы при «движении» дел.

Достоин примечания также и то обстоятельство, что в практике камеры судебного исполнителя по алиментным делам г. Киева чрезвычайно редки случаи передачи дел о злостных неплательщиках алиментов органам прокурорского надзора для привлечения их к уголовной ответственности. По крайней мере, в поле нашего зрения при ознакомлении с работой судебных исполнителей по целому ряду дел помимо отмеченного выше дела о взыскании алиментов с гражданина Котульского, попало всего лишь два таких случая.

Так, в общем, работа камеры судебного исполнителя дополняет, повторяет, картину в высшей степени неудовлетворительного состояния дела исполнения судебных решений по алиментным делам в г. Киеве.

На основании изложенного напрашивается ряд новых конкретных предложений по вопросу об

улучшении исполнительного производства по алиментным делам. Это улучшение должно идти по пути мероприятий, направленных к обеспечению прав и интересов не только истцов, но и ответчиков на всем протяжении судопроизводства по алиментным делам; к активизации роли судебного исполнителя в процессе производства взыскания по этим делам и наконец — к усилению контроля за работой судебного исполнителя со стороны, прежде всего, суда, при котором работает этот исполнитель. Для этого необходимо:

1. Обеспечить действенный регулярный контроль со стороны судебных исполнителей за точным исполнением судебного решения в предприятиях и учреждениях, в смысле градивности и своевременности удержаний из зарплат ответчиков и посылки их взыскателям по делам об алиментах.

2. В целях скорейшего и эффективного исполнения судебного решения обязать суды, в порядке специально изданного законодательного постановления, направлять исполнительные листы к судебным исполнителям немедленно после вынесения решения, не дожидаясь явки взыскателя за этими листами больше двух-трех дней.

3. В том же порядке обязать судебных исполнителей принимать по собственной инициативе все необходимые меры для скорейшего реального исполнения судебного решения, вплоть до выявления разными путями и способами имущества, на которое должно быть обращено взыскание.

4. В порядке такого же законодательного постановления обязать каждое предприятие и учреждение, которое выплачивает должнику заработную плату, извещать исполнителя о каждом произведенном вычете для своевременно принятия соответствующих мер против неправомерности или задержки удержаний.

5. Обеспечить взыскателю или должнику в том же порядке законодательной регламентации право отвода судебного исполнителя, когда существуют основания не доверять последнему.

6. Установить в законе уголовную ответственность за злостное уклонение от уплаты присужденных алиментов и в пользу иждивающихся и нетрудоспособных родителей, подобно тому как это установлено законом в отношении алиментируемых детей. Для этого следует только ст. 30 закона от 27 июня 1936 г., устанавливающую санкцию в два года тюремного заключения, с отнесением расходов по розыску уклоняющихся от платежа алиментов за их (уклоняющихся) счет, или же ст. 161 УК УССР распространить также и на лиц, отказывающихся содержать своих немощных и нетрудоспособных родителей.

7. Следует также предоставить суду возможность выносить постановление о призыве ответчика по делам об истребовании содержания не только немощным и нетрудоспособным супругам и детям, но и родителям, расширив таким образом пределы действия ст. 119 ГПК УССР (ст. 101 ГПК РСФСР).

8. В целях лучшего обеспечения алиментных прав родителей, расширить в законодательном порядке пределы действия ст. 214 ГПК УССР, предоставив суду право, в случае необходимости, до разрешения дела по существу, выда-

вать решения о том, в каком размере должны временно ответчики-дети давать содержание своим нуждающимся и нетрудоспособным родителям-истцам, подобно тому как это практикуется судом при применении той же ст. 214 в отношении нуждающихся супругов или же детей.

9. Предложить судебным исполнителям производить розыск уклоняющихся от уплаты алиментов путем публикации соответствующих объявлений в газетах, — как местных, так и центральных.

10. Дополнить Гражданский процессуальный кодекс УССР статьей следующего содержания (подобно ГПК РСФСР, ст. 83-а).

«По делам о взыскании алиментов народный судья, рассматривающий дело, или прокурор, у которого дело находится на рассмотрении, обязаны принять меры обеспечения иска в виде наложения ареста на долю зарплаты ответчика, а также описи и ареста имущества ответчика».

11. В связи с постановлением ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1936 г. о запрещении абортов и т. д., изменить действующее законодательство УССР, введя следующее постановление (как оно изложено в законодательстве РСФСР):

«Учреждение, предприятие или организация, где работает лицо, обязанное платить алименты, должны сообщать о перемене места работы этого лица и об увеличении его заработка как

органу, производящему взыскание (судебному исполнителю, сельсовету и т. д.), так и лицу, получающему алименты. Независимо от этого, лица, обязанные платить алименты, должны сообщать обо всех изменениях в их материальном положении, о месте жительства и месте работы как лицу, получающему алименты, или его опекуну, так и соответствующему судебному исполнителю или сельсовету».

12. Широко популяризировать среди языкателей алиментов разъяснение 53 пленума Верховного суда СССР о том, что взыскательница алиментов, потерпевшая вред вследствие непроведения отчисления зарплаты ответчика, имеет право предъявить иск о возмещении к предприятию или учреждению, по вине которых не было произведено удержание.

13. В видах активизации и эффективности борьбы с приобретающими массовый характер уклонениями от платежа алиментов необходимо законодательное постановление, в силу которого в паспортах алиментнообязанных по судебному решению лиц обязательно должна делаться отметка — «алиментнообязанный».

14. Принять все меры к привлечению через профсоюзы общественности предприятий и учреждений к контролю за исполнением судебных решений по алиментным делам и к борьбе с уклонениями от выплаты алиментов.

М. ГЕЛЬФЕР

О проекте условного осуждения в царской России

(Историческая справка)

Попытка введения условного осуждения в царской России в начале XX века имеет свою небезынтесную историю.

Вопрос об условном осуждении впервые подвергался коллективному обсуждению в пенитенциарной комиссии Петербургского юридического общества, во время подготовительных работ к международному тюремному конгрессу. Докладчиком по этому вопросу был В. К. Случевский¹, всецело поддерживавший мнение о необходимости введения условного осуждения (по терминологии докладчика — условно-обвинительных приговоров).

Случевский находил в условно-обвинительных приговорах четыре положительных момента, делающие этот институт полезным для применения. Он считал, что институт условного осуждения, во-первых, разрешает некоторым образом проблему краткосрочного заключения и рецидива; во-вторых, он дает значительную экономию в средствах, в-третьих, — делает возможным оставление испытуемого в семье, что обеспечивает последней пропитание и не толкает других членов семьи на преступление на почве нужды; в-четвертых, угрозой исполнения отсроченного обвинительного приговора создается сильный мотив к несвершению преступления, т. е. условно-обвинительный приговор является достаточной репрессивной мерой.

Несмотря на ряд положительных моментов, указанных Случевским, пенитенциарная комиссия в очень осторожной форме изложила свое отношение к этому институту. «Идея условного освобождения от наказания за поручительство или без поручительства заслуживает в общей ее постановке полного сочувствия. При решении же вопроса о возможности (практического ее осуществления необходимо иметь в виду, насколько местные условия допускают возможность: а) предоставления суду столь широкой власти; б) точного констатирования как факта условного осуждения при новом судебном разбирательстве о том же лице, так и исполнения или неисполнения осужденным условий, в зависимости от которых было поставлено его освобождение»².

В 1892 г. проф. Таганцев в своих «Лекциях по русскому уголовному праву» указывал, что для введения условного осуждения в таком виде, как в других странах, в России встречается много препятствий, связанных с неустойчивостью и недостаточным авторитетом судебных установлений. Применяясь к нынешним судебным порядкам, — указывает Таганцев, — можно допустить условную отсрочку исполнения наказания, как меру исключительную, притом как особый вид смягчения ответственности путем помилования. Таким образом Таганцев являлся сторонником германской формы условного помилования.

¹ Краткое изложение этого доклада см. В. К. Случевский, «Международный тюремный конгресс в Санкт-Петербурге», СПб. 1890 г.

² Труды пенитенциарной комиссии, стр. 54.

В 1899 г., на первом съезде русской группы международного союза криминалистов, вопрос об условном осуждении обсуждался очень широко. Этому вопросу был посвящен ряд докладов (Жижиленко, Гогеля, Пиютковского (отца), основная мысль которых сводилась к желательности и возможности введения этого института в России. Этот вопрос горячо дебатировался среди теоретиков уголовного права царской России и нашел свое теоретическое освещение в учебниках по уголовному праву, а также в ряде специальных работ.

Так, П. Пусторослев³, будучи сторонником введения этого института, устанавливал признаки, по которым следует судить о достоинстве виновного быть оставленным на испытании и освобожденным от наказания. Такими признаками являлись:

1. Нравственная неспорченность, или, по крайней мере, небольшая нравственная испорченность виновного.

2. Большая вероятность удержания этой личности от дальнейших преступных деяний, путем испытания, без приведения заслуженных наказаний в исполнение.

Гогель⁴, будучи также сторонником введения в России института условного осуждения, обрушивался на представителей классической школы, большинство которых высказывалось против этого института как несовместимого с теорией возмездия. Он разоблачал непоследовательность классиков. «Почему же, — пишет Гогель, — классики не кричали о произволе при присуждении к телесным наказаниям, при исполнении которых от палача зависело, причинить ли царапину или засечь до смерти».

Познышев высказывается против институтов условного осуждения, считая, что последний игнорирует общее предупреждение преступлений. Он утверждал, что в целях общего предупреждения все преступления, совершенные в согласии с установленными в законе условиями вменения, должны быть наказаны. «Не жесткость наказания, но неизбежность их налагает крепкую узду на преступление, как говорил еще Беккариа», — писал Познышев. «Ряд случаев применения уголовных кар, рассеянных в обществе, должны воспитывать в гражданах уверенность в действительности угрозы наказания». Такова принципиальная установка автора. Однако Познышев допускает в отдельных случаях применение условного осуждения, считая, что не для массового применения, а лишь только в отдельных случаях условное осуждение может оказаться полезным⁵.

В категорической форме выступал против условного осуждения Сергеевский. Последний считал, что институт условного осуждения противоречит основной задаче правосудия, которая требует, «чтобы все преступные деяния, совершенные при наличии установленных в законе условий вменения, были по возможности немед-

ленно наказаны соответственно размерам вины»⁶. В применении условного осуждения Сергеевский видит отступление от основного начала правосудия, установление порядка, весьма близкого к правилу «первая вина не вина».

Таганцев⁷ останавливался в своих лекциях на институте условного осуждения, причем в последнем он не видел ничего противоречащего основным принципам кары. Он считал, что условное осуждение можно ввести, руководствуясь требованиями целесообразности, но, с другой стороны, считал ошибочным взгляд тех сторонников института, которые признают за этой мерой универсально-врачующее значение.

Мокринский указывал, что поводом для принятия условного осуждения в ряде стран является переутомление краткосрочным лишением свободы. «Лекарство, которое слишком часто дают, как известно, перестает действовать. Страх тюрьмы атрофируется в обществе, если в тюрьму слишком часто и слишком много сажает»⁸. Тем более, что в России состояние этих тюрем было исключительно кошмарным. Но, будучи сторонником условного осуждения, Мокринский, однако, выступал против распространения этого института на политических «преступников», ибо, здесь, по мнению автора, отпадает один из мотивов в пользу условного осуждения. Здесь самый факт осуждения воспринимается политическим преступником не как общественное унижение, а как гражданский подвиг, — это основано на уверенности, что те общественные элементы, с мнением которых он только и считается, к нему относятся в этот момент с уважением. Мокринский спешит заверить Таганцева, что последний напрасно в своем выступлении в государственном совете высказывал опасения, что условное осуждение, распространенное на политических «преступников», может стать легко воспламеняющимся материалом для дегорирующих пожаров 1905 г. Мокринский пишет, что «пожары, о которых говорил Таганцев, законодательство старается тушить широким применением статей 102, 126 и др. Уголовного уложения, практики которых условное осуждение, ограниченные тюрьмой до 16 месяцев, не коснулись бы»⁹.

Так обстояло с условным осуждением в теории уголовного права.

Однако официальные правительственные органы были настроены против принятия института условного осуждения.

Так, редакционная комиссия по составлению проекта Уголовного уложения высказалась против включения условного осуждения в уложение. Дальнейшая судьба условного осуждения представляется в следующем виде: проект министерства юстиции был внесен в государственную думу первого и второго созыва, но оказался нерассмотренным по причинам якобы роспуска думы этих созывов.

В государственной думе третьего созыва 21

³ См. журнал «Право», № 1, 1910 г., стр. 21—24.

⁴ С. К. Гогель, «Курс уголовной политики в связи с уголовной социологией», СПб, 1910 г., стр. 293.

⁵ С. В. Познышев, «Общие начала науки уголовного права, часть общая», Москва, 1912 г., стр. 651.

⁶ Н. Д. Сергеевский, «Русское уголовное право, часть общая», СПб, 1910 г., стр. 397.

⁷ Таганцев, Лекции по русскому уголовному праву, СПб, 1892 г., вып. IV, стр. 1832.

⁸ Журнал «Право», 1910 г., № 31, стр. 1895, статья «Условное осуждение и государственный совет».

⁹ См. журнал «Право», 1910 г., стр. 2153.

ноября 1907 г. законопроект был передан в комиссию по судебным реформам и подвергся обсуждению лишь в октябре — ноябре 1909 г., где после долгих дебатов он был утвержден и перешел для окончательного утверждения в государственный совет (сессия 5, апрель 1910 г.).

Государственный совет отверг законопроект, указывая в своем решении, что хотя институт условного осуждения имеет ряд выгод при своем применении, но сейчас его введение в России является преждевременным.

Правда, в журнале «Право»¹⁰ промелькнуло сообщение в отделе хроники, что в министерстве юстиции и разрабатываются статистические данные о результатах применений на Западе закона об условном осуждении и что министерство юстиции предполагает в ближайшем будущем внести в законодательные учреждения законопроект об условном осуждении в переработанном виде, «в смысле сокращения сферы его применения». Но больше этот вопрос так и не подымался.

В объяснительной записке, приложенной к проекту, указываются некоторые соображения, вынудившие авторов проекта остановиться на институте условного осуждения. Там, например, указывается, что «современное уголовное право не могло не остановиться на признании необходимости особых мер относительно той категории нарушителей закона, которая является преступниками / случая. Последним не чуждо понятие о долге, им доступно и сожаление о содеянном, обладают они и известной нравственной силой, только она у них недостаточно развита, равно как и чувство законности. Под влиянием нужды или старости, когда нарушается душевное равновесие, они становятся бессильными бороться с охватившими их преступными порывами. Тем не менее свершенное, будучи чуждым их натуре, остается единичным, вызывающим глубокое раскаяние, эпизодическим актом их жизни»¹¹. Проект условного осуждения перечислял случаи, когда при вынесении обвинительного приговора включается в него постановление об отсрочке исполнения наказания. Отсрочка наказания не сопровождается никакими дополнительными мерами и примыкает к франко-бельгийской форме.

Условное осуждение могло применяться по проекту при присуждении к денежной пене не свыше 500 руб., к аресту или заключению в тюрьме или крепости¹² на срок не свыше 1 года и 4 месяцев (ст. 1).

Отсрочка наказания назначалась на 3 года при присуждении к аресту или денежной пене и на 5 лет при осуждении к тюрьме или крепости (ст. 2).

Условное осуждение не могло предоставляться:

- 1) юным преступникам,
- 2) рецидивистам, профессионалам и привычным преступникам.

¹⁰ Журн. «Право», 1910 г., стр. 1835.

¹¹ См. приложение, также стенографический отчет государственной думы 3-го созыва, 3 сессия, ч. I, стр. 3437—3442, 1909 г.

¹² «Нли крепости», распространяющееся на «политические преступления», было добавлено комиссией по судебным реформам при возражении Щегловитова и др. и было утверждено думой.

3) лицам, виновным в тайной продаже спиртных напитков и краже лошади и крупного рогатого скота.

4) лицам, виновным в преступлениях по службе.

5) при уголовно-частных преступлениях.

6) при вынесении заочного приговора (ст.ст. 3, 4, 5).

Что же касается последствий применения условного осуждения, то при несовершении нового преступления в течение испытательного срока, отсроченное наказание считалось отбытым со дня истечения срока отсрочки и виновный освобождается от последствий означенной судимости (ст. 7).

Если же осужденный был признан вновь виновным в совершении в испытательный период преступления, влекущего по закону арест или более строгое наказание, то отсроченное наказание приводилось в исполнение, независимо от новой меры наказания (ст. 8).

Условное осуждение применялось общими и мировыми судебными установлениями, т. е. общими судами, уездными членами окружных судов, городскими судьями, уездными съездами и земскими участковыми начальниками (ст. 15).

Если дело разбиралось судом с участием присяжных заседателей¹³, то последние, при наличии соответственно с этим законом оснований для предоставления отсрочки, в своем вердикте должны были указывать: «наказание подлежит отсрочке». Ответ присяжных являлся обязательным для коронного суда. Суд мог и по своей инициативе, при отсутствии упоминания об этом в вердикте присяжных, постановить об отсрочке наказания (ст. 16).

Законопроект в думе вызвал очень горячие дебаты.

Докладчик комиссии по судебным реформам Аджемов доложил думе, что комиссия не только одобрила министерский проект, но внесла даже такие предложения, которые идут дальше проекта. Докладчик считает, что преступников надлежит разделить на два рода. К первому роду следует отнести таких преступников, относительно которых нет никакой возможности утверждать, что они исправятся. Их внутреннее «я» глубоко поражено, аморализовано. Относительно этого рода преступников государство должно придерживаться идеи изоляции. Ко второму роду преступников следует отнести тех людей, которые совершили мало-важные преступления, «которые случайно, в силу совершенно непреодолимых условий жизни, в силу, быть может, несколько колеблющегося внутреннего не сложившегося «еще «я», вступают на путь преступлений»¹⁴. Относительно этого рода преступников институт условного осуждения является лучшим средством исправления.

Как на один из мотивов необходимости ввести в России условное осуждение, Аджемов указывал на ужасные условия тюремного заключения в России, переполненность тюрем, от-

¹³ О распространении права применения условного осуждения на суд присяжных было добавлено комиссией к министерскому проекту.

¹⁴ Государственная дума, 3 созыв, стенографические отчеты, сессия 3-я, ч. I, СПб, 1910, стр. 682.

существование в последних самых первоначальных условиях разделения и классификации преступников, добавляя, что к тюрьмам России несомненно можно применить афоризм, что тюрьма является академией преступности¹⁵.

Подавляющим большинством голосов членов государственной думы законопроект об условном осуждении в редакции думской комиссии был одобрен.

7 апреля 1910 г. государственный совет¹⁶ обсуждал законопроект об условном осуждении, принятый государственной думой. Докладчик комиссии законодательных предположений по вопросу об условном осуждении Платонов заявил, что большинство членов комиссии считает преждевременным введение в России института условного осуждения, несмотря на ряд его выгод. Платонов считает, что этот институт приходится по душе христианину, тем более русскому, ибо он испытывает большую отраду сказать ближнему, впервые и в малом прегрешившему, что он подлежит определенному наказанию, «но пока иди, больше не грешь, по крайней мере в течение известного срока» (стр. 2105). Вторая выгода заключается в том, что представится возможным избавить определенную часть людей от заключения в тюрьмы.

Третья выгода заключается в разгрузке мест заключения и удешевлении содержания тюремного ведомства, которое обходится ежегодно государству в 31 миллион руб., из которых один Петербург ежегодно расходует на содержание преступников 150 тыс. руб.

Отметив ряд причин, указывающих на несвоевременность введения условного осуждения, Платонов указал, что пока суд не реорганизован, пока местные суды себя не зарекомендовали, говорить о введении условного осуждения преждевременно.

М. М. Ковалевский успокаивал членов государственного совета, что условное осуждение не выдвигается либералами и новаторами, что, например, авторы условного осуждения в Бельгии и Франции Лежен и Бераже являются членами консервативной партии, что основной мотив введения условного осуждения — это борьба с рецидивом и гнетворным влиянием, которое оказывает тюрьма.

Истинное реакционное лицо Таганцева раскрылось в государственном совете при обсуждении законопроекта. Раньше, когда вопрос условного осуждения разрешался только в плане теоретическом, Таганцев выказал себя сторонником этого института, но когда законопроект об условном осуждении грозил превратиться в действующий закон, Таганцев выступает резко против последнего. Желая оправдать свои прежние теоретические высказывания по этому вопросу, Таганцев указывает, что с точки зрения теории уголовного права о рациональной постановке наказания едва ли могут быть серьезные возражения против института условного осуждения. Но для практического проведения условного осуждения требуется совершенство-

вание судебного аппарата, развитие правильного взгляда на этот институт среди населения, чтобы последние не усмотрели в условном осуждении отпущка обвиненного в преступном деянии без наказания — произвол судебной власти. И в заключение Таганцев заявил, что «мы не должны забывать наше недавнее прошлое: дотогающее пожарные непригодно для создания на нем новых построек и притом построек из легко воспламеняющегося материала. Мы очистили наши тюрьмы, но чтобы мы содействовали этим водворению наших обывденных жизненных интересов — это более чем сомнительно»¹⁷. Вот где раскрылось истинное лицо сенатора Таганцева; не отличаясь на много на деле от Пуришкевичей, он также, будучи до смерти напуган революцией 1905 г., усмотрел в условном осуждении революционное, огнеопасное для самодержавия, мероприятие.

Чтобы понять историю возникновения в царской России вопроса о введении института условного осуждения, нужно вспомнить, что черносотенцы, из лагеря так называемых октябристов, представлявших, помимо землевладения, интересы крупной торговой и промышленной буржуазии, в некоторых случаях пытались маскироваться под «либералов», стараясь скрыть свое настоящее лицо, прикрыть полукадетскими фразами военно-полевую юстицию, замаскировать лес виселиц, заглушить стон истязаемых в царских застенках.

Это явилось одной из важнейших причин появления законопроекта об условном осуждении. Именно в годы самой мрачной реакции требовалась маскировка этой реакции «либеральными» мерами. Поэтому в 1903—1910 г. разворачивается широкое обсуждение в стенах государственной думы, а затем и государственного совета законопроекта об условном осуждении. Авторами и защитниками последнего являлись октябристы, получившие в этом вопросе поддержку кадетов — русских либералов (имеющих своей задачей «попытать» Пуришкевича, чтобы он «потеснился») и тому подобных группировок.

Кроме вышеуказанного основного политического мотива попытки введения условного осуждения, был еще целый ряд оснований, которые способствовали выбору именно этого института в качестве «либеральной» меры, предназначенной для прикрытия правовой уголовной политики царского самодержавия. К ним относятся следующие обстоятельства:

а) неудовлетворительное состояние краткосрочного тюремного заключения,

б) неэффективность существующих мер борьбы с мелкой преступностью,

в) чрезмерное удорожание карательного аппарата.

Провал проекта о введении условного осуждения был вполне естествен и неизбежен, так как он принципиально не был совместим с варварством царизма, и к тому же угрожал, несмотря на всю свою скромность и ограниченность, прорвать фронт уголовной политики царской юстиции, не допускавшей никаких послаблений применяемых ею жестокостей и каторжного изуверства...

¹⁷ См. государственный совет, stenографический отчет, с. 2157.

¹⁵ Государственная дума, 3 созыв, stenографические отчеты, сессия 3-я, ч. I, СПб, 1910, стр. 684.

¹⁶ См. государственный совет, stenографические отчеты, 1909—1910 г., сессия 5-я, СПб, 1910, стр. 2101, 2168.

О некоторых неправильностях, допускаемых судами при рассмотрении железнодорожных дел¹

Производя в порядке ст. 45 Устава ж. д. проверку веса прибывающих грузов, получатели груза сплошь и рядом сталкиваются с весьма характерными случаями, когда при недостатке веса против накладной и соответствующей ей недостатке товара внутри упаковки никаких следов хищения товара не обнаруживается, или когда при излишке веса против накладной внутри упаковки оказывается недостатка.

Фиксируя во всех этих случаях коммерческими актами несовпадение выдаваемого веса весу, показанному в накладной, и заявляя на основе этих актов железной дороге претензии, покупатели, как правило, получают от железных дорог отказы, мотивируемые в одних случаях тем, что груз прибыл на станцию назначения в исправной таре, не носящей следов хищения, а в других случаях тем, что при отсутствии недостачи веса против накладной товар был недопозволен отправителем.

Не удовлетворяясь отказами железных дорог, получатели обращаются со своими исками в суды, привлекая «на всякий случай» в качестве соответчиков грузоотправителей.

Любопытно отметить, что покупатели обращают свои требования в большинстве случаев против железных дорог, ограничиваясь в отношении грузоотправителей лишь скромной просьбой присудить с них исковую сумму, «в случае если нарсуд не найдет оснований к удовлетворению иска с железной дороги».

Суды по-разному подходят к разрешению этих дел.

Так, нарсуд 2 участка Бауманского района г. Москвы решением от 13 мая 1937 г. по иску центрального союзнивермага к железной дороге им. Дзержинского и к крымской базе Роскожобувьсбыта о 510 руб. исковую сумму взыскал с базы, признав, что прибытие груза на станцию назначения с излишком веса против накладной исключает ответственность железной дороги за недостачу (дело № 2—1258—1937 г.).

Более пеструю картину представляют собой те дела о недостачах, для которых характерно прибытие груза в исправной таре и без следов хищения.

Так, тот же нарсуд Бауманского района решением от 13 апреля 1937 г. по иску центрального союзнивермага к железной дороге им. Дзержинского и к крымской базе Роскожобувьсбыта о 382 р. 50 к., установив, что груз прибыл на станцию с недостачей веса против накладной

в 9 кг. исковую сумму все же присудил с базы на том основании, что груз не имел следов хищения, а внутренняя упаковка была цела (дело № 2—1259—1937 г.). Любопытно отметить, что это решение было утверждено кассоколлегией Московского горсуда опять-таки со ссылкой на отсутствие следов хищения.

Аналогичное решение было вынесено Киевским нарсудом по железнодорожным делам по иску Киевского союзнивермага к Юго-западной железной дороге и к той же базе Роскожобувьсбыта о 359 р. 25 к. Несмотря на то что обувь прибыла на станцию назначения с недостачей веса против накладной в 10 кг. нарсуд стоимость недостачи взыскал все же с базы, так как тара, в которой прибыла обувь, оказалась исправной и не имеющей следов вскрытия (дело № 12759/1140). Это решение было утверждено Киевским облсудом, который, таким образом, разделил точку зрения по этим делам Московского городского суда.

Это не помешало, впрочем, тому же нарсуду по совершенно аналогичному делу между теми же сторонами о 803 р. 24 к. ответственность за недостачу возложить на железную дорогу (дело № 6896).

Иначе складывается по этим делам практика некоторых судов г. Харькова. Так, нарсуд 38 участка г. Харькова, рассмотрев дело по иску 2 Харьковского союзнивермага к управлению Южной железной дороги и к Симферопольскому товаро-заводскому складу Роскожобувьсбыта о 446 р. 25 к., исковую сумму взыскал с железной дороги, хотя груз и прибыл на станцию назначения в исправных ящиках, не имеющих перебора гвоздей или других следов хищения (дело № 2485—1937 г.).

Харьковский областной суд это решение утвердил.

Какая же линия при разрешении анализируемых нами дел является более правильной?

Остановимся сперва на случаях прибытия груза с недостачей веса, но в исправной таре и без следов хищения.

Недостача веса не во всех случаях создает ответственность железной дороги перед грузоотправителем.

Так, по точному смыслу 3 ч. ст. 68 Устава ж. д. железная дорога «может быть освобождена от ответственности за недостачу веса, если докажет, что недостача веса не явилась результатом утраты или повреждения груза железной дорогой».

Таким образом, если в вагоны был погружен, скажем, чрезмерно влажный сахар, который в пути подвергся усушке, то в условиях прибытия вагонов на станцию назначения в исправном виде и за целыми пломбами, железная дорога, понятно, за недостачу веса отвечать не будет. Но если к отправке были сданы ящики с обувью, которые прибыли на станцию назначения с недостачей веса и соответствующей ей

¹ В порядке обсуждения.

недостачей обуви, то будь даже ящики и внутренняя упаковка вполне исправными и не носящими никаких следов хищения, железная дорога никогда не сможет сослаться на 3 ч. ст. 68 Устава ж. д., чтобы снять с себя ответственность за недостачу.

Недостача веса при одновременной недостаче обуви может быть следствием только пропажи обуви. А эта пропажа при расхождении веса, определенного станцией отправления, с весом, выданным станцией назначения, может произойти только после сдачи обуви к перевозке. Исправность же тары, отсутствие перебора гвоздей и целостность внутренней упаковки — все это свидетельствует только о ловкости воров и никак не создает предположения о недогрузке товара с места.

Переходим к случаям, когда груз прибывает на станцию назначения с излишком веса и одновременной недостачей внутри упаковки.

Излишек веса против накладной, если он не может быть объяснен влиянием атмосферных условий, является только результатом неправильного определения веса либо станцией назначения, либо, чаще всего, станцией отправления.

И в самом деле, допустим, что ящик с обувью весом брутто 50 кг. содержит в себе 50 пар обуви. При взвешивании этого ящика на станции отправления вес его ошибочно определяется не в 50 кг., а только в 30.

В пути происходит хищение 2 пар обуви, и в результате вес прибывающей на ст. назначения обуви определяется в 48 кг.

Если бы вес обуви был определен на станции отправления правильно, мы имели бы недостачу веса против накладной равную 2 кг.

Между тем вследствие допущенной станцией отправления ошибки мы не только не имеем недостачи веса против накладной, но, наоборот, имеем излишек веса в 18 кг.

Приведенный пример показывает, что излишек веса против накладной отнюдь не может служить доказательством недовложения товара грузоотправителем.

Но если это так, то служит ли излишек веса доказательством хищения груза в пути?

Конечно, нет, и в результате как позиция грузоотправителя, так и позиция железной дороги в рассматриваемых случаях оказываются одинаково шаткими.

Мы думаем тем не менее, что излишек веса против накладной все же признак вины железной дороги, исключающий возможность переложения ответственности за недостачу на грузоотправителя.

Обязанность иметь квалифицированных весовщиков и исправные весы — первейшая обязанность железной дороги, и если в результате нарушения этой обязанности создаются условия, при которых нельзя обнаружить хищения товара в пути, то все вытекающие отсюда невыгодные последствия целиком должны ложиться на железную дорогу.

Подводя итоги всему сказанному, мы считаем, что исправность тары и неповрежденность внутренней упаковки при одновременной недостаче веса и товара против счета не соз-

дает предположения о недовложении товара с места и не может служить основанием для освобождения железной дороги от ответственности за недостачу. Излишек веса против накладной создает по вине железной дороги условия, при которых невозможно разрешить вопрос о происхождении недостачи, почему ответственность в этих случаях, как правило, должна ложиться на железную дорогу.

А. Фрешкоп

с/з 10-38

Осмотр места преступления

Всем работникам суда, прокуратуры и органов расследования хорошо известно, что основной задачей нашего советского суда является беспощадное подавление врагов народа, пытающихся посягнуть на нашу социалистическую родину, и воспитание дисциплины и самодисциплины трудящихся.

О работниках, которые на основе научных методов раскрывают загадочные преступления и при помощи добытых вещественных доказательств приближают закоренелых преступников — врагов народа, мы и хотим рассказать.

В один из летних дней, в окрестностях города Сочи на опушке леса лесник обнаружил ящик с трупом ребенка, зарытый слегка в землю. Об этом было сообщено следственным органам, и на место обнаружения трупа выехал народный следователь г. Сочи т. А. Минько, совместно с сотрудниками уголовного розыска и двумя студентами Иркутского юридического института, прикомандированными к народному следователю для прохождения практики. Ящик был похож на стандартную тару для гвоздей и сверху на нем были написаны таинственные буквы «ЦБТ». Внутри ящика было найдено несколько обрезков белой бумаги, похожих на обрывки телеграфной ленты, кусочек антрацита и небольшая медная пластинка.

Перед следователем встала задача — установить причину и виновников смерти ребенка. Установив при помощи врача-эксперта, что ребенок был задушен, следователь приступил к поискам убийцы. Он поставил себе задачей вначале найти владельца ящика, а потом уже вернуть остальные действия. Минько вместе с сотрудниками УГРО и студентами обходил все магазины, склады, ларьки города с целью установления владельца найденного ими ящика.

Однажды, проходя по улице, они заметили, как из типографии грузчики выносили ящики с трафаретами «ЦБТ». Они осторожно завязали с грузчиками разговор на тему — нельзя ли купить несколько ящиков, и попутно спросили, что это за ящики. Грузчики охотно им рассказали, что в таких ящиках в типографию приносят «материал» — линотинные пластинки для набора. После этого Минько зашел в типографию, где увидел еще несколько ящиков с буквами «ЦБТ» и узнал, что эти буквы обозначают «Центральный бумажный трест».

Перед Минько встала задача установить, из какой типографии взят найденный ими на месте преступления ящик, так как в городе было три типографии. По размеру медной пластинки было установлено, что такие пластинки при-

менялись только в одной типографии, а кусочек угля, найденный при осмотре, дал нить для дальнейшего розыска. Было установлено, что в этой же типографии в зимнее время отапливалась печь, причем уголь приносили в маленьком ящике. Стало ясно, что этот ящик был использован для похорон трупа ребенка. Изучив рабочих и служащих типографии, изучив связи холостяков, тов. Минько нашел убийцу ребенка — его собственных родителей.

В осенний вечер, на Профессиональной улице в поселке Свобода г. Пятигорска был обнаружен труп убитого рабочего Трушина. При вскрытии трупа было установлено, что Трушин был убит из пистолета «Браунинг» № 2. По подозрению в этом убийстве, работниками милиции был задержан некто Щериканов. Поводом к задержанию Щериканова послужили следующие обстоятельства. В этот вечер Щериканов со своими товарищами был в поселке «Свобода» в доме бывшей жены, где они изрядно выпили. Примерно около 23 часов Щериканов вышел из дома на улицу и из имеющегося у него пистолета «Браунинг» № 2 произвел выстрел. В это время возвращалась домой одна работница, которая слышала выстрел. Минут через пять она недалеко от своей квартиры обнаружила на тротуаре труп рабочего Трушина.

При задержании Щериканова у него был отобран пистолет «Браунинг» № 2 и шесть боевых патронов к нему.

На другой день утром, к месту, где было совершено убийство Трушина, отправился работник уголовного розыска и сотрудник УГВ УНКВД Орджоникидзевского края, которым было поручено расследование этого дела.

Произведенным осмотром места, где был убит Трушин, было обнаружено, что в 7—8 метрах от этого места в траве около забора лежала гильза от пистолета «Браунинг» № 2, а в 140 метрах от места убийства, около квартиры, откуда стрелял Щериканов, также была обнаружена гильза к пистолету «Браунинг» № 2.

Встал вопрос — кем был убит рабочий Трушин, Щерикановым или другим лицом?

Поскольку в распоряжении расследующих это дело имелись две гильзы от пистолета «Браунинг» № 2, обнаруженные на месте преступления, пули от пистолета «Браунинг» № 2, извлеченная из головы убитого Трушина, пистолет «Браунинг» № 2 и шесть к нему боевых патронов, отобранные у Щериканова, то было решено произвести экспериментальные выстрелы из пистолета «Браунинг» № 2, принадлежащего Щериканову, его же патронами.

Добытые таким путем пули и гильзы, обнаруженные при осмотре места преступления, гильзы и извлеченная из головы убитого Трушина пуля и пистолет Щериканова были направлены в научно-технический отдел управления рабоче-крестьянской милиции Орджоникидзевского края на исследование. Перед экспертизой были поставлены следующие вопросы:

- 1) определить по гильзам, найденным около места преступления, и по гильзам, добытым экспериментальным путем, были ли они выпущены из пистолета «Браунинг» № 2, отобранного у Щериканова, или же из другого пистолета;
- 2) сравнить пулю, извлеченную из головы убитого Трушина, с пулями, добытыми эксперимен-

тальным путем, и определить, была ли извлеченная из головы убитого Трушина пуля выпущена из пистолета «Браунинг» № 2 Щериканова или же из другого пистолета.

В результате исследования всех вышеуказанных предметов научно-техническим отделом было дано заключение, что извлеченная из головы Трушина пуля была выпущена не из пистолета Щериканова, а из другого пистолета. На основании этих данных Щериканов из-под стражи был освобожден. Тогда перед расследующими это дело встала задача во что бы то ни стало обнаружить убийцу Трушина, и с этой целью они вновь направлялись на место, где был убит Трушин.

Осторожно расспрашивая граждан, живущих на улице, где был убит Трушин, им удалось выяснить, что проживающий по этой улице (в 10 метрах от места, где был убит Трушин) гр-н И. хотя и именовал себя бывшим красным партизаном, но вел подозрительный образ жизни, часто у себя на квартире пьянствовал с неизвестными лицами. Кроме того одна гражданка, живущая на другой улице, заявила, что в тот вечер, когда был убит Трушин, неизвестный человек перелез через плетень ее сада и пошел по направлению к квартире И.

В результате осмотра пути, по которому шел И., в густой траве за плетнем был обнаружен билет бывшего красного партизана на имя гр-на Н. Когда найденный партизанский билет был предъявлен понятным, то они заявили, что на этом билете наклеена фотографическая карточка И. (а партизанский билет был выдан гр-ну Н.).

Изучив этот партизанский билет, расследующие установили, что имевшаяся ранее на билете фотокарточка была содрана, а вместо ее наклеена (подогнана под оттиски печати) фотокарточка И. Проверив, где был в вечер убийства Трушина И., расследующие установили, что он вечером был в пивной, где был и Трушин, и когда Трушин из пивной ушел, вскорости вслед за ним ушел и И.

На основании этих данных И. был задержан и сознался в том, что убил Трушина с целью ограбления, так как, находясь в пивной, он узнал, что Трушин в этот день получил зарплату и деньги имел при себе.

Ночью в г. Севастополе, Крымской АССР, было произведено хищение из склада воинской части. Склад охранялся нарядом караула, и поскольку окна и двери склада выходили на все четыре стороны, то часовой не стоял на определенном месте, а все время ходил вокруг склада. Часть находилась в лагерьях, а поэтому в склад ходили очень редко. Часовые друг от друга принимали пост, убедившись в целостности окон и печатей на дверях. Однажды часовой, принимая пост от другого часового, заметил, что в одном из окон, выходящих на восток, выбит кусок стекла и через образовавшееся отверстие свободно можно было открыть окно. Об этом часовым было доложено начальнику караула. Когда склад был вскрыт, то сразу обнаружилось, что в нем хозяйничали воры. Осмотром было установлено, что алчущий человек, разбив стекло нижней части окна, около засова (шипигалета), засунул руку в образовавшееся отверстие и открыл засов, а поскольку окно и сверху было

закрыто на такой же засов, то злоумышленник небольшим железным прутом открыл и второй верхний шпингалет.

Открыв таким образом окно, злоумышленники проникли в склад, причем когда они шли (а их было двое), то в одной из комнат на пыльном полу оставлены отпечатки обутых в сапоги ног и частицы грязи. Один из злоумышленников, открывая дверь (повидимому отмычкой), брался рукой за металлическую ручку двери и оставил там невидимые отпечатки своих пальцев.

Открыв дверь, злоумышленники проникли в хранилище, где забрали простыни, рубашки, одеяла и другие вещи и все это через то же самое окно вынесли из склада.

По оставленным ими на земле следам (отпечатки ног), которые ясно были видны, следовательно проследил, что все похищенные вещи злоумышленники отнесли на линейку, которая стояла на дороге в тридцати метрах от склада, за небольшой горкой, и на этой линейке увезли ее направлению к городу.

Поскольку склад охранялся часовыми, то следователь пришел к правильному выводу, что хищение из склада произошло при помощи часовых, и перед ним встал вопрос — кто из часовых является соучастником этой кражи. Для того, чтобы установить это, следователю нужно было узнать, когда именно, в какой день произошла кража со склада и примерно время этой кражи. Осматривая и изучая глубокие следы колес линейки и следы ног, которые были ясно видны на дороге, следователь пришел к выводу, что эти следы оставлены вскорости после дождя (отпечатки были сделаны на разрыхленном грунте). После того как следы колес и ног были сфотографированы, со следов колес и ног были сделаны слепки, а ручка двери, на которой имелись отпечатки пальцев злоумышленника, была направлена для проявления, следователь через бюро погоды установил день, когда шел дождь, и время его окончания. По наряду были установлены фамилии часовых, стоявших в это время на посту, и следователь стал изучать этих красноармейцев. В результате этого он остановился на красноармейце Б., который показался ему подозрительным по образу жизни, так как неоднократно был замечен в выпивках, частых отлучках в город к своим знакомым. Следователь стал изучать круг знакомых Б. и среди них установил одного гр-на Ш., который имел линейку. Следователь также установил, что этот гр-н Ш. уже был однажды судим за кражу.

Произведенным обыском на квартире Ш. похищенных вещей обнаружено не было, но зато при осмотре линейки во дворе дома следователь убедился, что на этой самой линейке товары были увезены из склада, так как отпечаток следа колеса был такой же кривой, как и отпечаток, обнаруженный на дороге недалеко от склада, вследствие того, что спицы в колесе были расшатаны и колесо давало кривой след. Сделав слепок со следа колес линейки, следователь задержал гр-на Ш. После задержания гр-на Ш., от него были получены отпечатки пальцев, а со следа обутых на нем сапог, также был сделан слепок.

Полученные таким путем отпечатки пальцев Ш., слепки с его сапог и колес линейки были сличены со слепками следов колес, ног и паль-

цев, обнаруженных на месте преступления, и было установлено, что они тождественны.

Гр-н Ш. вынужден был сознаться, что хищение со склада он совершил совместно с двумя своими товарищами в то именно время, когда на посту стоял красноармеец Б., который и дал ему совет, как обокрасть склад.

Произведенным обыском на квартире соучастников Ш. были обнаружены похищенные вещи. Все преступники, в том числе и красноармеец Б., сознались в совершенном преступлении и были осуждены нашим советским судом.

Вечером на окраине села недалеко от своей квартиры обнаружен убитым председатель колхоза И. Осматривая труп, следователь по ранению головы И. установил, что председатель колхоза был убит выстрелом из охотничьего дробового ружья. Заряд дроба попал в лобную часть правого виска. Из этого следователь сделал вывод, что убийца стрелял из-за дерева, стоявшего в 5 метрах с восточной стороны дороги. На месте преступления следователь нашел следы пыжа — частично обгорелые бумажки, которые он все собрал. Около дерева следователь нашел окурки папирсы марки «Чапаев». На одном из найденных на месте преступления листов остатков пыжа, ниже текста было написано «Поднятая целина». Следователь, будучи знаком с художественной литературой, определил, что пыжи были сделаны из листов, вырванных из книги Шолохова «Поднятая целина».

Участковый инспектор милиции сообщил следователю о том, что после убийства И. тракторист Т. и учительница В. говорили ему, что в вечер убийства они, идя из клуба, видели, что недалеко от места преступления кто-то крадулись шель тропинкой. Т. кроме того показал, что хотя он и мельком видел удаляющуюся фигуру, но ему показалось, что это был счетовод колхоза Ж.

Следователь решил на квартире Ж. произвести обыск. Обыск дал положительные результаты. У Ж. было обнаружено двухствольное дробовое ружье, один ствол которого был заряжен. Когда ружье было разряжено, то следователем было установлено, что пыж для заряда этого ствола также был сделан из листов книги Шолохова «Поднятая целина». Осматривая книги, следователь также установил, что из книги Шолохова «Поднятая целина» было вырвано пять листов, начиная со стр. 17 по 21 включительно. Следователь также обнаружил на квартире гр-на Ж. окурки от папирсы марки «Чапаев».

Суммируя все добытые доказательства, следователь пришел к выводу, что убийство председателя колхоза было совершено счетоводом Ж. На основании этих данных он арестовал гр-на Ж. Уличенный вышеуказанными доказательствами, гр-н Ж. сознался, что он сын кулака, бежал из ссылки и по подложным документам проиц в колхоз, где занимался вредительством, и что убил И. за то, что последний намеревался его разоблачить.

Из сказанного видно, какое огромное значение имеет тщательный осмотр места преступления.

В. Раскольников

Заметки о расследовании дел о крушениях

Если у прокурора на участке случилось крушение, виновники которого находятся здесь же, на его участке — в этих случаях он проявляет максимум энергии, чтобы провести следствие по делу как можно лучше, исследовать обстоятельно все детали, провести, если нужно ряд экспертиз и т. д.

Но если виновники крушения где-то далеко, на чужой дороге, или, например, на заводе, изготовившем вагонную ось, или в ВРП, производившем осмотр вагонов, то в этих случаях наблюдается стремление как-нибудь поскорее оформить материал следствия и сплавить его прокурору другой дороги.

21 января старший следователь прокуратуры Юго-восточной ж. д. т. Шевцов выносит постановление о направлении материала по территориальности прокурору Дзержинской ж. д. для привлечения к ответственности работников вагонного депо ст. Люблино, виновных в недоброкачественной сварке крюка у платформы № 938 123.

В результате недоброкачественной сварки крюка последний оборвался, и поезд № 915 потерпел крушение.

Крушение произошло на перегоне Северо-Донецкая — Каменская 19 января 1938 г.

Прокурор дороги т. Можай 24 января направляет постановление следователя прокурору дороги им. Дзержинского.

В поступившем материале не было самого главного — результатов лабораторного исследования крюка. Этот акт был послан только 20 мая, т. е. спустя пять месяцев после крушения.

1 ноября 1937 г. транспортный следователь прокуратуры ж. д. им. Л. М. Кагановича т. Пыльнев выносит постановление о направлении материалов по крушению поезда № 504 31 октября 1937 г. на перегоне Беркутский — Тутарский прокурору Дзержинской ж. д. по территориальности.

Из постановления следователя Пыльнева, утвержденного прокурором участка Филатовым, видно, что виновниками крушения являются работники вагонного участка ст. Люблино, пропустившие без технического осмотра вагон № 579 102, имевший в подступичной части оси старую трещину в 70%.

Заключение о старой трещине дали прокурор Филатов и ревизор по безопасности движения Лернер, осмотревшие ось на месте крушения. Никакого лабораторного исследования лопнувшей части оси произведено не было, эскиз оси небрежно начерчен карандашом на клочке бумаги.

Выходит ли старая трещина из подступичной части наружу, можно ли ее было обнаружить при осмотре вагона — ответа на эти вопросы не было.

От прокурора 5-го тюменского участка затребован был дополнительный материал.

Только 13 марта, т. е. спустя 5 с лишним месяцев после крушения, прокурор тюменского участка посылает «дополнительно» опять тот же эскиз без заключений экспертов-специалистов. В результате дело расследованием затянулось.

9 февраля с. г. следователь Московской Окружной ж. д. т. Терехов выносит постановление о направлении материалов по крушению поезда № 912 на перегоне Лефортово — Черкизово по территориальности прокурору дороги им. Дзержинского.

Из постановления видно, что виновниками крушения являются работники вагонного участка ст. Люблино, поставившие к платформе звенку с надломом ручки на 90%.

Лабораторного расследования ручки звенки произведено не было, сама ручка звенки как вещественное доказательство с делом не была приложена.

Пришлось сначала истребовать дополнительно ручку звенки, затем направлять ее в институт на исследование.

На все это ушло около двух месяцев. Между тем Терехов мог все это сделать сразу.

Результаты научно-лабораторного исследования ручки звенки показали, что дефект у звенки был внутреннего свойства и обнаружить его при осмотре вагонов нельзя было.

20 января 1938 г. следователь ДВ ж. д. Куканов составляет обвинительное заключение по обвинению машиниста Качан М. А. в том, что он допустил неплавное ведение поезда № 701, в результате чего произошла самоотцепка поезда.

12 февраля прокурор ДВ ж. д. Шевак выносит постановление о прекращении дела в отношении машиниста Качан и о направлении дела по территориальности прокурору Дзержинской ж. д. на том основании, что работники вагонного участка ст. Люблино допустили недоброкачественный ремонт платформы № 136—1433.

23 апреля следователь Ерофеев выносит постановление о назначении по делу экспертизы и направляет весь материал по территориальности прокурору Дзержинской ж. д.

В своем постановлении следователь пишет: «дело Люблино постановило дефектную манжету главного поршня и рычаги, несоответствующие альбомным размерам».

По поводу дефектной манжеты эксперты дали такое заключение: «кожаный манжет главного поршня имел порок в виде трещины. Этот дефект мог сначала себя не показывать».

Сразу же возникает ряд недоуменных вопросов: что значит «сначала», в Люблино или еще где, а, может быть, на заводе? От кого зависит этот дефект? Где изготовлена была недоброкачественная манжета?

Ответов на все эти вопросы в деле нет.

Следователь Ерофеев вместо того, чтобы уточнить все эти вопросы на месте, спешит скорее отослать дело по территориальности.

По вопросу о постановке рычагов, несоответствующих альбомным размерам, Ерофеев попал в неудобное положение.

Он в своем постановлении дословно написал следующее: «по вопросу рычагов при материалах дела нет никаких данных». Зачем же тогда брать материал из ДВК в Москву?

6 апреля 1938 г. прокурор Златоустинского участка Солдаткин выносит постановление о направлении материала об аварии поезда № 919 по территориальности прокурору Дзержинской ж. д.

Авария произошла 3 апреля, а 4 апреля материал уже переправляется по территориальности. Что же прислал Солдаткин?

Один акт об аварии поезда, подписанный прокурором и ревизором по безопасности движения. В этом акте указано, что «авария произошла вследствие обрыва головки автосцепки, которая при падении вызвала сход тендера. Виновики являются агенты завода им. Кагановича, которые выпустили недоброкачественную головку автосцепки, имеющую раковины и старый надрыв в 40%».

Расследованием на заводе им. Л. М. Кагановича было установлено, что головка автосцепки выпущена с завода в 1935 г., т. е. три года она работала исправно. Встал, естественно, вопрос: — какой давности надрыв, каков характер раковины; кроме того в первоначальном акте не указан трафарет инспекторского клейма: номер плавки с документами завода также не сходятся.

Прокурору была послана телеграмма с просьбой уточнить следующие вопросы:

1) указать трафарет инспекторского клейма, без чего совершенно не представляется возможным установить виновного агента, прижавшего недоброкачественную головку;

2) уточнить номер плавки, так как в книгах завода этот номер не значится;

3) установить лабораторным путем время надрыва сцепки.

9 мая прокурор Солдаткин дал ответ: «автосцепки уже нет, она сдана в утильсырьё, никаких дополнительных материалов прислать не могу».

Из вышеперечисленных фактов напрашивается следующий вывод: прежде чем направлять материал по территориальности, необходимо исследовать все вопросы детальнейшим образом. Малейшая неясность или упущение в расследовании влекут за собой излишнюю и длительную переписку, сроки следствия не выдерживаются, и само дело в итоге теряет свою злободневность, а иногда и политическое значение.

И. Батяев.

Спорный случай из области наследственного права

В одном из народных судов г. Москвы возник следующий спор из области наследственного права.

Гр-н А вступил во второй брак с гр-кой Б, имея от первого брака семилетнего сына В. Супруги А и Б содержали и воспитывали мальчика В в течение 9 лет до смерти гр-ки Б. Гр-н А и сын его В находились на-лицо во время и в месте смерти гр-ки Б. Возник спор о том, может ли В быть признан сонаследником гр-ки Б в связи с тем, что он до смерти Б находился на иждивении не у одной Б, а также у отца своего А. Таким образом, юридический спор сторон сводился к тому, можно ли утверждать, что В находился на полном иждивении у Б, если фактически его содержали и воспитывали оба супруга, А и Б?

На этот последний вопрос нам представляется правильным дать такой ответ: В приобрел наследственное право после Б в качестве ее иждивенца (ст. 418 ГК), если он, В, до смерти Б содержался и воспитывался обоими супругами, А и Б, так, как обычно содержится и воспитывается малолетний сын совместно живущими естественными его родителями.

Возражение о том, что в данном случае иждивенчество не было полным, должно быть отклонено по следующим соображениям:

Обязанность совместно проживающих родителей содержать и воспитывать своих малолетних и несовершеннолетних детей носит солидарный характер в том смысле, что каждый из совместно живущих родителей обязан полностью содержать и воспитывать ребенка, независимо от фактического участия другого родителя в общих расходах по содержанию ребенка. Даже тогда, когда один из родителей может, но не хочет расходоваться на содержание ребенка, второй родитель по отношению к ребенку не освобождается от обязанности полностью давать средства на его содержание, пользуясь лишь регрессным правом требования по отношению к другому родителю, уклоняющемуся от своей обязанности участвовать в расходах на содержание ребенка. Такая солидарная алиментная обязанность двух и более лиц при раздельности их имущества известна нашему праву и нашла прямое свое выражение во 2 части ст. 42-2 КБСО в редакции 1929 г., согласно которой в случаях, предусмотренных в 1 части ст. 42-2, обязанность содержания малолетних детей для нескольких лиц, получивших наследство, является солидарной и возлагается на них пропорционально размерам полученного ими наследства. Точно также, если в ст. 42 КБСО изложено, что «родители обязаны доставлять содержание несовершеннолетним детям», то слова ст. 48: «обязанности содержания детей лежат на обоих родителях» — имеют тот смысл, что обязанность эта солидарная, хотя между собою родители должны распределять расходы «в зависимости от их материального положения». Эта ст. 48 по своему внутреннему смыслу совершенно тождественна со 2 частью ст. 42-2, и лишь юридический термин «солидарная», употребленный в ст. 42-2, изложен в описательной форме в ст. 48 КБСО. Такое именно понимание ст. 48 КБСО находит свое подтверждение в ст. 162 Кодекса законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве, опубликованном в Собрании узаконений 1918 г. № 76, ст. 818. Названная ст. 162 кодекса 1918 г., которая, несомненно, послужила источником ст. 48 ныне действующего кодекса, утвержденный ВЦИК в 1926 г., гласила так: «Обязанность содержания (то есть детей) лежит на родителях в равной мере, и размер выдаваемого ими содержания определяется в зависимости от их материального положения. Родители, не могущие уплатить свою долю полностью, уплачивают часть». Выражение «в равной мере» при дальнейшем указании законом долевого участия супругов в содержании детей не могло иметь иного значения, как то, что алиментная обязанность родителей по отношению к их нетрудоспособным детям является солидарной, независимо от внутренних

взаимных между собою расчетов супругов по их материальному положению. Вместо описания принципа солидарности словами «в равной мере» пыле в ст. 48 КБСО употреблено выражение «на обоих родителях».

В практической жизни всегда осуществляется принцип солидарности при содержании и воспитании детей их родителями, совместно живущими со своими малолетними и несовершеннолетними детьми. В нормальной здоровой семье невозможно вычислять доли участия каждого из родителей в духовных заботах и материальных расходах по воспитанию и содержанию их общего ребенка. Нельзя, например, говорить, что ребенок при отце и матери находится в половине, третьей, четвертой части на иждивении у одного супруга, а в половинной части, двух третях или трех четвертях находится на иждивении у другого супруга. Юридически и практически будет более правильно считать, пока не доказано противное, что ребенок при родителях находится на полном иждивении и у отца и у матери: родители перед ребенком выполняют свою солидарную обязанность, ребенок по отношению к каждому родителю осуществляет свое право требовать алиментов, а также, в частности, и свое право наследовать после каждого из родителей.

Вся эта концепция применима и к тому случаю, когда супруги принимают в свою семью на полное иждивение чужого ребенка и воспитывают его как родного сына. В этом случае отчим как бы заменяет родного отца, а мачеха — родную мать.

По идее 418 ст. ГК фактическое иждивенчество создает отношения, подобные отношениям родственным. Наследодатель, давая в течение целого года до смерти полное содержание чужеродному иждивенцу, добровольно принимает на себя обязанности, вытекающие обыкновенно из родственной связи, и по этой причине закон в отношении наследования приравнивает фактического иждивенца к родным детям или внукам. Отсюда следует, что полный иждивенец двух супругов должен быть приравнен и в области содержания, и в области наследования к родным детям этих обоих супругов, то есть должен считаться состоящим на полном иждивении каждого из супругов и должен наследовать после смерти каждого из супругов. Если встать на иную точку зрения, то иждивенец будет лишен того наследственного права, которое ему даровано ст. 418 ГК. В самом деле, предположим, что супруги приняли на свое содержание и воспитание чужого годовалого ребенка — круглого сироту и после 10 лет содержания и воспитания умирают один после другого с промежутком в 6 месяцев. Если признать, что при жизни супругов ребенок у каждого из супругов не находился на полном иждивении, то после первой из двух смертей ребенок не наследует потому, что он не был на полном иждивении умершего лица, а после второй смерти также не наследует потому, что на полном иждивении умершего второго из супругов ребенок был менее года. В результате ребенок, как родной сын, содержался и воспитывался супругами в течение 10½ лет и в возрасте 12 лет ничего не наследует после умерших супругов.

В силу всех этих соображений следует признать, что В при условии его содержания и вос-

питания в течение 9 лет до смерти Б общими заботами и иждивением супругов А и Б, то есть при условии воспитания и содержания В не только его отцом, но и его мачехой, как родного сына, он, В, должен быть признан законным наследником после Б в качестве ее иждивенца.

А. Штайнберг

О приеме юрисконсультов в адвокатуру

Не случайно в последнее время в статьях о защите, опубликованных в специальной печати, авторы говорят и об юрисконсультах.

И юрисконсульты и адвокаты являются работниками, получившими одинаковое юридическое образование. И те и другие способны перевоплощаться, без особого труда, один в другого, то есть юрисконсульт в адвоката, и наоборот.

Мы отнюдь не склонны отрицать того, что каждая из этих специальностей имеет свои специфические особенности, навыки, технику и т. д. Не следует только переоценивать этот момент.

Полученное юридическое образование, практическая работа в области законодательства, умение ориентироваться в законодательных источниках и анализировать законы — все это, казалось бы, делает юрисконсультов весьма желательным элементом в адвокатуру.

Готовым адвокатом никто не рождается. Это надо знать и помнить особенно ретивым противникам приема юрисконсультов в адвокатуру.

Не может не вызывать удивление следующее утверждение т. Голубовского в статье № 2—3 «Советской юстиции», что, «не занимаясь адвокатурой систематически можно относительно более или менее глубоко изучить законодательство, но нельзя усвоить нормально судебную практику, основанную на правильном понимании закона, нельзя бороться с извращениями закона, принимаемыми иногда форму той же судебной практики». Трудно сказать, чего в этом туманном утверждении больше: дешевой ли спеси или политической безграмотности. Ведь получается, что только адвокат может бороться с извращениями закона, «принимаемыми иногда форму той же судебной практики» (сразу понять вообще трудно). А мы, наивные люди, думали, что эта задача под силу прокуратуре, органам советской власти и даже, извините, т. Голубовский, за святотатство, и юрисконсультам, и даже всем честным и преданным советской власти советским гражданам.

Кроме того, на основании каких данных т. Голубовский установил, что извращение закона «иногда принимает форму той же судебной практики»? Неужели вся эта весьма странная аргументация, от которой отдает поклоном на советское правосудие, нужна для того, чтобы во что бы то ни стало доказать, что юрисконсульты нельзя принимать в адвокатуру, а из адвоката сделать монополиста в области борьбы с извращениями социалистической законности? Здесь надо прямо сказать, что политика президиума Московской коллегии защитников в вопросе о приеме юрисконсультов в адвокатуру до

известной степени способствует таким «высказываниям». Для того чтобы не быть голословным, обратимся к фактам, отображающим последовательную борьбу президиума против проникновения юрисконсультов в адвокатуру.

На первом этапе борьбы действовали так называемые «лимиты». Это ограничение сводилось к установлению искусственного контингента. Так как контингент этот почти всегда был заполнен, особенно когда речь шла о приеме юрисконсультов, то заявления юрисконсультов вовсе не рассматривались. Кстати сказать, оставление заявлений о приеме без рассмотрения месяцами и даже годами вошло прочно в практику работы президиума коллегии.

От «теории лимита» пришлось отказаться, ибо было доказано, а затем и разъяснено, что эта «теория» лишена всяких законных оснований, так как никто и никогда не представлял право президиумам коллегий защитников устанавливать «лимиты» (оказывается, и систематические занятия адвокатурой не спасают от нарушения закона).

Следующий этап борьбы сводился к предъявлению юрисконсульту требования о представлении справки с места службы за подписью руководителя учреждения о том, что последний не возражает против перехода юрисконсульта на работу в адвокатуру. Пытался, правда, бедный юрисконсульт, не искушенный в советских законах, разъяснить всезнающему президиуму, что это требование явно абсурдное, что существует ст. 46 КЗоТ, дающая право трудящемуся расторгнуть договор во всякое время, предупредив наперед за определенный указанный в этой статье срок. Пытался юрисконсульт доказать, что нельзя заставить руководителя учреждения давать условные справки, что, наконец, юрисконсульт, не представляющий большой ценности, такую справку представит, а вот юрисконсульт, пользующийся авторитетом, квалифицированный, такой справки не принесет, и это понятно, так как руководитель учреждения (предприятия) всегда будет возражать против ухода с работы ценного работника.

А ведь адвокатура заинтересована в пополнении своих рядов квалифицированными юристами.

Всего этого неумолимый в своих требованиях президиум коллегии упорно не желает понять.

На этом этапе борьбы победа также оказалась не на стороне президиума. Пришлось отказаться и от этого требования.

Третий этап борьбы — организация испытаний.

С этой целью создается аттестационно-испытательная комиссия.

Всем подавшим заявление юрисконсультам предлагалось подвергнуться испытаниям.

Естественно, что это мероприятие встретило вполне законное негодование юрисконсульты. Возникли невольные вопросы: на каком основании президиум коллегии защитников брал под сомнение диплом об окончании юридического вуза?

И, наконец, почему в отличие от всех советских учреждений, где прием работников осуществляется путем обычной проверки представленных гражданином документов, личных переговоров с ним и так далее, президиум при приеме в адвокатуру устраивает экзамены? Незаконность и нелепость подобного мероприятия настолько очевидна, что не требует никаких разъяснений.

К каким еще средствам борьбы с юрисконсультами прибегнет президиум, предугадать трудно.

Все перечисленные ограничения по существу, конечно, сводились к тем же «лимитам», только в завуалированном виде.

Совершенно очевидно, что президиуму коллегии необходимо разъяснить, что энергию, так бесплодно расточаемую на создание искусственных препятствий в приеме юрисконсульты в адвокатуру, следует переключить на более полезную работу.

Юрисконсультам, так же как и всем юристам, должен быть открыт широкий доступ в адвокатуру. Прием в адвокатуру должен производиться путем обычной проверки деловой и политической пригодности.

Придавая большое значение адвокатской работе, особо ответственной в свете Сталинской Конституции, мы также считаем, что адвокатской профессией нельзя заниматься урывками.

Но из всего этого вовсе не следует, что зачисление в адвокатуру должно немедленно влечь за собой оставление юрисконсультской работы. Против такого требования можно выдвинуть несколько возражений: во-первых, не может быть такого положения, чтобы это требование применялось только лишь к вновь вступающим в адвокатуру, во-вторых, поскольку президиум не гарантирует вновь вступившим определенного заработка, вполне естественно, что до создания какой-то материальной базы юрисконсульт не может бросить свою работу, дающую ему определенный заработок, в-третьих, и это надо иметь в виду, кадры квалифицированных юрисконсульты не настолько велики, чтобы нельзя было допустить совмещение адвокатской работы с юрисконсультской. Вопрос о допустимости совмещения юрисконсультской и адвокатской работы должен решаться в каждом отдельном случае строго индивидуально.

В заключение мы считаем необходимым выразить свою полную солидарность с точкой зрения т. Бронштейна, выраженной им в статье № 12 «Социалистической законности», что «не может быть в советском государстве людей, которым бы запрещалось заниматься адвокатурой, если они удовлетворяют всем элементарным условиям приема, то есть имеют специальное образование и являются политически и юридически грамотными».

Пора отделу судебной защиты Наркомюста Союза ССР положить конец неправильной и вредной политике, проводимой президиумом Московской коллегии защитников в вопросе приема юрисконсульты в адвокатуру.

М. Фридман

СУДЕБНО - НАДЗОРНАЯ ПРАКТИКА ПРОКУРАТУРЫ СОЮЗА

НЕПРАВИЛЬНОЕ ПРИМЕНЕНИЕ ЗАКОНА ОТ 7 АВГУСТА 1932 г.

Главсуд Татарской республики приговорил гг. Гализеева Салах, Залиева Шигала и Гализеева Сунгат по закону от 7 августа 1932 г. к 40 годам лишения свободы каждого.

Коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР приговор оставила в силе.

Приговором суда осужденные были признаны виновными в том, что Гализеев Сунгат, работая приемщиком на ссыльном пункте «Заготзерно», Гализеев Салах и Залиев Шигал, работая возчиками Райпотребсоюза, войдя между собой в преступную связь, систематически занимались хищением хлеба из пункта «Заготзерно», продавая украденный хлеб на рынке.

При проверке склада «Заготзерно», приемщиком зерна на котором был Гализеев, оказалась недостача ржи 27 806 кг и вики 490 кг.

Прокуратура Союза опротестовала приговор суда по следующим основаниям:

По делу не доказана преступная связь между приемщиками райпотребсоюза Гализеевым и Залиевым. Факт отпуска Гализеевым 200 кг. ржи Гализееву и Залиеву на суде не нашел подтверждения. Подсудимый Гализеев заявил на суде, что он на предварительном следствии оговорил Гализеева, и от своих показаний в этой части отказался. Других доказательств, подтверждающих этот факт, в деле нет.

Свидетель Хисматуллин, работник склада «Заготзерно», показал на суде, что со склада рожь отпускалась возчикам райпотребсоюза Гализееву и Залиеву только по нарядам райпотребсоюза и о нелегальном отпуске зерна он не знал. Подсудимые преступную связь между собой отрицали.

Нет оснований делать вывод и о том, что выявленная на складе «Заготзерно» недостача 2 829 кг зерна есть результат хищения.

При снятии остатков на складе по состоянию на 1 января 1935 г. инвентаризационная комиссия записала в акт выявленный излишек ржи 32 259 цент. Этот выявленный излишек записали на приход.

При перевешивании зерна на складе 21 апреля 1935 г., произведенном после ареста приемщика Гализеева и в его отсутствие, была выявлена недостача 27 824 кг ржи и 490 кг вики и излишки 2526 кг чечевицы и 1 264 кг подб.и.

Опрошенные на суде свидетели Сметанин — бухгалтер конторы «Заготзерно», и Долгополов — технический руководитель конторы «Заготзерно» объясняют расхождения в результатах снятия остатков зерна на складе неправильностью оформления документов при переброске хлеба из одного склада в другой. Таким образом виновность Гализеева состоит в том, что он ха-

латно относился к оформлению документов при приеме и отпуске зерна со склада. За халатное отношение Гализеев должен нести ответственность по ст. 111 УК.

По делу доказано, что колхозники колхоза «Им. 9 съезда советов» Гализеев и Залиев, работая по договору колхоза с райпотребсоюзом по доставке зерна со склада «Заготзерно» на склады райпотребсоюза с предварительным размолом зерна на мельнице, занимались хищением муки, принадлежащей райпотребсоюзу. Им не было доставлено на склад райпотребсоюза 285 кг муки, которые они украли при размоле зерна на мельнице. Часть этой муки — 107 кг Залиев продал, а при реализации остальной был задержан.

Обвинение Гализеева и Залиева в хищении 285 кг зерна подтверждено показаниями свидетелей Бахтияровым, Хамидуллиным и Ибрагимовым Галимовым и признанием осужденного Залиева.

Преступление Гализеева Салах и Залиева Шигала надлежит квалифицировать по ст. 162 УК.

Президиум Верховного суда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил пере-квалифицировать действия Гализеева Сунгат по ст. 111 УК, а Гализеева Салах и Залиева Шигал по ст. 162 п. «д» УК, определив каждому из них наказание в виде трех лет лишения свободы.

ОТМЕНА ОПРАВДАТЕЛЬНОГО ПРИГОВОРА, ВЫНЕСЕННОГО ПРИ НАЛИЧИИ ДОСТАТОЧНЫХ ОСНОВАНИЙ ДЛЯ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Приговором выездной сессии Днепровского областного суда по делу о наводнении в г. Мелитополе весной 1937 г. были оправданы привлекавшиеся по обвинению в халатности по ст. 99 УК обвиняемые Минаков А. Г., Лунев Г. В., и Грищенко И. П. за недоказанностью обвинения.

Из материалов дела видно, что постановлением президиума Мелитопольского горсовета от 14 февраля 1937 г. для борьбы с надвигающимся наводнением в городе была создана комиссия в составе обвиняемых Минакова (председатель), Лунева (заместитель) и пяти членов, в том числе обвиняемый Грищенко.

16 февраля 1937 г. на заседании комиссии обязанности между членами комиссии были распределены следующим образом: Минаков и Лунев — общее руководство работой; Аврутин — заготовка необходимых материалов; Артеменко — подготовка лодок, багров и проч.; Грищенко — подыскание помещений для переселения людей из затопленных районов.

22 февраля 1937 г. комиссией были получены сведения о том, что на город надвигается боль-

шая вода. Однако, когда в 7 часов вечера 23 февраля началось наводнение, продолжавшееся до 25 февраля, комиссия была застигнута им врасплох. Необходимого спасательного инвентаря, как-то канатов, веревок, крючков, спасательных кругов, изготовлено не было. Лодок оказалось всего шесть, а весел к ним только десять, причем и лодки и весла были неисправными.

Население об ожидаемом особо сильным в этом году наводнении своевременно предупреждено не было, так как обязательное постановление по этому поводу было расклеено только 21 февраля 1937 г. и то далеко не повсюду.

В результате вода залила низкие части города стремительным потоком, создалась паника и только благодаря хорошей работе авто и груз-транспорта дело обошлось без человеческих жертв, за исключением двух человек, выпавших из танкетки и утонувших на глазах людей возле моста в силу того, что не оказалось ни лодок, ни крючков, ни багров для оказания им помощи. Только уже после полуночи 23 февраля Минаков затребовал из Генического Освода лодки, которые прибыли 24 февраля, в то время, когда нужда в них уже в значительной мере миновала.

Из-за отсутствия достаточного количества лодок люди сидели на крышах, среди бушующей стихии, пока их не сняли.

В результате наводнения был причинен убыток в размере 711 тыс. руб. и разрушен ряд зданий.

Таким образом материалами предварительного расследования установлено, что членами комиссии по борьбе с наводнением не было изготовлено надлежащего инвентаря (по вине Аврутина); не были изготовлены лодки и весла (по вине Артеменко); поздно были затребованы лодки из Геническа; поздно расклеено обязательное постановление; отсутствовало руководство спасательными работами (по вине Минакова и Лунева).

В отношении обвиняемого Грищенко халатность не установлена, так как меры по переселению людей из затопленных районов им были своевременно приняты и за хорошую работу он был даже награжден облисполкомом. Все эти факты были установлены данными предварительного расследования.

Дело это поступило в суд с большим опозданием (дело было начато следствием 7 марта, а судом рассматривалось 24 октября). На суде все свидетели значительно смягчили свои показания в пользу обвиняемых, однако, все указанные выше факты, свидетельствующие о недостаточности подготовки к наводнению, остались не опровергнутыми и на судебном заседании.

В мотивах оправдательного приговора суд ссылается на стихийный характер наводнения, его «колоссально небывалые размеры», не поддавшиеся предварительному учету, а также на отсутствие человеческих жертв, считая, что указанные выше два человека утонули не в связи с бездействием комиссии. Однако, о силе ожидаемого паводка обвиняемые были осведомлены, за гибель же двух человек, не получивших помощи из-за отсутствия спасательных средств, обвиняемые также должны нести свою долю ответственности.

В деле имеется достаточно оснований для предъявления обвинения Минакову и Луневу, а

также не привлеченным по делу в качестве обвиняемых Аврутину и Артеменко в халатности.

По этим основаниям Прокуратура Союза опротестовала оправдательный приговор выездной сессии Днепропетровского облсуда от 24 октября 1937 г. в отношении Минакова и Лунева.

Верхсуд УССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил приговор облсуда отменить и дело направить на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

ОТМЕНА ПРИГОВОРА ЗА НЕДОКАЗАННОСТЬЮ ОБВИНЕНИЯ

Линейный суд Южной железной дороги 12 октября 1937 г. приговорил по ст. 59-3 п. «в» ч. 1 УК РСФСР машиниста Алифанова Вениамина Викторовича к лишению свободы сроком на 6 лет, поездного мастера Шухова Ивана Денисовича к 5 годам лишения свободы и осмотрщика-автоматчика Попова Александра Матвеевича к лишению свободы на 4 года.

Прокуратура Союза опротестовала приговор линсуда и определение транспортной коллегии Верхсуда Союза по следующим основаниям:

Обвинительный приговор в отношении Алифанова вынесен на основании материалов недостаточно полно и исчерпывающе проведенного следствия.

Линсуд признал Алифанова виновным в том, что, следуя по перегону, несмотря на предупреждение о сокращении скорости при проезде 218 километра, своевременно скорость не сократил, а затем применил резкое торможение, вследствие чего хвостовая часть, не обеспеченная тормозами, надавила на головную и выдавила одну цистерну. В результате произошло крушение. Кроме того, Алифанов при приеме справки о тормозах от осмотрщика-автоматчика Попова не обратил внимания на то, что в справке не указан номер поезда, станция и дата отправления.

Между тем утверждение приговора о нарушении Алифановым скорости хода поезда по 218 километру в материалах предварительного и судебного следствия не находит себе четкого обоснования.

Допрошенные по этому вопросу свидетели дали разноречивые показания. Находившиеся на поезде стрелки ст. Белгород Лукьянов и Афанасьев показали, что поезд следовал со скоростью примерно 25 км в час. По показанию же главного кондуктора Братчана и старшего кондуктора Кошкаророва, Алифанов, подвезжая к станции Слатино, держал скорость 55 км в час.

При наличии такого рода разноречивых показаний свидетелей органы предварительного следствия и суд обязаны были для установления действительной скорости следования поезда путем технических расчетов назначить экспертизу, что сделано не было.

Обосновывая обвинение Алифанова в этой части на показаниях, главным образом, главного кондуктора, ни предварительное следствие, ни суд не пытались выяснить, почему главный кондуктор, «видя нарушение машинистом скорости, установленной предупреждением», не принимал мер в соответствии с § 407 ПТЭ к безопасному следованию поезда путем дачи машинисту соответствующих сигналов о сокращении скорости.

Далее утверждение в приговоре о том, что Алифанов, своевременно не сократив скорость, применил резкое торможение, вследствие чего хвостовая часть поезда навалила на головную, материалами дела также не обосновано.

По этому вопросу имеется только нечеткое показание на суде старшего кондуктора Канкарова, в котором последний говорит, что до толчка он слышал резкое торможение. Помощник машиниста Гревцов, который должен был бы свидетельствовать о том, применял ли машинист торможение у известителя, по этому вопросу ни на предварительном следствии, ни на суде допрошен не был.

Из показаний всех проходящих по делу свидетелей видно, что при подъезде к известителю имел место сильный толчок. Причину этого толчка и предварительное следствие и суд отнесли за счет якобы применения машинистом Алифановым резкого торможения, этот факт ни следствием, ни судом с бесспорной ясностью установлен не был.

При обсуждении вопроса о виновности машиниста Алифанова предварительное следствие и суд игнорировали ряд других обстоятельств, о которых в деле имеются указания и которые сами по себе, независимо от действий Алифанова, могли явиться причиной крушения, а именно: а) автотормоза в поезде были расставлены неправильно — было 20 пролетных осей, хвостовая часть не была обеспечена тормозным нажатием (при весе 1015 тонн, имела лишь всего 71 тонну нажатия); б) как видно из показаний главного кондуктора Братчина, он, почувствовав сильную отдачку, затем толчок и обрыв и предполагая крушение, сорвал стоп-кран; в) 16 вагон, у которого получился обрыв, был сцеплен переходной цепью, кулачок которой был маломерный.

Бесспорно установленной является вина Алифанова в том, что он принял бланк предупреждения о сокращении скорости без указания номера поезда, станции и даты отправления.

За эти действия Алифанов должен нести дисциплинарную ответственность.

Судебно-надзорная коллегия Верховного суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила приговор линейного суда и определение транспортной коллегии Верховного суда Союза ССР в отношении Алифанова отменить и дело о нем в уголовном порядке прекратить.

ОТМЕНА ПРИГОВОРА ЗА МЯГКОСТЬЮ НАЗНАЧЕННОГО НАКАЗАНИЯ

13 апреля 1938 г. лисуд Ашхабадской железной дороги приговорил по ст. 129 ч. 3 УК ТССР: Кишина Семена Георгиевича, начальника механического цеха, к 6 месяцам ИТР и Новикова Егора Семеновича, старшего слесаря, к 1 году ИТР.

9 июня 1938 г. транспортная коллегия Верховного суда Союза ССР приговор оставила в силе.

Прокуратура Союза опротестовала приговор лисуда и определение транспортной коллегии Верховного суда Союза ССР по следующим основаниям:

Лисуд признал Новикова виновным в том, что он, приступив к ремонту двигателя, который должен был занять очень короткое время, не

остановил (не выключил) трансмиссию и производил ремонт на ходу, не обеспечив безопасности работ, вследствие чего ученика слесаря Камышникова, привлеченного Новиковым для помощи при ремонте, затянуло ремнем и наматало на трансмиссию. Камышников получил тяжелые ушибы всего тела и у него была ампутирована левая рука.

Кишина суд признал виновным в том, что он, сделав распоряжение о производстве ремонта, не проследил за соблюдением техники безопасности.

Учитывая, что преступление, совершенное Новиковым и Кишиным, имело тяжелое последствие, назначенная судом мера наказания представляется явно несоответствующей, по своей мягкости тяжести совершенного Новиковым и Кишиным преступления.

Судебно-надзорная коллегия Верховного суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза ССР, постановила приговор лисуда и определение транспортной коллегии Верховного суда Союза ССР отменить и дело направить на новое расследование со стадии судебного следствия.

ОТМЕНА ПРИГОВОРА ЗА НЕДОКАЗАННОСТЬЮ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

7 сентября 1937 г. лисуд Северной железной дороги приговорил машиниста Шевелева Алексея Сергеевича по ст. 59-3 «в» ч. 1 УК к 3 годам лишения свободы.

19 сентября 1937 г. транспортная коллегия Верховного суда Союза ССР приговор оставила в силе.

Прокуратура Союза опротестовала приговор лисуда и определение транспортной коллегии Верховного суда Союза ССР по следующим основаниям:

Лисуд признал Шевелева виновным в том, что он 14 августа 1937 г., следуя действующим машинистом с п. 58 на участке станции Данилов—разъезд Киречи, не заметил утери укрепляющего кольца бандажа на первой оси тендера, вследствие чего при входе паровоза на входные стрелки р. Киреча получился сдвиг бандажа и сход оси с рельс. Поезд был остановлен Шевелевым на расстоянии 140 метров от начала схода, повредив незначительно путь. Перерыв движения продолжался 1 час 40 минут. Других последствий авария с п. № 58 не вызвала.

Из имеющегося в деле акта технической экспертизы усматривается, что основной причиной утери укрепляющего кольца и сдвига бандажа является неправильное формирование колесной пары и неправильная установка укрепляющего кольца. Таким образом, в этой части обвинение Шевелева отпадает.

Что же касается обвинения Шевелева в том, что он не заметил утери кольца и начавшегося ослабления бандажа на станции Данилов при приеме паровоза от своего напарника Баркова, то в этой части обвинение Шевелева неосновательно.

Из материалов дела видно, что глухой звук от среза шпикел и начавшегося сдвига бандажа получился на станции Данилов при подаче паровоза под гидроколонку. Паровозом управлял машинист Баранов, сдавший после набора воды паровоз Шевелеву.

Баранов вместе с машинистом инструктором Елифановским и Шевелевым тщательно осмотре-

ли паровоз для установления происхождения глухого звука при остановке паровоза, однако, ничего не обнаружили. Из дела видно, что Бозанов и Елифановский являются старыми опытными машинистами-стахановцами (Бозанов I кл. и Елифановский II кл.). То обстоятельство, что Бозанов и Елифановский не обнаружили дефекта бандажа, свидетельствует о том, что вменить это в вину менее опытному машинисту Шевелеву (IV класса) не было достаточных оснований.

Сход от тендера с рельс, благодаря бдительности машиниста Шевелева, быстро и плавно остановившего поезд, не вызвал серьезных последствий, кроме перерыва движения на 1 час 40 минут и ущерба в сумме 500 руб.

Шевелев, как это видно из приложенной к делу характеристики, машинист-стахановец, работает на транспорте с 1916 г., награжден значком ударника Сталинского призыва.

Судебно-надзорная коллегия Верховного Суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила приговор лнрсуда и определение транспортной коллегии Верхсуда Союза ССР отменить и дело о Шевелеве в уголовном порядке прекратить за отсутствием в его действиях состава уголовного преступления.

НЕПРАВИЛЬНАЯ КВАЛИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ.

Халатов С. И. был предан суду по обвинению в том, что, являясь агентом по снабжению завода, производил хищение лесоматериала; получал деньги от хозорганизации за перевозку материала, каковые не сдавал на завод и обращал в свою пользу, и выдал шоферу бланк завода для составления подложной доверенности на получение машины, задержанной ОРУД милиции.

Приговором народного суда 1 участка Ленинского района г. Москвы Халатов по ст. 109 УК был оправдан, первые два обвинения судом были признаны недоказанными, за выдачу подложной доверенности по ст. 120 ч. 2 УК Халатов был приговорен к общественному порицанию.

Кассколлегией Мосгорсуда приговор был отменен по кассжалобе гражданского истца (сумма иска к Халатову составляла 313 р. 64 к.).

При новом рассмотрении дела 22 февраля 1936 г. Халатов по ст. 109 УК был приговорен к 2 годам лишения свободы.

Кассколлегией Мосгорсуда приговор нрсуда утвердила.

Президиум Мосгорсуда 28 июня 1936 г. рассмотрел дело в отношении другого осужденного по настоящему делу (Митрофанов), а в отношении Халатова оставил в силе состоявшееся судебное решение.

В порядке надзора, по протесту прокурора РСФСР дело поступило на рассмотрение в коллегию по уголовным делам Верхсуда РСФСР, которая определением от 22 августа 1937 г. изменила формулировку обвинения Халатова, оставив в отношении его обвинение по ст. 109 УК и заменив ему лишение свободы одним годом исправительно-трудовых работ.

Прокуратура СССР, считая определение коллегии по уголовным делам Верховного суда

РСФСР неправильным, опротестовала это определение по следующим основаниям:

Определением коллегии по уголовным делам Верхсуда РСФСР совершенно правильно отвергнуто обвинение Халатова в хищении 3 кубометров лесоматериала, по той причине, что самый факт хищения по делу не установлен. В этой части определение коллегии по уголовным делам Верхсуда РСФСР пришло к тому же выводу, к какому пришел и первый, позднее отмененный, приговор народного суда от 1 января 1936 г.

Определением коллегии по уголовным делам Верхсуда РСФСР от 22 августа 1937 г. обвинение Халатова было сформулировано следующим образом: «Халатов, являясь агентом по снабжению, использовал в личных интересах грузовую машину завода и бланк завода». Из определения не видно, что именно имела в виду коллегия под использованием Халатовым грузовой машины завода в личных целях.

Как видно из обвинительного заключения и приговора суда, речь шла о том, что Халатов брал деньги от хозяйственных организаций за перевозку и деньги не вносил заводу, обращая их в свою пользу. Конкретно речь шла в деле об одном случае с получением 25 руб. Обвинение в этой части Халатова было основано на крайне общих и неконкретных показаниях свидетелей Каракина и Селиверстова. Свидетели эти конкретных фактов получения денег с них Халатовым не указали и при двукратном рассмотрении дела в суде на суд не явились.

Сам Халатов категорически отрицает получение от них каких-либо сумм. Никаких расписок Халатова в получении денег за перевозку в деле нет. При первом рассмотрении дела суд это обвинение вполне правильно отверг.

Второе обстоятельство, указанное в отношении Халатова в определении коллегии по уголовным делам Верхсуда РСФСР, — использование Халатовым в личных интересах бланка завода.

Из материалов дела видно, что речь здесь идет о следующем: на машине завода был перевезен лесоматериал рабочему Осипову. Шофер, ехавший обратно на машине, выпил у Осипова, почему машина и была задержана ОРУД. По просьбе шофера Халатов дал ему бланк завода, на котором шофер написал доверенность в ОРУД на получение задержанной машины. Машина была выдана и возвращена заводу. Вот и все преступление Халатова, которое материалами дела доказано и самим Халатовым признано.

При первом рассмотрении дела нрсуд правильно смотрел в этих действиях Халатова лишь признаки второй части 120 УК, за что и приговорил его к общественному порицанию.

Приговор этот абсолютно правялен, и никаких оснований его отменять и создавать дальнейшее хождение дела по судебным инстанциям в течение примерно года и 8 месяцев не было.

При рассмотрении дела в порядке надзора коллегия по уголовным делам Верхсуда РСФСР должна была просто восстановить первый правильный приговор нрсуда от 3 января 1936 г., а не вносить в последующий приговор изменений, давая неправильную формулировку обвинения Халатова.

Халатов — ранее несудимый, бывший член ВКП(б), исключенный в связи с данным делом.

Формулировка определения Верховного суда носит в отношении его порочающий характер, лишена достаточных к этому оснований.

Президиум Верховного суда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил перекалифицировать действия Халатова по ч. 2 ст. 120 УК и определить как наказание общественное порицание, исключив из приговора присуждение гражданского иска.

НЕОСНОВАТЕЛЬНОЕ ОСУЖДЕНИЕ

Шашкин Никита Иванович, колхозник-активист, заведующий колхозным магазином, был осужден по ст. 111 УК к 1 году исправительно-трудовых работ с взысканием с него 2 267 руб. 31 коп.

Шашкин Н. И. был осужден за то, что он, будучи заведующим колхозной лавкой, вопреки существующим правилам торговли за наличный расчет, отпускал колхозу и колхозникам товары в кредит, а последние рассчитывались через колхоз, в результате чего образовалась недостача в сумме 2 223 руб.

Колхозная лавка, которой ведал Шашкин Н. И., существует с 1933 г. В начале 1935 г. на должность заведующего этой лавкой был выдвинут Шашкин Н. И. и работал он в лавке с 1 февраля по 30 июня 1935 г.

Райпотребсоюз содержал завмага, а все остальные расходы по обслуживанию лавки нес колхоз. Колхоз этот магазин считал своим. Отчеты о работе лавки представлялись в райпотребсоюз. Из лавки отпускались колхозу товары в кредит, о чем райпотребсоюз знал, и производились взаимные расчеты. За товары, отпускаемые Шашкиным в кредит колхозникам, рассчитывался колхоз. Шашкин неоднократно заявлял, что он с работой справиться не может. По характеристике предколхоза и других свидетелей Шашкин хороший и честный колхозник.

В июне 1935 г. была произведена ревизия лавки райпотребсоюзом, и по данным этой ревизии установлена недостача в сумме 2 267 руб. На основании этого Шашкин был привлечен к уголовной ответственности и предан суду за халатное отношение по ст. 111 УК.

Нарсуд приговорил Шашкина к 1 году исправительно-трудовых работ, несмотря на то, что на судебном следствии было установлено, что в недостачу входят мыло и керосин, хотя этих товаров у Шашкина в лавке не было.

По этим мотивам УКК Мособлсуда приговор отменила с передачей дела на новое рассмотрение.

26 сентября 1935 г. нарсуд рассмотрел дело в судебном заседании и, не установив достаточных оснований для осуждения Шашкина, на правил дело на исследование для проведения экспертизы и установления действительных фактов недостачи товаров.

Актом экспертизы от 17 сентября 1935 г. установлено, что отчеты, представленные Шашкиным райпотребсоюзу, исправлялись по приходу и расходу без ведома Шашкина. На некоторых документах, по которым райпотребсоюз относил на счет Шашкина отпуск ему товара, нет расписок в получении товаров Шашкиным, а сами эти документы имеют исправления без оговорок. При-

чем в акте не указано, на какую сумму таких документов и какие товары списаны по этим документам на счет Шашкина. Эти данные следствием не проверялись. Несмотря на отсутствие достаточных данных для предания суду Шашкин вновь был предан суду.

5 декабря 1935 г. нарсуд в судебном заседании, рассмотрев дело, вынес определение об истребовании документов от райпотребсоюза, которых нет расписок обвиняемых в получении товаров.

Райпотребсоюз документы не представил суду и нарсуд все же заслушал дело 14 декабря 1935 г. и вынес обвинительный приговор.

Президиум Мособлсуда 5 мая 1936 г. протест областной прокуратуры на неправильность приговора отклонил, уменьшив присужденную сумму с Шашкина на 822 руб.

29 августа 1936 г. президиум Мособлсуда по протесту председателя облсуда на неправильность уменьшения присужденной суммы отменил постановление свое от 5 мая 1936 г. по вопросу об уменьшении присужденной суммы.

Считая, что приговор нарсуда и все последующие определения и постановления Мособлсуда подлежат за нарушения ст. ст. 204 п. «б», 413 п. 1 и 415 п. 1 УПК отмене, Прокуратура Союза опротестовала все эти решения по следующим основаниям:

Из акта экспертизы от 17 ноября 1935 г. видно, что отчеты Шашкина райпотребсоюзом исправлялись как по приходу, так и расходу без ведома Шашкина и что некоторые документы, по которым райпотребсоюзом относились на счет Шашкина товары, им не получались. Кроме того эти документы исправлены без оговорок.

Этот факт не проверялся ни предварительным, ни судебным следствием.

При наличии этих данных не было оснований к преданию суду Шашкина и к его осуждению в соответствии с требованиями ст. ст. 204 п. «б», 326 и 413 п. 1 УПК.

Приговор нарсуда вынесен при неправильном составе суда с нарушением ст. ст. 42, 415 п. 1 УПК, а именно: из протокола судебного заседания видно, что дело рассматривалось с участием наразсудителей Ксенофонтова и Никитиной, а приговор нарсуда вынесен с участием Тимофеевой и Никитиной и ими же подписан приговор.

В силу вышеизложенного приговор нарсуда и все последующие определения и постановления Мособлсуда в отношении Шашкина подлежат отмене с прекращением дела за недоказанностью.

Коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила приговор нарсуда, определение кассационной коллегии и постановление президиума облсуда отменить и дело производством на основании ст. ст. 4 и 5 УПК в отношении Шашкина прекратить.

ОТМЕНА ПРИГОВОРА ЗА НЕДОСЛЕДОВАННОСТЬ ДЕЛА

Приговором народного суда Уваловского района Московской области от 14 января 1937 г. начальник шахты № 7-бис Донского района Та-

тариниов Н. М. и техник той же шахты Филонин С. И. были признаны виновными: первый — в преступлении, предусмотренном ст. 108 ч. 1 УК РСФСР, второй — ст. 111 УК РСФСР и приговорены: Татаринов к 2 годам лишения свободы, Филонин к 1 году исправительно-трудовых работ.

Кассационная коллегия Мособлсуда определением от 8 июня 1937 г. приговор нарсуда утвердила.

Прокуратурой Союза ССР указанный приговор и определение кассационной коллегии Мособлсуда были опротестованы. Президиум Московского областного суда в заседании от 4 апреля 1938 г., не мотивируя причины отклонения протеста, признал приговор и определение кассационной коллегии по настоящему делу правильными и оставил их в силе.

Прокуратура Союза, считая приговор по этому делу, определение кассационной коллегии облсуда и постановление президиума Мособлсуда неправильными и подлежащими отмене, опротестовала их по следующим основаниям:

Осужденному Татаринову вменяется в вину то, что он, будучи начальником шахты, не следил за состоянием электрооборудования, вследствие чего 28 апреля 1936 г. электротоком был убит рабочий — вагонщик Пилипенко.

Управление шахты 7-бис не являлось обычным, так как шахта закончила выработку промышленного запаса каменного угля и находилась в стадии ликвидации. На шахте уже не было ни главного инженера, ни главного механика, и Татаринов в порядке должностной нагрузки совмещал эти должности.

Президиум Московского областного суда считает, что именно то обстоятельство, что Татаринов совмещал обязанности заведующего шахтой, главного инженера и главного механика, является фактом, усугубляющим его ответственность за имевший место несчастный случай в шахте. Между тем, это является совершенно неправильным. После того как шахта приостановила свою работу по промышленной выработке угля, за общее состояние электрооборудования, как об этом свидетельствуют материалы, имеющиеся в деле, отвечал главный механик управления шахты, который производил приемку электрооборудования и должен был осуществлять контроль за ним. При этих условиях ответственность Татаринова за состояние электрооборудования, естественно, снижается.

Как видно из материалов дела, оголенная палка проводов, от прикосновения к которой погиб Пилипенко, была покрыта оболочкой (доской, которая не изолирует проводов и вместе с тем маскирует их фактическое состояние). Если приемку проводки проводил не Татаринов, то его утверждение о том, что он не мог заметить неисправности проводки, является обоснованным, и при этих условиях ответственность за несчастный случай должны нести те лица, которые, принимая проводку, не устранили столь существенного дефекта в ней, замаскировав его и тем самым лишив Татаринова и других лиц возможности своевременно обнаружить это нарушение, явившееся причиной несчастного случая.

В связи с тем, что не установлено, кто фактически принимал электрооборудование и должен

был контролировать его состояние, не выявлено в достаточной мере и роль в этом деле обвиняемого Филонина.

Коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила все судебные решения по делу отменить и дело направить на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

НЕОБОСНОВАННОЕ ОСУЖДЕНИЕ

Нарсуд 1 участка Зарайского района Московской области приговорил Солнцева А. И., по профессии закройщика, и Тихонову О. И.: Солнцеву А. И. по ст. 109 УК к 2 годам лишения свободы без поражения в правах и Тихонову О. И. по ст. 17-109 УК к 1 году исправительно-трудовых работ по месту работы с удержанием 10% из заработка. Уголовная кассационная коллегия Мособлсуда приговор нарсуда утвердила.

Солнцева А. И., закройщик артели портных, была признана судом виновной в том, что она присваивала и крадала остатки материала от раскроя в размере от 15 см до 30 см. Похищенные остатки материала от раскроя передавала, «как видно», своей родной сестре, обвиняемой по данному делу Тихоновой.

Тихонова О. И. была признана виновной в том, что она похищенные остатки материи получала от Солнцевой и продавала в ту же артель, где работала Солнцева.

Обвинение Солнцевой основано на акте ревизионной комиссии о том, что при вымере раскроев их размер не сходил с количеством материи приема заказов, согласно книге приема заказов, от 15 см до 30 см и показаниям свидетелей Филипповой, Голованой и Фокиной о том, что остатки ими при получении своего заказа не получено; а также и на основании данных того же акта о том, что часть лоскутов, купленных у Тихоновой, сходственны с материей, находящейся в пошивке.

Таким образом, основным доказательством обвинения Солнцевой является акт ревизионной комиссии. Причем в проверке ревизионной комиссией правильности раскроев и составлении акта проверяемое лицо, то есть Солнцева, не участвовала.

Обвинение Тихоновой основано на том, что она продала три раза лоскуты в ту же артель и часть лоскутов, купленных у Тихоновой, сходственны с материей, находящейся в пошивке артели.

Доказательства, на которых основано обвинение Солнцевой в расхищении остатков материи от раскроя, не могут служить основанием для осуждения ее по следующим мотивам: данные акты ревизионной комиссии о том, что в раскрое употреблено столько-то материи, а было принято столько-то, даже выведенные не теоретически, а фактически, без проверки нахождения остатков, не могут служить доказательством хищения или присвоения остатков в 15 см — 30 см. от раскроя. В проверке Солнцевой не участвовала, и от нее ревизионная комиссия в процессе проверки объяснения не истребовала.

Проверку производили рабочие Тюренок и Бирюков, которые были в неприязненных отношениях с Солнцевой. Об этом обвиняемая заявила суду, и это обстоятельство подтвердил свидетель — председатель артели.

Передачу Солнцевой остатков Тихоновой для продажи суд признал на основании предположений, что подтверждает указание суда в приговоре, где он этот факт констатирует указанием: «как видно».

Указания в акте о том, что часть доскутов, купленных у Тихоновой, сходственны с материей, находящейся в пошивке, также не могут служить доказательством обвинения Солнцевой в хищении или присвоении остатков от раскроя.

Кроме того судом не проверено заявление обвиняемой о том, что расход материалов на раскрой зависит от ширины материала и фасона. Это же обстоятельство не было учтено и ревизионной комиссией.

Обвинение Тихоновой в перепродаже остатков от раскроя, присвоенных ее дядей, доказано показаниями самой обвиняемой и фактом продажи их в артели.

По этим основаниям Прокуратура Союза опротестовала определение уголовной кассационной коллегии и приговор нарсуда.

Президиум Мособлсуда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил приговор в отношении Солнцевой в силу ст. 4 п. 5 УПК отменить и дело о ней производством прекратить, обвинение Тихоновой квалифицировать по ст. 169 ч. 1 УК, оставив в силе меру наказания, избранную судом.

ОТМЕНА ПРИГОВОРА ЗА НЕДОСЛЕДОВАННОСТЬ ДЕЛА

Линсуд Ашхабадской железной дороги 14 марта 1938 г. приговорил по ст. 54-17-3 УК Таджикской ССР: ДСП ст. Красноводск Кулагина П. И. к 4 годам лишения свободы и младшего стрелочника Ахмедова Кузинбай к 5 годам лишения свободы.

Транспортная коллегия Верховсуда Союза ССР приговор линсуда оставила в силе.

Прокуратура Союза опротестовала приговор линсуда и определение транспортной коллегии Верховсуда Союза ССР по следующим основаниям:

21 февраля 1938 г. на ст. Красноводск на вытяжном тупике произошло столкновение поезда № 1201 с маневровым паровозом. В результате столкновения были повреждены паровоз и 3 крытых груженых вагона.

Предварительным и судебным следствием установлено, что прямым виновником указанного столкновения явился младший стрелочник Ахмедов, который, получив задание Кулагина о приготовлении маршрута поезда № 1201, доложил о готовности этого маршрута, однако, при подходе поезда к стрелке Ахмедов перевел стрелку в направлении вытяжного тупика, где находился маневровый паровоз. В результате этих действий Ахмедова произошло столкновение.

Наряду с Ахмедовым линсуд признал виновным в этом столкновении и ДСП Кулагина в связи с тем, что Кулагин, отослав старшего

стрелочника Осташкина на другую работу, сам лично не проверил правильности приготовления Ахмедовым маршрута и не отобрал ключей от стрелок.

Это обвинение Кулагина формально является правильным, но суд, точно так же как и органы предварительного следствия, совершенно не обследовал причин, вызвавших неправильные действия Кулагина, а именно: снятие с поста старшего стрелочника Осташкина и непроверка после этого правильности приготовления маршрута, заказанного поезду 1201.

На суде Кулагин заявил, что правильность приготовления маршрута младшим стрелочником Ахмедовым проверять он не обязан был, так как стрелка находится от дежурной комнаты на расстоянии 800 метров.

В кассационной жалобе Кулагин указывал, что станция не укомплектована работниками, в частности вместо 2 старших стрелочников на станции дежурил только один стрелочник, заменивший и проводника. Станционных путей свыше полтора километра, а дежурного по путям не было.

При этих условиях для проверки ДСП лично правильности маршрута ему необходимо было оставить дежурную комнату на 30—40 минут, что совершенно исключалось при большой работе ст. Красноводск.

Судебно-надзорная коллегия Верховсуда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила приговор линсуда и определение транспортной коллегии Верховсуда Союза ССР в отношении Кулагина отменить и дело о нем направить на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

ОТМЕНА ПРИГОВОРА ПО ВНОВЬ ОТКРЫВШИМСЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМ

6 августа 1937 г. линсуд Южно-Уральской железной дороги приговорил Бужинского Владимира Ивановича по ст. 59-3 п. «в» ч. 1 УК к 7 годам лишения свободы.

10 сентября 1937 г. транспортная коллегия Верховсуда Союза ССР приговор оставила в силе.

Прокуратура Союза ССР опротестовала приговор линсуда и определение транспортной коллегии Верховсуда Союза ССР по следующим основаниям:

Бужинский признан линсудом виновным в том, что будучи дорожным мастером 9 окладом 10 дистанции пути, содержал стрелки ст. Копаново с грубыми отступлениями от норм, предусмотренных § 41 ПТЭ, в результате чего 29 июля 1937 г. на стрелке № 6 потерпел крушение п. 921.

При крушении были разбиты 4 вагона и повреждены 10 метров пути. Перерыв движения — 8 часов.

В апреле 1938 г. при производстве расследования по делу о контрреволюционной организации, действовавшей на Южно-Уральской железной дороге, из допроса участников указанной контрреволюционной организации было установлено, что Бужинский являлся активным участником контрреволюционной организации и крушение поезда 921 произвел по директиве этой организации.

Эти обстоятельства не были известны суду в момент вынесения приговора по делу Бужинского, что повлекло за собой неправильное суждение Бужинского по ст. 59-3 «в» ч. 1 УК при наличии в его действиях состава преступления, предусмотренного ст. 58-9 и 58-11 УК.

Судебно-надзорная коллегия Верховного Суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила приговор лиссуда и определение транспортной коллегии Верховного Суда Союза ССР отменить и дело направить на доследование.

ОТМЕНА ПРИГОВОРА ЗА НАРУШЕНИЕМ ст. 424 УПК РСФСР

22 октября 1937 г. лиссуд Рязано-Уральской железной дороги приговорил Егорова Василия Марковича по ст. 116 ч. 2 УК к 7 годам лишения свободы с последующим поражением в правах сроком на 3 года.

13 ноября 1937 г. транспортная коллегия Верховного Суда Союза ССР приговор оставила в силе.

Прокуратура Союза ССР опротестовала приговор лиссуда и определение транспортной коллегии Верховного Суда Союза ССР по следующим основаниям:

Егоров был признан лиссудом виновным в том, что он, будучи заведующим ларьком Райтранспортиста на ст. Нады с января по апрель 1936 г., присвоил и растратил 7517 руб.

Как видно из материалов дела, Егоров первоначально был осужден лиссудом 6 июля 1937 г. по ст. 116 ч. 2 УК к 5 годам лишения свободы без поражения в правах.

Этот приговор был отменен транспортной коллегией Верховного Суда Союза ССР 27 июля 1937 г. по кассационной жалобе осужденного. Дело было возвращено для нового расследования со стадии предварительного следствия.

При вторичном рассмотрении дела после доследования, которое не внесло в дело никаких существенных изменений, Егоров был осужден к 7 годам лишения свободы, с поражением в правах сроком на 3 года, то есть к более суровой мере наказания, чем та, к которой он был осужден первоначально, чем лиссуд нарушил ст. 424 УПК.

Далее из протокола судебного заседания видно, что лиссуд ввиду неявки прокурора постановил слушать дело без участия сторон и устранил от процесса защитника, не запросив согласия подсудимого на слушание дела без защиты и лишив таким образом Егорова законного права на защиту в суде.

Судебно-надзорная коллегия Верховного Суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила приговор лиссуда и определение транспортной коллегии Верховного Суда Союза ССР отменить и дело направить на новое рассмотрение со стадии судебного следствия.

ОТМЕНА ПРИГОВОРА ЗА НАРУШЕНИЕМ п. 2 ст. 413 и 415 УПК РСФСР

22—23 октября 1937 г. лиссуд железной дороги им. Ворошилова по делу об отправлении поезда 2735 по неготовому маршруту приговорил по ст. 59-3 «в» ч. 1 УК: Шимко Павла Пе-

тровича, дежурного по посту, к 4 годам лишения свободы, Школьного Павла Климентьевича, сигналиста, к 2 годам лишения свободы и Донецко Емельяна Артемьевича, электромеханика, к 1 году исправительно-трудовых работ.

28 ноября 1937 г. транспортная коллегия Верховного Суда Союза ССР приговор оставила в силе.

Прокуратура Союза ССР опротестовала приговор лиссуда и определение транспортной коллегии Верховного Суда Союза ССР за нарушением п. 2 ст. 413 и 415 УПК.

Сигналист Школьный и ДСП Шимко были признаны виновными: первый в том, что не приготовил маршрута, а второй в том, что не проверил маршрута для отправления поезда 2735, вследствие чего поезд вместо ст. Батайск был отправлен в тупик. Крушение предотвращено.

Донецко был признан виновным в том, что не проверил исправного действия электрической централизации, вследствие чего она продолжительное время не работала.

Из материалов дела видно, что оно, согласно определению подготовительного заседания суда, было назначено к слушанию с участием сторон, причем ввиду резких противоречий интересов обвиняемых Шимко и Школьного им должны были быть назначены два защитника.

В судебное заседание явился один защитник, однако, суд не принял мер к вызову другого защитника и продолжал слушание дела.

В конце судебного следствия, выступая в прениях, защитник заявил, что он отказывается от защиты Шимко.

Выступая с последним словом, обвиняемые Шимко и Школьный подтвердили наличие коренных противоречий по основному вопросу о приговоре маршрута.

Далее из протокола судебного следствия устанавливается, что суд полностью закончил судебное следствие, выслушал прения сторон и последние слова подсудимых 22 октября 1937 г., после чего сделал перерыв до 10 ч. утра 23 октября, который продолжался фактически до 13 часов, после чего удалился в совещательную комнату для вынесения приговора, не отметив даже этого в протоколе судебного заседания, чем суд нарушил непрерывность процесса.

Таким образом, суд при рассмотрении дела допустил существенные нарушения форм судопроизводства, которые могли повлиять на правильность вынесенного приговора. Лиссуд вынес также неправильное частное определение о наложении штрафа в 50 руб. на начальника станции и его заместителя за то, что они не освободили от очередного дежурства на заседании.

Судебно-надзорная коллегия Верховного Суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила приговор лиссуда и определение транспортной коллегии Верховного Суда Союза ССР отменить и дело направить на новое рассмотрение со стадии судебного следствия.

ОТМЕНА НЕПРАВИЛЬНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ ТРАНСПОРТНОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕРХОВНОГО СУДА СОЮЗА ССР О ПРЕКРАЩЕНИИ ДЕЛА В УГОЛОВНОМ ПОРЯДКЕ

7 марта 1938 г. лиссуд Московско-Киевской железной дороги приговорил быв. дежурного по

ст. Алексин Залесского Илью Андреевича по ст. 59-3 «в» ч. 1 УК к 1 году 6 месяцам лишения свободы.

10 апреля 1938 г. транспортная коллегия Верховного суда Союза ССР приговор лисууда отменила и дело в уголовном порядке прекратила.

Прокуратура Союза ССР опротестовала определение транспортной коллегии Верховного суда Союза ССР как противоречащее фактическим обстоятельствам дела и действующим на железных дорогах правилам о порядке проверки маршрутов для приема поездов.

Залесский был признан судом виновным в том, что 20 февраля 1938 г., будучи дежурным по ст. Алексин, сделал распоряжение о приеме поезда 1503 на первый, занятый маневровым паровозом путь, не проверив затем свободности приготовленного маршрута, приказал открыть входной семафор. В результате п. 1503 был принят на занятый путь. Крушение не произошло благодаря бдительности случайно проходивших по пути железнодорожников, которые, заметив угрозу крушения, остановили сигналами резервный паровоз.

Транспортная коллегия неправильно мотивирует прекращение дела Залесского ссылкой на приказ № 573, который обязывает старших стрелочников противоположных постов проверять в натуре свободность пути проходом по нему до встречи, так как в этой части приказ № 573 отменен приказом Наркомата № 348/ц от 14 февраля 1938 г.

Согласно § 19 техническо-распределительного акта на ст. Алексин, применительно к местным особенностям установлен дополнительный порядок проверки дежурным по станции свободности пути приема поезда — путем личной проверки по показаниям стрелочного указателя. Этот параграф грубо нарушен Залесским, который на предварительном и судебном следствии признал, что ему было известно о том, что на 1 пути под колонной находится маневровый паровоз, но он думал, что паровоз ушел на ветку. Вина Залесского усугубляется тем, что гидроколонка, под которой находился маневровый паровоз, находится у конца перрона станции. Проверка свободности пути в данном случае не представляла никаких затруднений и не была сделана Залесским исключительно в силу преступной халатности.

Как видно из послужного списка Залесского, последний имеет многочисленные дисциплинарные взыскания: 7 января 1938 г. за дачу распоряжения о приготвлении маршрута п. 1034 на занятый путь перед проходом специального поезда с делегатами Чрезвычайного VIII съезда советов — Залесский был смещен с должности начальника станции Сухиничи. Свое распоряжение Залесский объяснил желанием проверить бдительность старшего стрелочника.

1 февраля 1938 г. Залесский был смещен с должности поездного диспетчера за срыв погрузки отделения.

Судебно-надзорная коллегия Верховного суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза ССР, постановила определение транспортной коллегии Верховного суда Союза ССР отменить и дело направить в транспортную коллегия для нового рассмотрения.

ОТМЕНА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ТРАНСПОРТНОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕРХОВНОГО СУДА СОЮЗА ССР ВСЛЕДСТВИЕ НЕПРАВИЛЬНОЙ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Линейный суд Южно-Донецкой ж. д. 4 февраля 1938 г. приговорил по закону от 7 августа 1932 г. Луцана Филиппа Дмитриевича к 10 годам лишения свободы с поражением в избирательных правах на 5 лет.

Транспортная коллегия Верховного суда Союза ССР 28 апреля 1938 г. переквалифицировала обвинение Луцана с закона 7 августа 1932 г. на ст. 170 п. «д» УК УССР и снизила ему меру наказания до 5 лет лишения свободы, исключив из приговора поражение в избирательных правах.

Прокуратура Союза ССР опротестовала определение транспортной коллегии Верховного суда Союза ССР по следующим основаниям:

Луцан Филипп Дмитриевич, будучи уволен в октябре 1937 г. с должности весовщика как дезорганизатор трудовой дисциплины, стал заниматься систематическим хищением грузов из вагонов. За короткий срок (17 дней) им были совершены две кражи груза из вагонов товарных поездов на сумму до 10 000 руб.

При попытке произвести третью кражу в ночь на 16 ноября 1937 г. Луцан был задержан на месте преступления.

Транспортная коллегия неправильно квалифицировала преступление Луцана по п. «д» ст. 170 УК УССР. Состав преступления по п. «д» этой статьи требует «тайного похищения чужого имущества, совершенного лицом, запасным оружием для нападения или защиты». Между тем, Луцан никакого оружия при хищении грузов из вагонов не имел.

Исходя из обстоятельств дела, транспортная коллегия могла квалифицировать преступление Луцана по п. «е» ст. 170 УК УССР.

Неправильно квалифицируя преступление Луцана, транспортная коллегия при этом установила ему меру наказания 5 лет лишения свободы, выходящую за пределы санкции п. «д» ст. 170 УК УССР.

Транспортная коллегия в своем определении мотивирует переквалификацию преступления Луцана с закона 7 августа 1932 г. тем, что он судится впервые и что он не успел воспользоваться похищением. Такая мотивировка является неправильной и дезориентирует линейный суд.

Судебно-надзорная коллегия Верховного суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила определение транспортной коллегии Верховного суда Союза ССР отменить и дело направить в транспортную коллегия для нового рассмотрения.

ОТМЕНА ПРИГОВОРА ЗА МЯГКОСТЬЮ НАЗНАЧЕННОГО НАКАЗАНИЯ

25 мая 1938 г. лисуд ж. д. им Ворошилова по ст. 59-3 «в» ч. 1 УК приговорил: Марченко Василия Егоровича, составителя, к 3 годам лишения свободы и Чупрыкина Арсения Ивановича, старшего стрелочника, к 1 году исправительно-трудовых работ условно.

19 июня 1938 г. транспортная коллегия Верховного суда Союза ССР снизила Марченко наказание до

1 года исправительно-трудовых работ, а в остальном приговор оставила в силе.

Прокуратура Союза ССР опротестовала определение транспортной коллегии Верховного Суда Союза ССР по следующим основаниям:

Марченко был признан лисесудом виновным в том, что 11 мая 1938 г. он, будучи дежурным составителем парка «В» ст. Кавказская и получив распоряжение от диспетчера освободить 1 путь для приема наливного поезда № 2905, оставил на 1 пути одну груженую платформу. О наличии этой платформы и других вагонов на 1 пути Марченко был специально предупрежден составителем Тигириадно.

В результате поезд № 2905 был принят на занятый путь, наскочил на платформу и повредил ее.

Крушение не приняло большие размеры исключительно благодаря бдительности машиниста Георгиевского, вовремя заметившего препятствие и принявшего экстренные меры для остановки поезда. Марченко себя виновным признал и обстоятельств крушения не оспаривает.

Транспортная коллегия неправильно мотивировала снижение наказания добросовестной работой Марченко на железнодорожном транспорте.

Из имеющихся в деле материалов видно, что помимо поощрений Марченко имеет многочисленные грубые нарушения трудовой дисциплины. В 1935 г. увольнялся с транспорта за пьянство, в декабре 1937 г. вторично за пьянство переводился в скрутки. В 1935 г. исключен из рядов ВКП(б) за пьянство и моральное разложение.

Из показаний свидетеля Дубовика и Тигириадно видно, что Марченко до последнего времени появлялся на работе в нетрезвом состоянии.

При указанных условиях у транспортной коллегии не было никаких оснований для смягчения избранной лисесудом меры наказания.

Судебно-надзорная коллегия Верховного Суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила определение транспортной коллегии Верховного Суда отменить и дело направить в транспортную коллегия Верховного Суда СССР для второго рассмотрения.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ДОЛЕЙ В ПРАВЕ ЗАСТРОЙКИ ПРИ СОВМЕСТНОМ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ЗАСТРОЙКИ КОМПАЬОНАМИ

Гр-ле Масляков и Сорокин проживали вместе со своими семьями в Москве в доме № 45 по ул. Горького. В связи со сносом этого дома, Моссоветом было выдано Маслякову 10 000 руб., из расчета 4 членов его семьи и Сорокину 5 000 руб. из расчета 2 членов семьи.

По ходатайству 1-го государственного подшипникового завода, где работал Масляков, Моссовет разрешил строительству Устинского моста в Москве продать Маслякову как стажанцу один из домов, находившихся на строительстве моста и подлежащих разборке, с тем, чтобы этот дом был перенесен на земельный участок и возведен Масляковым на праве застройки.

К покупке этого дома Масляков привлек в качестве компаньона гр. Сорокина. Продажа дома строительством моста была оформлена выпиской счета на имя Маслякова и Сорокина.

Купленный дом был перенесен на земельный участок в поселке «Перовское поле», предоставленный по договору застройки от 28 сентября 1936 г. Ухтомским рынком Маслякову и Сорокину, и стороны приступили к возведению дома на этом участке.

В процессе стройки между Масляковым и Сорокиным возник спор, в какой доле каждый из них участвует в праве застройки.

Ссылаясь на устное соглашение, заключенное с Сорокиным, Масляков предъявил в суде иск, требуя признания за ним права на $\frac{2}{3}$ в возводимом доме (исходя из наличия 4 членов своей семьи) и признания за Сорокиным $\frac{1}{3}$.

10 мая 1937 г. суд решил признать за гр. Масляковым право только на половину всего возводимого строения и выделить в натуре в пользование Маслякова половину всего дома с правой стороны по фасаду.

Вынося такое решение, суд руководствовался тем, что в договоре застройки фигурируют только Масляков и Сорокин, что строили дом только они двое, без участия членов их семьи, и что произведенные ими затраты примерно равны.

Гражданская кассационная коллегия Мособлсуда утвердила это решение.

Прокуратура СССР, считая, что суд подошел к делу формально, и не выяснил до конца специфических особенностей дела и действительных отношений сторон, опротестовала решение по этому делу по следующим основаниям:

Вся застройка осуществлялась Масляковым и Сорокиным на средства, которые предоставлены им государством в связи со сносом дома. Эти средства государством были отпущены им по количеству членов семьи.

Для реализации этой застройки государством же был продан им дом, причем и в этом случае точно также учитывалось количество членов семьи обоих покупателей. В справке, выданной трестом Гормост и имеющейся в деле, прямо говорится, что в «документах, приложенных к счету на продажу дома, указано, что дом приобретается на 6 человек, состоящих из семьи Маслякова — 4 человека и семьи Сорокина — 2 человека».

Купленный Масляковым и Сорокиным дом в момент его покупки (то есть когда дом стоял еще на строительной площадке Устинского моста) был разделен внутренними перегородками на две изолированные части, в одной из которых было 50 метров ($\frac{2}{3}$), а в другой 25 метров ($\frac{1}{3}$). Когда этот дом нужно было перевести в Перово, Масляков и Сорокин заключили письменное соглашение с плотниками, которые должны были разобрать и вновь собрать строение. В этом соглашении, подписанном также и Сорокиным, прямо было указано: «метраж перегородок остается старым». Этим самым подтверждалось наличие соглашения между Масляковым и Сорокиным именно о таком разделе дома, при котором одному из них предоставляется $\frac{2}{3}$ (50 метров), а другому $\frac{1}{3}$ (25 метров).

Наконец, суд не мог игнорировать и того обстоятельства, что перед оформлением договора застройки Масляков подал в земельный отдел рика заявление, в котором просил, чтобы в договоре застройки был указан не только он, но и вся его семья, состоящая из 4 человек.

Совокупность всех этих обстоятельств не давала основания суду определять права сторон на возведенный дом в равных частях. Своим решением суд вошел в противоречие с существом отношений, сложившихся у сторон по поводу этой застройки.

То обстоятельство, что к моменту суда стороны затратили на постройку примерно равные суммы, не могло служить основанием для признания за ними равных долей в праве застройки, ибо судебный спор застал стороны в процессе стройки, дом еще не закончен и не все еще расходы произведены.

И, кроме того, не суммой затрат, произведенных сторонами, должен определяться в данном случае объем вещных прав застройщиков, а наоборот, объем права застройки каждой из сторон должен обусловить собой сумму расходов, которые каждая из них должна будет понести.

Протест Прокуратуры Союза ССР был отклонен президиумом Московского облсуда и гражданской коллегией Верховного РСФСР.

По предложению председателя Верховного Союза ССР дело было рассмотрено президиумом Верховного РСФСР, который 14 августа 1939 г. постановил: решение нарсуда 4 участка Ухтомского района от 10 мая 1937 г., определение гражданской кассационной коллегии Мособлсуда от 27 мая 1937 г., постановление президиума Мособлсуда от 4 октября 1937 г. и определение гражданской коллегии Верховного РСФСР от 3 декабря 1937 г. отменить и дело передать на новое рассмотрение в Мособлсуд по 1 инстанции с участием прокурора.

ВОПРОСЫ, СВЯЗАННЫЕ С ПРИМЕНЕНИЕМ ДЕКРЕТА ОБ ОТМЕНЕ НАСЛЕДОВАНИЯ 1918 г. К ДЕЛУ, ВОЗНИКШЕМУ В 1937 г.

В 1919 г. в Ленинграде, в доме № 1/15 по Коломенской улице, умер проживавший там с женой врач Местер. В начале 1920 г. с вдовой Местера поселилась сестра умершего, гр. Местер-Шишкина, слушательница курсов, жена командира РККА. Затем вдова Местера по особой расписке передала Шишкиной имущество (квартирную обстановку) и сама вышла из Ленинграда в апреле-мае 1920 г.

С 1920 г. Шишкина пользовалась и распоряжалась обстановкой. В 1925 г. она предоставила часть обстановки (люстру, лампу, 4 стула и проч.) гр. Гинзбургу, проживавшему в той же квартире, а также гр. Коган (шкаф, этажерку, зеркало, столик).

В 1937 г. Шишкина, работающая корректором Ленинградского отделения Соцэкгиза, предъявила к Гинзбургу и Коган иск о возврате переданного им в пользование имущества.

Народный суд 33 участка Фрунзенского района г. Ленинграда привлек к участию в деле Горсобоес и решением от 11 июня 1937 г. отказал Шишкиной в исках, а все имущество, как находившееся в пользовании Гинзбурга и Когана, так и обстановку, бывшую в комнате самой Шишкиной, признал бесхозяйным имуществом и передал его Ленгорсобоесу.

3 июля 1937 г. ГРК Леноблсуда оставила жалобу Шишкиной без последствий.

Прокуратура СССР нашла решение суда неправильным по следующим основаниям.

Настоящее дело подлежало разрешению судом

на основании двух законодательных актов: по вопросу о правах Шишкиной на спорное имущество — на основании декрета от 14/27 апреля 1918 г. об отмене наследования, а по вопросу о претензиях Шишкиной к Гинзбургу и Коган — на основании Гражданского кодекса, поскольку правоотношения между Шишкиной и названными лицами возникли после введения ГК в действие.

Декрет об отмене наследования, отменив наследование как по завещанию, так и по закону, в ст. 9 установил, что если стоимость имущества не превышает 10 000 рублей, в частности, состоит из усадьбы, домашней обстановки и средств производства, трудового хозяйства в городе или деревне, то оно поступает в непосредственное управление и распоряжение имеющихся налицо супругов и родственников, перечисленных в ст. 2 декрета (родственников по прямой нисходящей линии, полнородных братьев и сестер и пережившего супруга).

Из постановлений декрета и из обстоятельств дела следует, что гр. Шишкина и вдова Местера имели беспорочное право получить в свое распоряжение домашнюю обстановку, оставшуюся по смерти Местера, поскольку это имущество не было конфисковано. Взаимоотношения между вдовой Местера и Шишкиной были, как видно из документов в деле, полностью урегулированы, и гр. Местер свою долю обстановки передала в распоряжение Шишкиной. Оценка всей обстановки, как видно из описей, произведенных судисполнителем в 1937 г., значительно ниже 10 000 рублей и нет никаких оснований полагать, что в 1919—1920 г. оценка составила бы сумму, большую 10 000 руб. и потому тогда эта обстановка подлежала бы передаче учреждениям, «ведущим на местах соответственными имуществами Российской республики» (ст. V декрета).

При таких обстоятельствах Прокуратура СССР не может признать обоснованным допущенное народным судом в его решении указание на то, что пользование Шишкиной спорной обстановкой является «недобросовестным». При отсутствии же оснований для такой квалификации не было и оснований для вынесения решения об изъятии от Шишкиной обстановки, находившейся в ее никем не оспаривавшемся распоряжении в течение 17 лет.

Для правильного применения декрета об отмене наследования к обстоятельствам дела гр. Шишкиной следует учитывать, что указанный декрет не устанавливал требования, чтобы домашняя обстановка передавалась лишь лицам, проживавшим совместно с умершим.

Ст. IX закона требовала лишь того, чтобы супруг и родственники «имелись налицо»; причем порядок управления и распоряжения имуществом устанавливался «по соглашению между указанным супругом и родственниками». Как видно из вышеизложенного, соглашение между женой Местера и Шишкиной имело место.

Народный суд в своем решении указал, что переход домашней обстановки от одного частного лица к другому должен был быть «соответствующе оформлен». Однако, если речь идет о переходе обстановки к родственникам, то декрет об отмене наследования никакого оформления подобного перехода не предписывал.

Поэтому Прокуратура СССР нашла необоснованным решение народного суда в части признания имущественного бесхозяйным и передачи его Ленингорскому.

Как следствие этого вывода, необходимо признать необоснованным решение в части отказа Шипкиной в исках к гр. Гинзбургу и Коган. Если при новом рассмотрении дела право на домашнюю обстановку будет признано за Шипкиной, то ее иск к названным лицам подлежит разрешению на основе Гражданского кодекса.

Президиум Ленинградского областного суда 28 июня с. г., рассмотрев протест Прокуратуры СССР, постановил: решение народного суда и определение ГKK облсуда отменить и дело передать в народный суд для нового рассмотрения.

АДМИНИСТРАЦИЯ НЕ В ПРАВЕ ПЕРЕВОДИТЬ ТРУДЯЩЕГОСЯ С ОДНОГО МЕСТА РАБОТЫ НА ДРУГОЕ БЕЗ НАДЛЕЖАЩИХ ОСНОВАНИЙ

17 января 1937 г. администрацией Центральной поликлиники Метростроя медсестра здравпункта 1 автобазы Желткова была переведена на другой пункт. Ввиду отказа перейти на новое место работы Желткова была 11 апреля 1937 г. уволена. Народный суд 2 участка Сокольнического района, признав увольнение Желтковой правильным, в иске о восстановлении ей отказал. ГKK МГС решение это оставила в силе. По протесту прокурора г. Москвы президиум Мосгорсуда отменил решение суда и определение ГKK и направил дело на новое рассмотрение.

13 августа 1937 г. народный суд 1 участка установил, что перевод Желтковой был необходим, поскольку она за грубое обращение уже имела выговор и поскольку между сестрами медпункта была склока, в которую истица вовлекала больных. ГKK решение это оставила в силе.

Прокуратура СССР, считая, что перевод Желтковой не был вызван объективными обстоятельствами, а, следовательно, отказ ее от этого перевода был совершенно правильным и не давал оснований для ее увольнения, опротестовала решение народного суда по следующим основаниям:

Доказательств, свидетельствующих о том, что на медпункте была склока, что Желткова повинна в этой склоке и вовлекала в нее больных, в деле не имеется. Администрация Центральной поликлиники предприняла перевод сестер в свя-

зи с обследованием медпункта, произведенным с участием представителей Моссовета, вследствие написанного Желтковой письма в газету «Рабочая Москва» о ненормальном отношении врача К. и сестры Г. к больным. Специально созданная бригада установила недостаточное внимание врача К. к больной, которую врач не поместил в больницу и даже не посетил на дому, несмотря на тяжелое состояние. Установлена также грубость врача Г. с больными. Никаких выводов в отношении Желтковой комиссия не сделала, указав лишь, что заявление последней о грубом с ней обращении работника Центральной поликлиники не подтвердилось. Ничего порочащего Желткову в этом нет.

Из протокола же совещания, проведенного бригадой, видно, что именно Желткова оказала всю необходимую помощь больной, которой было отказано врачом К., и что Желткова даже сумела без врача поместить больную в больницу. Представитель Моссовета указывал на отсутствие у сестер медпункта необходимой дисциплины, однако, никаких фактов в отношении Желтковой ни он, ни другие участники совещания не привели. Допрошенные по делу свидетели также не подтвердили подобного рода фактов, за исключением двух свидетелей, в том числе врача К., которые показали, что Желткова систематически нарушала трудовую дисциплину, передвигая график дежурств, но не указали при этом конкретных случаев нарушений. В своем решении суд указал, что Желткова еще 4 августа 1936 г. имела выговор за грубость с больными и получила за этот проступок взыскание. Желткова не может за это же подвергаться наказанию вторично. Хотя ответчик и некоторые свидетели утверждали, что между сестрами была склока, однако, в чем конкретно она выразилась и кто был виновником ее, по делу не установлено.

Все обстоятельства дела говорят более всего за то, что так называемая «склока» возникла не между медсестрами, а между К. и Желтковой в связи с тем, что последняя вполне правильно, по-советски, реагировала на неправильные действия врача К. и что именно это реагирование явилось причиной перевода Желтковой на другую работу.

Президиум Московского городского суда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил: решение народного суда и определение кассколлегии отменить и дело передать в гражданскую коллегия Мосгорсуда для рассмотрения.

Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я

ПРОФ. М. С. СТРОГОВИЧ. Уголовный процесс, для Юридических институтов и т. д., изд. НКЮ СССР, 1938 г.

Великая Сталинская Конституция победившего социализма ставит работу органов юстиции на высшую ступень, требуя от них больше внимания к своей работе, к своим обязанностям по

охране незыблемых прав граждан нашей страны и строгому соблюдению революционной законности.

Для того, чтобы органы юстиции могли лучше и правильнее выполнять стоящие перед ними задачи, им нужны высококвалифицированные и политически грамотные кадры. Их готовят глав-

ным образом юридические институты, где эти кадры и должны овладеть марксистско-ленинской теорией.

Всем известно, что до последнего времени на правовом теоретическом фронте орудовал враг народа Папучанис и его подручные.

Нашей ближайшей задачей является окончательное разоблачение и искоренение остатков враждебной, контрреволюционной «теориейки» троцкиста Папучаниса и разработка вопросов правовой теории на основе марксистско-ленинской методологии, на основе работ классиков марксизма-ленинизма Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина. Это заставляет нас предъявлять особо повышенные требования к учебникам по юридическим дисциплинам.

1

Недавно вышедший учебник проф. Строговича «Уголовный процесс», в свете этих требований, имеет ряд существенных недостатков.

В своем учебнике проф. Строгович вместо материалистически-диалектического метода изложения ограничивается только простым описанием, носящим отвлеченный и схематический характер. Возьмем для примера раздел «Буржуазные теории уголовного процесса» (стр. 7—11). Здесь проф. Строгович собрал почти все определения уголовного процесса, данные в свое время буржуазными процессуалистами, но он не показал, когда и при каких обстоятельствах были даны эти определения, каково их классовое существо и чего именно хотели достигнуть этим буржуазные процессуалисты.

Такое простое собирание и канализование одного определения уголовного процесса за другим никому не нужно, и оно заставляет учащихся только зазубривать их, не вникая в их классовое существо и содержание.

В главе «Исторические формы уголовного процесса» (стр. 19) проф. Строгович дает общие понятия об исторических формах уголовного процесса и указывает: «В основном исторически разделяются три типа уголовного процесса, последовательно сменявшие друг друга: а) обвинительный процесс; б) розыскной или инквизиционный процесс и в) смешанный процесс. Спрашивается: а где же новый тип уголовного процесса, именно социалистический уголовный процесс? Разве этот новый тип советского социалистического процесса еще не существует? Или этот новый тип, новая форма социалистического уголовного процесса не является исторической формой процесса?»

Хорошо, скажут, но ведь в учебнике существует специальная глава, где изложено содержание советского уголовного процесса. Чего еще больше нужно? Коли речь идет о различии исторических форм уголовного процесса, то следовало бы указать, что существует новая форма уголовного процесса, — именно советская социалистическая форма уголовного процесса, которая родилась и укрепилась в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции в СССР. Это, уже с первых строк знакомства с историческими формами уголовного процесса, мобилизовало бы внимание читателя на существование еще новой формы уголовного процесса, совершенно отличной от первых трех.

Карл Маркс указывал, что для того чтобы узнать, почему же данный принцип проявился

в XI или в XVIII, а не в каком-нибудь другом столетии, мы будем вынуждены тщательно исследовать, каковы были люди XI в., каковы они были в XVIII в., каковы в каждом из этих столетий их нужды, их производительные силы, их способ производства, сырые материалы их производства; каковы, наконец, были те отношения человека к человеку, которые вытекали из всех этих условий существования»¹. Это полностью применимо и к истории уголовного процесса.

Если мы с этой точки зрения посмотрим на метод изложения проф. Строговичем главы II учебника, то мы увидим следующие недостатки. Возьмем для этого хотя бы раздел «Обвинительный процесс», и мы увидим, что здесь проф. Строгович не вскрыл причины появления обвинительного процесса с его основными принципами и не показал, почему именно эта форма процесса с его принципами, а не какая-нибудь другая существовала в то время. Проф. Строгович не вскрыл корней появления этих принципов процесса — гласности, устности и т. д. — и их классовую сущность. При всем своем желании мы не найдем в этом учебнике, каким же путем, способом судьи в рабовладельческом обществе оценивали представленные сторонами доказательства. Об этом проф. Строгович совершенно умалчивает как в этом разделе, так и в главе IV — «Учение о доказательствах». И наконец в этом же разделе в одну кучу свалены рабовладельческий строй, включая сюда и императорский период в древнем Риме, и период раннего феодализма и соответственно этому весь период существования обвинительного процесса без уточнения тех изменений, которым он подвергался в зависимости от изменений экономической и политической обстановки. Энгельс указывал: «Если наши юридические, философские и религиозные представления являются близкими или отдаленными ответвлениями господствующих в данном обществе экономических отношений, то эти представления не могут удержаться продолжительное время после того, как экономические отношения в корне изменились»². Карл Маркс в «Критике политической экономии» говорил: «С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке»³. А у Строговича не форма процесса соответствует определенной общественно-экономической формации, а наоборот, обвинительная форма уголовного процесса объединяет две общественно-экономических формации, причем те изменения, которым подвергался этот процесс даже в рабовладельческом обществе, не показаны. В этом разделе имеется еще тот недостаток, что здесь совершенно отсутствует описание обвинительного процесса в древней Руси.

Переходя к описанию инквизиционного процесса, проф. Строгович недостаточно вскрыл причины появления этой формы процесса и совершенно умалчал о роли римского папы и католической церкви в создании и развитии инквизиции, а между тем мы имеем достаточно ясные указания по этому вопросу у Маркса — Энгельса —

¹ К. Маркс, Ницета философии, 1930, стр. 108.

² Ф. Энгельс, Об историческом материализме, 1933, стр. 29.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, т. XII, ч. 1, стр. 7.

Ленина — Сталина. Возьмем хотя бы указания К. Маркса о том, что «благодаря инквизиции церкви превратилась в самое страшное орудие абсолютизма»¹. В указанном выше разделе также не вскрыты корни и причины появления основных принципов инквизиционного процесса, почему именно эти принципы — тайна, письменность и другие — являются господствующими в этом процессе. Не показаны первоначальный круг преступлений, подследственных и подсудных инквизиции, и дальнейшее расширение ее компетенции в этом вопросе. Кроме того, проф. Строгович не показал движения дел в инквизиционном процессе с момента его возбуждения до исполнения приговора. Не указано также на существование светских судов и на их формы процесса в этот период, их роль, значение и компетенцию.

Говоря о буржуазном уголовном процессе, проф. Строгович не дал достаточно точной характеристики этого процесса.

Если в разделе «Инквизиционный процесс» сказано несколько слов про русский инквизиционный процесс, то совершенно умалчивается проф. Строговичем о русском уголовном процессе после реформы 1864 г. и до Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г., а ведь товарищ Сталин всегда указывал на необходимость особого внимания к истории России.

В разделе «Фашизация уголовного процесса» свалены в одну кучу довоенный и послевоенный периоды в Германии и Италии, а также период кровавой террористической фашистской диктатуры.

Во всей третьей главе, посвященной советскому уголовному процессу, мы не найдем ни слова о Великой Октябрьской социалистической революции и не увидим, что именно в результате ее был сломан и разрушен старый царский суд и что на смену разрушенного был создан, рожден Великой Октябрьской социалистической революцией новый, советский суд. Ленин писал: «...Безусловной обязанностью пролетарской революции было не реформировать судебные учреждения (этой задачей ограничивались кадеты и их отголоски меньшевики и правые эсеры), — а совершенно уничтожить, снести до основания весь старый суд и его аппарат. Эту необходимую задачу Октябрьская революция выполнила, и выполнила успешно. На место старого суда она стала создавать новый народный суд, вернее, Советский суд, построенный на принципе участия трудящихся и эксплуатируемых классов, — и только этих классов, — в управлении государством»².

Великая Октябрьская социалистическая революция является источником, началом, откуда следует исходить при написании истории советского социалистического уголовного процесса, которая отсутствует в учебнике Строговича. На стр. 65 учебника проф. Строгович пишет: «Мы не будем здесь излагать подробную историю советского уголовного процесса, так как она неотделима от истории советского судостроительства и может быть изложена наиболее полно только в связи с ней». Он говорит о «подробной истории советского уголовного процесса», но в учебнике отсутствует даже крат-

кая история процесса. В разделе «Действующее советское уголовно-процессуальное законодательство» перечисляется только законодательство, а не излагается история системы уголовного процесса, о чем говорит и сам заголовок. У проф. Строговича отсутствует самостоятельная история системы советского социалистического уголовного процесса. На стр. 53 учебника Строгович пишет: «Советский уголовный процесс построен на принципах социалистического демократизма, которые и определяют все его формы и институты. Это — принципы гласности, устности, непосредственности и составительности». Это бесспорно правильно, но стоит спросить Строговича: а где же другие принципы, которые превращены в конституционные принципы, например те, о которых говорит статья 110 Конституции? «Эти принципы в свое время, накануне французской революции конца XVIII в., были выдвинуты лучшими представителями буржуазии, а позднее были установлены во всех буржуазно-демократических системах уголовного процесса. Именно поэтому эти принципы сейчас резко ограничиваются или уничтожаются фашистскими и фашизирующимися государствами». «Указанные принципы, — продолжает Строгович, — являются принципами социалистического уголовного процесса» (стр. 53). Во всем учебнике это почти единственное место, где говорится о «социалистическом уголовном процессе».

Но тут возникает вопрос, как нужно понимать утверждение автора, что «принципы советского уголовного процесса... в свое время, накануне буржуазной французской революции конца XVIII в., были выдвинуты лучшими представителями буржуазии».

Выходит: или эти «принципы советского уголовного процесса» как «принципы социалистического демократизма» были выдвинуты «в свое время» буржуазией в конце XVIII в., и вошли без изменения в состав нашего советского социалистического уголовного процесса, или они как принципы буржуазные, поскольку их выдвигала буржуазия для охраны своих интересов, вошли без изменения в состав нашего советского социалистического уголовного процесса.

Неужели проф. Строгович думает, что буржуазные принципы уголовного процесса, охраняющие буржуазную частную собственность, эксплуатацию трудящихся масс и вообще интересы эксплуататоров, могут входить в состав советского социалистического уголовного процесса? Но Строговичу выходит, что — да. Возьмем хотя бы принцип составительности и посмотрим, тождествен ли он в буржуазном уголовном процессе и у нас в социалистическом уголовном процессе. Мы увидим, что — нет. Тов. Вышинский в своей первой лекции, прочитанной во Всесоюзной правовой академии в феврале 1937 г., говорил: «Неправильно думать, что составительность есть «буржуазный предрассудок». Это так же ошибочно, как ошибочно вредительская, пашуканисовская «теория» о праве как категории буржуазного общества... Но совершенно аналогично тому, что утверждал контрреволюционер Пашуканис в области общей теории права, доказывавший, что право является категорией буржуазного общества, некоторые неправильно утверждают, что составя-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, т. X, стр. 720.

² Ленин, т. XXII, с. 424.

тельность есть принцип буржуазного процесса... принцип или категория, свойственная только буржуазному процессу.

Конечно, было бы ошибочно сопоставляемость в советском суде отождествлять с сопоставляемостью буржуазной¹.

Излагая основные принципы советского уголовного процесса, автору следовало бы начать с тех принципов, которые записаны в Сталинской Конституции и которые, в силу этого, являются не только процессуальными, но и конституционными принципами. Поэтому совершенно недопустимо отсутствие такого принципа в этом разделе, как принцип, который записан в статье 110 Конституции и который выражает ленинско-сталинскую национальную политику. Статья 110 Сталинской Конституции указывает: «Судопроизводство ведется на языке союзной или автономной республики или автономной области с обеспечением для лиц, не владеющих этим языком, полного ознакомления с материалами дела через переводчика, а также права выступать на суде на родном языке».

В разделе «Извращения теории уголовного процесса» (стр. 58—63), критикуя контрреволюционные установки врагов народа автор не вскрыл корней контрреволюционной правотроцкистской, вредительской «теории» Пашуканиса. Проф. Строгович пишет: «...Пашуканис уголовный процесс также рассматривал как воспроизведение в сфере деятельности суда этих меновых, рыночных отношений и сопоставительную форму процесса трактовал как типично буржуазную форму, отражающую рыночную конкуренцию товаровладельцев... Характеризуя уголовный процесс как торговую сделку, Пашуканис эту характеристику относил целиком и полностью к советскому уголовному процессу, который для него был тоже буржуазным процессом» (стр. 60—61).

В разделе «Проблемы единой формы процесса» проф. Строгович заявляет: «Разумеется, ни в коей мере недопустимо отождествлять принципы, развиваемые в тезисах НКЮ и защищавшиеся Крыленко, с установками Рубинштейна и ему подобных» (стр. 64). Спрашивается: какая же разница между утверждениями Рубинштейна, Пашуканиса и др., с одной стороны, и утверждениями Крыленко, с другой стороны? Как те, так и Крыленко вместе отрицают существование социалистических принципов в нашем уголовном процессе. Крыленко называл наш УПК «сколком современного буржуазного сопоставительного процесса». Крыленко, а затем и Рубинштейн утверждали, что целесообразно создать два процесса, причем Крыленко защищал это до последних дней, и эту позицию Крыленко т. Вышинский уже давно оценил как троцкистскую позицию. Так что же тут отличного, что не давало бы возможности отождествлять позицию Крыленко с позицией Рубинштейна и др.? Где же та разница, о ко-

торой говорит проф. Строгович? Ее нет и быть не может.

Суммируя вышесказанное, мы спросим проф. Строговича, как он справился с тем, о чем он сам писал на стр. 58: «То положение, которое сейчас создается на теоретическом правовом фронте в связи с тем, что на этом фронте обнаружено и разоблачено вредительство врагов народа — Пашуканиса и других, требует серьезной и глубокой проверки ряда принципиально-теоретических положений в области теории уголовного процесса, очищения теоретических исследований от всяких влияний пашуканисовщины». Как видно из вышеизложенного, проф. Строгович с этим полностью не справился.

Несколько слов приходится сказать и в отношении программы по уголовному процессу для юридических институтов, утвержденной Методсоветом НКЮ СССР. Те замечания, которые сделаны в отношении учебника проф. Строговича, также относятся и к программе. Так на пример, во II теме — «Исторические формы уголовного процесса» — отсутствуют вопросы об обвинительном процессе в древней Руси и его исторических памятниках. В теме IV — «Советский уголовный процесс и его задачи» в п. «г» перечисляются не все принципы нашего процесса и т. д.

В. Белоусов

К РЕЦЕНЗИИ Т. БЕЛОУСОВА

Для меня как автора учебника уголовного процесса интересна и ценна критика моей работы, особенно со стороны студента вуза, которому приходится по ней учиться. Если даже эта критика по существу неосновательна, она все же заслуживает внимания, хотя бы потому, что неправильное понимание студентом учебника — в известной мере тоже может быть поставлено в вину автору учебника: очевидно, он недостаточно ясно изложил тему и дал повод к неправильному восприятию ее студентом.

Поэтому я очень внимательно ознакомился с рецензией на мой учебник, написанной студентом Саратовского юридического института т. Белоусовым.

Сперва по существу его отдельных замечаний. Главная критика рецензента направлена на раздел моего учебника, посвященный историческим формам уголовного процесса. Не могу отрицать неполноты изложения этого вопроса в моем учебнике. В свое оправдание могу сказать лишь то, что историю процесса нельзя изложить достаточно полно в отрыве от истории судостроительства. Поскольку же изложение истории судостроительства не входило в мою задачу — я мог дать изложение лишь кратких сведений относительно исторических форм уголовного процесса. Несмотря на краткость изложения — думаю, что и эти сведения могут быть полезны для студентов. Поэтому напрасно т. Белоусов меня упрекает в том, что я, например, «совершенно умолчал о роли римского папы и католической церкви в создании и развитии инквизиции». Вопрос этот, конечно, очень интересен, но в кратком учебнике советского уголовного процесса можно было обойтись и без папы. Что же касается моего изло-

¹ А. Я. Вышинский, К положению на фронте правовой теории, 1937 г., стр. 39. Подробно по этому вопросу см. высказывание т. Вышинского дальше, стр. 39 и др.

жения инквизиционного процесса, то т. Белоусов впадает в довольно распространенную (особенно среди студентов) ошибку, полагая, что инквизиционный процесс есть процесс, существовавший только в органах католической инквизиции. Инквизиционная форма процесса в период абсолютизма существовала и в протестантских странах и в дореформенной России (до судебной реформы 1864). Очевидно, этим и объясняется указание т. Белоусова на то, что в учебнике «не указано также на существование светских судов и на их формы процесса в этот период, их роль, значение и компетенции». Как раз наоборот: я писал только о светских судах и ничего не говорил о так называемых духовных судах, когда излагал инквизиционный процесс. Самый термин «инквизиционный процесс» происходит от латинского слова inquisitio, что значит в переводе — розыск, расследование.

Никак не могу согласиться с т. Белоусовым относительно того, что в учебнике якобы не указаны классовые корни каждой исторической формы процесса. Надо только прочесть страницы 21-ю, 23-ю и 25-ю учебника, там как раз об этом и сказано, хотя, может быть, и очень кратко.

Гораздо более существенно, чем эти замечания т. Белоусова, другое его замечание — относительно того, что я изложил три исторических формы процесса — процесс обвинительный, инквизиционный и смешанный и не прибавил к ним четвертой исторической формы процесса — советский процесс. Тов. Белоусов здесь допускает серьезнейшую методологическую ошибку, не понимая очень простой вещи: исторические формы обвинительного, инквизиционного и смешанного процесса, относясь к уголовно-процессуальным системам эксплуататорских государств, это — общее в них при всех их различиях. Поэтому советский уголовный процесс вовсе не является просто четвертой по счету формой процесса. Это особый уголовный процесс — социалистического государства, поэтому и надо его излагать особо, что я и делаю, посвящая ему гл. III; да и весь мой учебник посвящен именно советскому уголовному процессу. Мой критик, упрекая меня в схематизме, в данном случае впадал сам в худший вид схематизма.

Менее существенно, но более основательно указание на некоторую отвлеченность в изложении буржуазных теорий уголовного процесса. Вернее, это не отвлеченность, а сжатость, так как вопросам классово-политического существа этих теорий известное место в учебнике отведено (стр. 8 и 11).

Но главное, что заслуживало бы внимания рецензента — это изложение советского уголовного процесса, и здесь я совершенно неожиданно получил упрек в том, что принципы буржуазного уголовного процесса без всяких изменений перенес в систему советского социалистического уголовного процесса. В рецензии приведена такая цитата из моего учебника: «Принципы советского уголовного процесса... в свое время, накануне буржуазной французской революции конца XVIII века были выдвинуты лучшими представителями буржуазии». Вполне согласен, что эта формулировка неверна, нелепа и невежественна, только написал ее не я,

а рецензент моего учебника, без всяких оснований приписывая эту фразу мне. Тов. Белоусов применил прием, от дальнейшего пользования которым я бы его, как оканчивающего студента, очень серьезно предостерег: он взял две различные фразы из моего учебника, из одной взял начало, а из другой конец, соединил вместе и получилось то, что написано выше. Если прочесть это место в моем учебнике (стр. 53), то там ясно сказано, что принципы советского уголовного процесса определяются существом и задачами социалистического правосудия, что это принципы социалистического процесса. И это, конечно, верно. Мною дальше указывалось, что принципы гласности, устности, непосредственности, составительности процесса, действительно были выдвинуты лучшими представителями буржуазии в конце XVIII века — это также верно. Мною дальше приведена цитата из речи тов. Молотова на VII съезде советов о том, что «Советская власть берет все лучшее в развитии современных государств и смело воплощает в жизнь в интересах трудящихся и против эксплуататоров, в интересах строительства социализма». Дальше указано, что принципы гласности, устности и составительности в советском уголовном процессе (а конечно не в буржуазном процессе, а тем более не в процессуальном праве XVIII века) являются социалистическими принципами. Как будто бы ясно!

Упрек в том, что я не дал истории советского суда, не рассказал, как был сломан старый суд Октябрьской Социалистической революцией — а равно и то, что я не дал истории советского уголовного процесса — я отвожу по тем же мотивам, какие указаны в моем учебнике: я не писал истории судостроительства, поскольку мною дан учебник только уголовного процесса, а историю процесса в отрыве от истории суда изложить трудно.

Со своей стороны я не могу не упрекнуть рецензента в том, что он невнимательно читал книгу, которую он критикует. Тов. Белоусов приводит цитату со стр. 60—61 учебника — относительно того, как Пашуканис характеризовал уголовный процесс как торговую сделку и эту характеристику целиком относил к советскому уголовному процессу. Тов. Белоусов здесь указывает, что из моих слов не видно, что эта характеристика, данная Пашуканисом, не применима и к буржуазному уголовному процессу. Может быть, действительно здесь этого не видно, но в другом месте об этом прямо сказано (на стр. 32). Зачем же повторять это еще раз?

И наконец, последнее замечание. Тов. Белоусов не согласен с тем, что в своем учебнике, критикуя установки Крыленко по вопросам уголовного процесса, я не отождествлял позицию Крыленко с позицией Пашуканиса, Рубинштейна и других вредителей. Это, пожалуй, единственное вполне справедливое замечание т. Белоусова: Я тоже, как и он, думаю, что установки Крыленко, разоблаченного сейчас изменника и вредителя, по существу ничем не отличаются от установок вредителя Пашуканиса, исходя из одних и тех же антимарксистских положений, о чем и сказано мною в специальном письме, приложенном к учебнику. Все дело в том, что когда я писал мой учебник, Крыленко еще не был разоблачен, как вредитель.

Вот если бы т. Белоусов написал о том, что концепция Крыленко является троцкистской и вредительской, тогда, когда Крыленко еще не был разоблачен,— это было бы действительно большой заслугой т. Белоусова, а сейчас это ясно всем и без него.

На этом я мог бы закончить мои возражения на рецензию. Должен отметить еще одно: вся рецензия т. Белоусова посвящена некоторым общим вопросам уголовного процесса и в ней ничего не сказано относительно изложения конкретных институтов советского уголовного процесса, всего содержания действующего советского уголовного процессуального права, чему посвящена моя работа в большей ее части. А вот здесь как раз и хотелось бы выслушать критику, и именно со стороны студента — понятно ли изложен учебник для учащихся, помо-

гает ли учебник им изучить уголовный процесс, удовлетворяет ли он потребности студентов и т. д. К сожалению как раз эти вопросы т. Белоусов оставил без внимания, хотя именно по ним его замечания могли быть гораздо более интересными и полезными, чем то, что им написано. По существу вся его рецензия — весьма отвлеченна и во многом схоластична. Да и тон его рецензии — не тот, который хотелось бы слышать. Слишком легковесно и заносчиво написана эта рецензия — что-то вроде кавалерийского наскока, вместо серьезной критики, которая автору полезна больше, чем кому бы то ни было. Конечно, такую атаку отбить не трудно, но и пользы от препирательства между автором и рецензентом для читателя тоже не слишком много.

М. Стрѣгович

СВОДКА ВАЖНЕЙШИХ ПОСТАНОВЛЕНИЙ

правительства Союза ССР за апрель, май, июнь, июль и август 1938 г.

1. СОВЕТСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

1. Госустройство и управление

1. Об образовании Комитета по делам кинематографии при Совете народных комиссаров Союза ССР — пост. СНК СССР от 23/III 1938 г. (СП СССР 1938 г. № 13, ст. 81).

2. Об утверждении Положения о Народном комиссариате торговли Союза ССР — пост. СНК СССР от 3/IV 1938 г. (СП СССР 1938 г. № 15, ст. 95).

3. Положение о Народном комиссариате торговли СССР — утв. СНК СССР от 3/IV 1938 г. (СП СССР 1938 г. № 15, ст. 95).

4. Об утверждении Положения о Народном комиссариате пищевой промышленности Союза ССР — пост. СНК СССР от 5/V 1938 г. (СП СССР 1938 г. № 22, ст. 141).

5. Положение о Народном комиссариате пищевой промышленности Союза ССР — утв. СНК СССР от 5/V 1938 г. (СП СССР 1938 г. № 22, ст. 141).

6. Об утверждении Положения о главном управлении лесоохраны и лесонасаждений при СНК Союза ССР — пост. СНК СССР от 26/IV 1938 г. (СП СССР 1938 г. № 22, ст. 142).

7. Положение о главном управлении лесоохраны и лесонасаждений при СНК Союза ССР — утв. СНК СССР от 26/IV 1938 г. (СП СССР 1938 г. № 22, ст. 142).

8. Об изменениях в организационной структуре главного управления Северного морского пути при СНК СССР — пост. СНК СССР от 25/VI 1938 г. (СП СССР 1938 г. № 30, ст. 184).

9. Об утверждении Положения о Народном комиссариате легкой промышленности Союза ССР — пост. СНК СССР от 21/VII 1938 г. (СП СССР 1938 г. № 34, ст. 207).

10. Положение о Народном комиссариате лег-

кой промышленности Союза ССР — утв. СНК СССР от 21/VII 1938 г. (СП СССР 1938 г. № 34, ст. 207).

2. Просвещение

11. Об улучшении организации производства кинокартин — пост. СНК СССР от 23/III 1938 г. (СП СССР 1938 г. № 13, ст. 82).

12. Положение о производственной практике студентов высших учебных заведений Союза ССР — утв. СНК СССР от 26/III 1938 г. (СП СССР 1938 г. № 14, ст. 89).

13. Об ученых степенях и званиях — пост. СНК СССР от 26/IV 1938 г. (СП СССР 1938 г. № 21, ст. 134).

14. О дополнениях к постановлению СНК Союза ССР от 11 ноября 1937 г. «О введении штатных должностей и должностных окладов для профессорско-преподавательского состава в высших учебных заведениях» — пост. СНК СССР от 21/IV 1938 г. (СП СССР 1938 г. № 21, ст. 135).

15. Положение о государственных экзаменах национальных комиссий высших учебных заведений — утв. СНК СССР от 9/V 1938 г. (СП СССР 1938 г. № 24, ст. 152).

16. О порядке и сроках прохождения стажировки, оканчивающими юридические вузы — пост. СНК СССР от 17/V 1938 г. (СП СССР 1938 г. № 24, ст. 153).

17. О типовых проектах детских садов — пост. СНК СССР от 15/VI 1938 г. (СП СССР 1938 г. № 31, ст. 191).

3. Здравоохранение

18. Об укреплении сельского врачебного участка — пост. СНК СССР от 23/IV 1938 г. (СП СССР 1938 г. № 21, ст. 132).

II. НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО

1. Промышленность.

19. О структуре комитета по делам строительства при СНК СССР — пост. СНК СССР от 20/IV 1938 г. (СП 1938 г. № 21, ст. 137).

20. О производстве металлических изделий широкого потребления, предметов домашнего обихода и мебели — пост. СНК СССР от 14/VII 1938 г. (СП 1938 г. № 33, ст. 202).

21. О передаче в систему Наркомтяжпрома главного управления промышленности технических тканей — пост. Экономсовета от 28/VI 1938 г. (СП 1938 г. № 33, ст. 205).

22. Инструкция по применению постановления ЦИК и СНК СССР от 15 июля 1936 г. «О хозяйственных правах главных управлений промышленных наркоматов» (СЗ СССР 1936 г. № 43, ст. 361) — утв. СНК СССР от 21 июля 1938 г. (СП 1938 г. № 34, ст. 209).

2. Земля и сельское хозяйство

23. О ликвидации постоянной лесной межведомственной комиссии по борьбе с вредителями и болезнями леса и лесопродукции, а также по лесосемениному делу при Наркомлесе СССР — пост. СНК СССР от 3/IV 1938 г. (СП 1938 г. № 15, ст. 97).

24. О запрещении исключения колхозников из колхозов — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 19/IV 1938 г. (СП 1938 г. № 18, ст. 115).

25. О неправильном распределении доходов в колхозах — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 19/IV 1938 г. (СП 1938 г. № 18, ст. 116).

26. О налогах и других обязательствах в отношении единоличных хозяйств — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 19/IV 1938 г. (СП 1938 г. № 18, ст. 117).

27. Об отчетности колхозов — пост. СНК СССР от 28/IV 1938 г. (СП 1938 г. № 20, ст. 129).

28. Положение об управлении государственным страховым фондом сортовых семян зерновых культур Наркомзема СССР — утв. СНК СССР от 26/IV 1938 г. (СП 1938 г. № 21, ст. 136).

29. Об организации сортовых управлений (отделов, групп) при наркомземах республик, краевых и областных земельных отделах — пост. Экономсовета при СНК СССР от 20/IV 1938 г. (СП 1938 г. № 21, ст. 140).

30. О порядке изъятия земли у колхозов для государственных нужд — пост. СНК СССР от 2/VI 1938 г. (СП 1938 г. № 27, ст. 177).

31. О государственном плане развития животноводства на 1938 г. — пост. СНК СССР от 17/VI 1938 г. (СП 1938 г. № 28, ст. 182).

32. Об уборке урожая 1938 года — пост. СНК СССР от 23/VI 1938 г. (СП 1938 г. № 29, ст. 183).

33. Об отводе сенокосных угодий в лесах государственного фонда постоянным рабочим и служащим леспромхозов и лесопунктов — пост. СНК СССР от 5/VII 1938 г. (СП 1938 г. № 33, ст. 203).

3. Транспорт

34. О работе водного транспорта — пост. СНК СССР от 27/III 1938 г. (СП 1938 г. № 13, ст. 80).

35. О железнодорожных тарифах — пост. СНК СССР от 20/III 1938 г. (СП 1938 г. № 14, ст. 87).

36. Об управлении дорожным хозяйством — пост. СНК СССР от 22/IV 1938 г. (СП 1938 г. № 21, ст. 133).

37. О размере штрафа за просрочку платежей при водных перевозках — пост. СНК СССР от 17/V 1938 г. (СП 1938 г. № 24, ст. 155).

38. О пассажирских тарифах водного транспорта — пост. Экономсовета при СНК СССР от 11/V 1938 г. (СП 1938 г. № 24, ст. 156).

39. Об изменениях в организационной структуре главного управления Северного морского пути при СНК СССР — пост. СНК СССР от 25/VI 1938 г. (СП 1938 г. № 30, ст. 184).

4. Связь

40. Об изменении постановления СНК СССР от 23 мая 1936 г. «Об улучшении лицевой почтовой связи» — пост. СНК СССР от 8/VI 1938 г. (СП 1938 г. № 30, ст. 186).

III. ФИНАНСЫ

41. Об амортизационных отчислениях предприятий системы Народного комиссариата заготовок — пост. СНК СССР от 8/III 1938 г. (СП 1938 г. № 14, ст. 90).

42. Об амортизационных отчислениях совхозов и подсобных предприятий системы Наркомсовхозов и Наркоминищпрома — пост. СНК СССР от 8/III 1938 г. (СП 1938 г. № 14, ст. 91).

43. Об амортизационных отчислениях и об улучшении ремонта в промышленных предприятиях Наркомместпромов — пост. СНК СССР от 8/III 1938 г. (СП 1938 г. № 14, ст. 92).

44. Об улучшении организации сбора налоговых и страховых платежей в деревне — пост. СНК СССР от 26/IV 1938 г. (СП 1938 г. № 21, ст. 130).

45. Об амортизационных отчислениях совхозов и подсобных предприятий Наркомзема РСФСР и треста пригородных хозяйств — пост. СНК СССР от 15/IV 1938 г. (СП 1938 г. № 21, ст. 139).

46. О контрольно-ревизионном управлении Народного комиссариата финансов Союза ССР — пост. СНК СССР от 9/V 1938 г. (СП 1938 г. № 22, ст. 143).

47. О выпуске государственного внутреннего выигрышного займа 1938 г. и о конверсии государственных внутренних выигрышных займов 1929 г., 1930 г., 1932 г. и 1935 г. — пост. СНК СССР от 30/IV 1938 г. (СП 1938 г. № 22, ст. 144).

48. Условия выпуска государственного внутреннего выигрышного займа 1938 г. и проведение обмена облигаций ранее выпущенных государственных внутренних выигрышных займов 1929 г., 1930 г., 1932 г. и 1935 г. — утв. СНК СССР 30/IV 1938 г. (СП 1938 г. № 22, ст. 144).

49. О бюджете государственного социального страхования на 1938 год — пост. СНК СССР от 12/V 1938 г. (СП 1938 г. № 23, ст. 147).

50. О ставках подоходного налога для организаций промкооперации системы Всекопромсоюза на 1938 г. — пост. СНК СССР от 8/V 1938 г. (СП 1938 г. № 23, ст. 148).

51. Инструкция Народного комиссариата финансов Союза ССР от 28 апреля 1938 г. № 221/30 «О работе налоговых агентов районных финансовых отделов» — утв. Экономсоветом при СНК Союза ССР от 29/IV 1938 г. (СП 1938 г. № 23, ст. 151).

52. О сроках хранения неустребованных из депозита сумм — пост. СНК СССР от 21/VI 1938 г. (СП 1938 г. № 30, ст. 185).

53. Об отмене III раздела инструкции Госбанка от 11 июля 1936 г. о кредитовании торгующих организаций при перевыполнении квартального плана товарооборота — пост. Экономсовета при СНК СССР от 4/VI 1938 г. (СП 1938 г. № 30, ст. 188).

54. О выпуске государственного займа третьей пятилетки (выпуск первого года) — пост. СНК СССР от 1/VII 1938 г. (СП 1938 г. № 31, ст. 189).

55. Условия выпуска государственного займа третьей пятилетки (выпуск первого года) — утв. СНК СССР от 1/VII 1938 г. (СП 1938 г. № 31, ст. 189).

56. О разукрупнении кредитных управлений Государственного банка СССР — пост. СНК СССР от 15/VI 1938 г. (СП 1938 г. № 31, ст. 192).

IV. ТОРГОВЛЯ, ЗАГОТОВКИ и СНАБЖЕНИЕ

57. О создании бюро цен при президиуме Госплана СССР — пост. СНК СССР от 13/IV 1938 г. (СП 1938 г. № 17, ст. 111).

58. О плане контрактации новодубяных культур (жонной конопли, кенафа и канатника) урожая 1938 г. — пост. Экономсовета при СНК СССР от 15/IV 1938 г. (СП 1938 г. № 17, ст. 114).

59. О контрактации и заготовках табаков и махорки урожая 1938 г. и мероприятиях по улучшению качества сырья — пост. Экономсовета при СНК СССР от 28/IV 1938 г. (СП 1938 г. № 23, ст. 150).

60. О ценах на пищевые товары производства предприятий местного подчинения — пост. Экономсовета при СНК СССР от 10/V 1938 г. (СП 1938 г. № 24, ст. 158).

61. Об упорядочении сбыта черных металлов — пост. СНК СССР от 3/VI 1938 г. (СП 1938 г. № 27, ст. 179).

62. О сроках действия счетов-лицензий, выданных бывш. Торгсином и другими организациями — пост. СНК СССР от 5/II 1938 г. (СП 1938 г. № 30 ст. 187).

63. О встречной продаже товаров широкого потребления колхозам, колхозникам и единоличникам при закупках сельскохозяйственных продуктов и сырья — пост. Экономсовета при СНК СССР от 10/VII 1938 г. (СП 1938 г. № 33, ст. 204).

V. КОММУНАЛЬНОЕ и ЖИЛИЩНОЕ ХОЗЯЙСТВО

64. Об использовании амортизационных отчислений и об улучшении ремонта коммунальных предприятий — пост. СНК СССР от 8/IV 1938 г. (СП 1938 г. № 17, ст. 113).

65. Об использовании амортизационных отчислений и об улучшении капитального ремонта торговых предприятий — пост. Экономсовета при СНК СССР от 20/VII 1935 г. (СП 1935 г. № 34, ст. 210).

VI. ТРУД и СОЦСТРАХОВАНИЕ

66. О выходных днях 1 января, 23 января и 1 марта — пост. СНК СССР от 27/II 1938 г. (СП 1938 г. № 14, ст. 88).

67. О ставках заработной платы работников народных судов — пост. Экономсовета при СНК СССР от 22/III 1938 г. (СП 1938 г. № 14, ст. 93).

68. О дополнении постановления Совета народных комиссаров Союза ССР от 11 марта 1933 г. «Об упорядочении совместительства» — пост. СНК СССР от 27/IV 1938 г. (СП 1938 г. № 21, ст. 138).

69. Об оплате труда трактористов МТС — пост. Экономсовета при СНК СССР от 13/V 1938 г. (СП 1938 г. № 24, ст. 157).

70. О порядке издания народными комиссариатами приказов по вопросам заработной платы — пост. СНК СССР от 4/VI 1938 г. (СП 1938 г. № 27, ст. 178).

71. Об упорядочении дела набора рабочей силы из колхозов — пост. СНК СССР от 21/VII 1938 г. (СП 1938 г. № 34, ст. 208).

VII. СУДОУСТРОЙСТВО, СУДОПРОИЗВОДСТВО, УГОЛОВНОЕ и ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

72. Инструкция Народного комиссариата юстиции Союза ССР о порядке рассмотрения народными судами жалоб на неправильности в списках избирателей — утв. СНК СССР от 5/V 1938 г. (СП 1938 г. № 22, ст. 146).

VIII. АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

73. О сокращении пропусков в наркоматах и учреждениях — пост. СНК СССР от 16/III 1938 г. (СП 1938 г. № 13, ст. 83).

74. Об утверждении Устава службы рыболовного надзора — утв. СНК СССР от 15/IV 1938 г. (СП 1938 г. № 17, ст. 110).

75. О реорганизации пожарной охраны в 8 городах и об усилении частей пожарной охраны Наркомвнудела СССР — пост. СНК СССР от 6/V 1938 г. (СП 1938 г. № 22, ст. 145).

76. Положение о добровольной пожарной дружине на промышленных предприятиях — утв. СНК СССР от 6/V 1938 г. (СП 1938 г. № 22, ст. 145).

ИЗДАТЕЛЬ: Юридическое издательство НКЮ СССР

Ответственный редактор А. Я. ВЫШИНСКИЙ

Рукопись поступила в издательство 23/IX 1938 г.

Сдано в производство 25/IX 1938 г.

Подписано к печати 27/X 1938 г. 5¹/₄ и. л. 14,81 авт. л. Формат 70×103 Ю—из.; № 688. В одном бум. листе 213 000 экз.

Адрес издательства: Москва, 12, Красная площадь, зл. СНК СССР пом. 28. Технический редактор Н. Рушковский

Уполномоченный Главлита РСФСР № Б-49039

Зак. № 1141

Тираж 23 000 экз.

18-я типография треста «Полиграфинга», Москва, Шубинский пер., 10

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
А. Вышинский — Сталинская Конституция и социалистическая законность	1
М. Савицкий — Документ величайшего исторического значения	10
М. Львович — За большевистский контроль исполнения	15
Методика подготовки обвинительной речи на суде	18
Б. Шавер — Допрос несовершеннолетних	31
В. Черваков — К криминалистической оценке симуляции	42
В. Громов — О некоторых ошибках и искривлениях в следственной работе	48
С. Гликман — О квалификации телесных повреждений	53
Плетников — Может ли считаться судившимся гражданин, получивший от суда предостережение при оправдательном приговоре	55
В. Бошко — Исполнение судебных решений по алиментным делам в пред- приятиях и учреждениях г. Киева	57
М. Гельфер — О проекте условного осуждения в царской России	62

Обмен опытом

О некоторых неправильностях, допускаемых судами при рассмотрении железнодорожных дел	66
Осмотр места преступления	67
Заметки о расследовании дел о крушениях	70
Спорный случай из области наследственного права	71
О приеме юрисконсультов в адвокатуру	72
Судебно-надзорная практика Прокуратуры Союза	74
Библиография	85
Сводка важнейших постановлений	90